

DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303 ISSN 2409-630X (Print),
ISSN 2618-916X (Online)

научный журнал

Экономическая история

Том
Vol. 19 № 3 / 2023

Scholarly journal

Russian Journal of Economic History

Сквозной номер выпуска – 62

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва) 430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Экспертный совет:

Научный совет РАН

по экономической истории;

Научно-образовательный центр

«Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья»

Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;

Центр экономической истории

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43075

Издается с июня 2005 года

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,

ул. Большевикская, 68, оф. 411,

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 62

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«National Research

Ogarev Mordovia State University»

68, Bolshevistskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Ogarev Mordovia State University)

19, Bakhtin St., 430905, Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Expert board:

Scientific Council of RAS on economic history;

Research and Educational Center

«The Economic History of Central Russia and the Middle Volga region»

of National Research Ogarev Mordovia State University; Center of Economic History

of Lomonosov Moscow State University

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43075

Published since June 2005

Publication frequency: quarterly

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia

History and Sociology Institute

Telephone: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Журнал «Экономическая история»
входит в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU
и проект РИНЦ (сублицензионный договор
№ 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.);
в базу данных Ulrich's Periodicals Directory
американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены
по адресу: <http://elibrary.ru/default.asp>

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-48742
от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал
«Экономическая история» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

Компьютерная верстка
и художественное оформление
Г. Н. Давыдовой
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 25.09.2023.
Дата выхода в свет 30.09.2023.
Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 9,45
Тираж 300 экз. (1-й завод – 100 экз.)
Заказ № 511.
Цена свободная

Адрес типографии
Типография Издательства
Мордовского университета
430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

The journal «Russian Journal of Economic History»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense
contract № 143-07/2010 19.07.2010)
Ulrich's Periodical directory database of the
American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
<http://elibrary.ru/default.asp>

The journal is registered by the Federal Service
for supervision of communications, information
technology, and mass media (certificate
of registration PI № FS77-48743
of February 28, 2012)

Before reprinting the reference
to the journal «Russian Journal of Economic
History» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with
the publishing author

Desktop publishing
and graphic design by
G. N. Davydova
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 25.09.2023.
Date of publishing 30.09.2023.
Sheet size 70 × 108 1/16.
Conventional printed sheets 9,45
Number of copies 300 (1 plant – 100)
Order No. 511.
Free price

Address printing
Ogarev Mordovia
State University Printshop
24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Марискин Олег Иванович – *заместитель главного редактора*, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Алексеев Вениамин Васильевич – академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Бибиков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, mbibikov@mail.ru (Москва, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – профессор Цзилиньского университета, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Барнаул, Россия)

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Карпов Сергей Павлович – академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, spkarp1204@yandex.ru, karпов@hist.msu.ru (Москва, Россия)

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, Высшая школа экономики, vvkerov@gmail.com (Москва, Россия)

Леонард Кэрл Скотт – профессор, Оксфордский университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Академия народного хозяйства и государственной службы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Великобритания; Москва, Россия)

Лизунов Павел Владимирович – доктор исторических наук, Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Северодвинск, Россия)

Макушев Анатолий Афанасьевич – доктор исторических наук, начальник Департамента управления делами Пенсионного фонда Российской Федерации, amakushev@100.pfr.ru (Москва, Россия)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН, dir_iri_ran@mail.ru (Москва, Россия)

Поткина Ирина Викторовна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Москва, Россия)

Саломатина Софья Александровна – кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Москва, Россия)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, Институт экономики РАН, senyavsy@yandex.ru (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, the Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Historical Informatics, Lomonosov Moscow State University, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Veniamin V. Alekseev – Academician, Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History and Archeology, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Viktor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominik Barjo – Professor, the University of Paris IV (Paris, France)

Mikhail V. Bibikov – Doctor of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, mbibikov@mail.ru (Moscow, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Chzhan Guansjan – Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, China)

Evgenya V. Demchik – Doctor of History, Dean, Faculty of History, Altai State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Barnaul, Russia)

Vladimir V. Zapariy – Doctor of History, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey P. Karpov – Academician, Russian Academy of Sciences, Dean of Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, spkarp1204@yandex.ru, karpov@hist.msu.ru (Moscow, Russia)

Valeriy V. Kerov – Doctor of History, National Research University Higher School of Economics, vvkerov@gmail.com (Moscow, Russia)

Carol Scott Leonard – Professor, Oxford University, National Research University Higher School of Economics, Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Great Britain; Moscow, Russia)

Pavel V. Lizunov – Doctor of History, the Severodvinsk branch of Lomonosov Pomorian State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Severodvinsk, Russia)

Anatoliy A. Makushev – Doctor of History, Head of Administration of the Pension Fund of the Russian Federation, amakushev@100.pfr.ru (Moscow, Russia)

Yuriy A. Petrov – Doctor of History, Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, dir_iri_ran@mail.ru (Moscow, Russia)

Irina V. Potkina – Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Moscow, Russia)

Sof'ya A. Salomatina – Candidate of History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Senyavskiy – Doctor of History, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, senyavsy@yandex.ru (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Professor, University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the Honoured President of the International Association on Economic History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Слудных

**РАЗВИТИЕ ОПТИКИ В УСЛОВИЯХ РАННЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.** 217

Е. С. Лахтионова

**УЧАСТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970–1980-е гг.** 229

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В. М. Арсентьев

**АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВИЧ СКРЕБИЦКИЙ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СИМБИРСКОГО ПОМЕЩИКА-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ..** 246

С. В. Кистанов

**НАЧАЛО РЕШЕНИЯ АГРАРНОГО ВОПРОСА «СНИЗУ» ВЕСНОЙ 1917 г.
НА ПРИМЕРЕ КРАСНОСЛОБОДСКОГО УЕЗДА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ** 256

Т. В. Шитова, С. В. Першин

**ТРЕБООСПРАВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ДОХОДОВ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИЧТА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОРДОВСКОГО КРАЯ)** 267

М. А. Королев, И. В. Рубанова

**ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)** 275

РЕЦЕНЗИИ

А. К. Кириллов

**СУДЬБА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИСТОРИКА: В. Н. ШЕРСТОБОВЕ И «ИЛИМСКАЯ
ПАШНЯ» В СВЕТЕ НОВОЙ КНИГИ Д. Я. МАЙДАЧЕВСКОГО**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Майдачевский Д. Я. «...Я Вас полагаю единственным у нас
в Иркутске историком»: В. Н. Шерстобоев и «бои за историю»
не местного значения, вторая половина 1940-х – 1950-е годы: историогр. очерки» ...** 283

В. В. Запарий

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Цеменкова С. И., Черноухов А. В. «Руководители аппарата
горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.:
биографический справочник»** 290

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 295

CONTENT

INDUSTRIAL HISTORY

Anatoly V. Sludnyh

DEVELOPMENT OF OPTICS UNDER CONDITIONS OF EARLY INDUSTRIAL MODERNIZATION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURIES 217

Elizaveta S. Lakhtionova

PARTICIPATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE ACTIVITIES TO PRESERVE INDUSTRIAL HERITAGE MONUMENTS IN THE SVERDLOVSK REGION IN THE 1970–1980s 229

HISTORY OF THE REGIONAL ECONOMY

Viktor M. Arsentiev

ALEXANDER NIKIFOROVICH SKREBITSKY: STROKES TO THE PORTRAIT OF A SIMBIRSK LAND ENTREPRENEUR 246

Sergey V. Kistanov

THE BEGINNING OF THE SOLUTION OF THE AGRARIAN QUESTION “FROM BELOW” IN THE SPRING OF 1917 ON THE EXAMPLE OF KRASNOSLOBODSKY UYEZD OF PENZA PROVINCE 256

Tatiana V. Shitova, Sergey V. Pershin

PAYMENT FOR OCCASIONAL RELIGIOUS RITES IN THE INCOME STRUCTURE OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE MORDOVIAN REGION) 267

Maxim A. Korolev, Irina V. Rubanova

FINANCIAL ASPECTS OF EDUCATION DEVELOPMENT IN THE REGION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN (ON THE EXAMPLE OF THE VOTSK AUTONOMOUS REGION) 275

THE REVIEW

Alexey K. Kirillov

THE FATE OF AN ECONOMIC HISTORIAN: V. N. SHERSTOBOEV AND “ILIM ARABLE LAND” IN THE LIGHT OF THE NEW BOOK BY D. Ya. MAIDACHEVSKY

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH: Maidachevsky D. Ya. “...I Consider You the Only Historian in Irkutsk”: V. N. Sherstoboev and “Battles for History” of non-local significance, the second half of the 1940s – 1950s: historiograph essays 283

Vladimir V. Zapariy

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH: The Heads of the Apparatus of the Mining Authorities of the Urals in the 20s – 50s 18th Century: Biographic Reference Book 290

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 296

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.217-228

УДК 330.342.2

А. В. Слудных

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*

Развитие оптики в условиях раннеиндустриальной модернизации во второй половине XIX – начале XX в.

Аннотация

Введение. Актуальность темы связана с важностью изучения истории одной из перспективных отраслей промышленности и науки – оптики. Исследование реализовано в контексте раннеиндустриальной модернизации в России во второй половине XIX – начале XX в., процессы которой могут быть сопоставлены с современным периодом модернизации в условиях постиндустриального общества.

Материалы и методы. Исследование опирается на теорию модернизации, в рамках которой изучается история оптики с точки зрения развития экономики, технологий и социокультурной сферы отрасли.

Результаты исследования. История оптики подтверждает наличие особенностей раннеиндустриальной модернизации в России: высокая скорость течения промышленного переворота; ключевая роль государства; зависимость от импортных технологий. Важным фактором становления оптики стала буржуазия. Ее экономическая, социокультурная деятельность, деловые практики сыграли важную роль в формировании новой отрасли производства. Одной из характерных черт становления наукоемкой отрасли стала тесная связь науки и производства.

Обсуждение и заключение. Несмотря на успехи, достигнутые в оптике до революции, создать массовое промышленное оптическое производство в России не удалось. Но были заложены технологические, производственные, научные и социокультурные предпосылки для становления оптического производства, науки и образования. Большая часть дореволюционных оптических производств послужила базой советских оптико-механических предприятий.

Ключевые слова: раннеиндустриальная модернизация, оптика, производство, наука, оптические приборы, образование.

Для цитирования: Слудных А. В. Развитие оптики в условиях раннеиндустриальной модернизации во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 217–228. DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.217-228.

© Слудных А. В., 2023

Anatoly V. Sludnyh

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Development of Optics under Conditions of Early Industrial Modernization in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is related to the importance of studying the history of one of the promising branches of industry and science – optics. The study was carried out in the context of early industrial modernization in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries, which can be compared with the modern period of modernization in a post-industrial society.

Materials and Methods. The study is based on the theory of modernization, within which optics is studied from the point of view of the development of the economy, technology and the socio-cultural sphere of the industry.

Results. The history of optics confirms the presence of features of early industrial modernization in Russia: the high speed of the industrial revolution; the key role of the state; dependence on imported technologies. The bourgeoisie has become an important factor in the development of the optics industry. Its economic, socio-cultural activities, business practices played an important role in the formation of a new industry. One of the characteristic features of the formation of a science-intensive industry was the close connection between science and production.

Discussion and Conclusions. Despite the successes achieved by optics before the revolution, it was not possible to create mass industrial optical production in Russia. But the technological, industrial, scientific and socio-cultural prerequisites for the development of optical production, science and education were laid. Most of the pre-revolutionary optical industries served as the basis for Soviet optical and mechanical enterprises.

Keywords: early industrial modernization, optics, production, science, optical devices, education.

For citation: Sludnyh A. V. Development of Optics under Conditions of Early Industrial Modernization in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 217–228. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.217-228.

Введение

Россия во второй половине XIX – начале XX в. проходила фазу раннеиндустриальной модернизации. Российская империя имела ряд характерных для стран второго эшелона модернизации особенностей развития. Промышленный переворот проходил неравномерно. По данным академика С. Г. Струмилина, в 1866 г. механические станки в промышленности России составляли только 17,5 % от общего числа станков [12, с. 435].

В российской модернизации было повышено влияние внешних факторов. По мнению Т. М. Братченко и А. С. Сенявского, «индустриальная модернизация была императивом развития России на протяжении нескольких столетий, что вызывалось преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов –

индустриальным развитием ряда западных держав, чреватым экономическим и военным отставанием страны» [4, с. 90].

Социально-экономическое развитие России сопровождали: низкая производительность труда на фоне высоких темпов развития экономики; зависимость от иностранных инвестиций, технологическое отставание от стран первого эшелона. С другой стороны, среди успехов раннеиндустриальной модернизации в России на рубеже веков можно назвать высокие темпы промышленного развития; усиление роли предпринимателей; монополизацию ключевых отраслей производства.

Государство активно способствовало развитию экономики в условиях государственно-монополистического капитализма. По словам Т. М. Братченко и А. С. Сеняв-

ского, «модернизация на основе многочисленных, разнообразных по задачам реформ инициировалась и проводилась сверху, российским государством, а иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития» [4, с. 91].

Таким образом, Россия на рубеже веков «по объему промышленного производства вошла в пятерку ведущих индустриальных стран. Доля Российской империи без Финляндии и царства Польского в мировом ВВП в 1913 г. составляла около 5 %, по современным уточненным данным, 9 %» [2, с. 12].

Материалы и методы

Исследование опирается на теорию модернизации, в рамках которой оптика рассматривается на раннеиндустриальной стадии развития с точки зрения экономической составляющей, совершенствования технологий и социокультурной сферы. Сформулировать методологические подходы к проблеме помогли работы В. В. Алексеева [1], Н. М. Арсентьева [2], Т. М. Братченко и А. С. Сенявского [4].

Первоисточниками для статьи послужили отчеты, альбомы, каталоги промышленно-художественных выставок конца XIX – начала XX в., записки и заметки видных деятелей оптического производства и науки. В исторической литературе развитие оптики представлено в трудах по истории науки и техники [7; 9; 11; 18]. Первой попыткой создать обобщающее исследование по истории оптики как сферы науки и производства предпринял А. Ф. Белозеров [3]. Целенаправленному научному исследованию развитие оптики во второй половине XIX – начале XX в. было подвергнуто автором настоящей статьи в монографии [10]. Используются работы современных авторов об отдельных направлениях развития отрасли [5; 6], об истории конкретных оптико-механических фирм [13; 14–16] и о становлении оптического образования [8].

Результаты исследования

Одна из перспективных отраслей промышленности и науки – оптика – развивалась по законам раннеиндустриальной модернизации. Оптической промышленности,

основанной на массовом фабричном производстве, в Российской империи еще не сложилось. Россия импортировала большую часть оптики и оптического стекла. Ввоз оптических приборов и инструментов в Россию возрастал каждые 10 лет: в 4 раза – с начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.; в 2 раза – к началу 1880-х гг.; в 3 раза – к началу 1890-х гг.; еще в 2 раза – к концу XIX в.; в 1,5 раза – с конца XIX в. до начала Первой мировой войны [3, с. 105]. Сложилась зависимость Российской империи от импорта оптотехники: «...страна обрекалась на дальнейшее отставание от индустриальной цивилизации, что ставило под вопрос ее независимость» [1, с. 14]. Потребность в точных приборах с каждым годом возрастала в связи с развитием военной техники, медицины, промышленного оборудования, распространением геодезических работ.

Однако в XIX – начале XX в. в России возникло около 200 оптических мастерских и заводов. Многие из них были представительствами иностранных фирм. Основная масса предприятий осуществляла ручную сборку из иностранных деталей и импортного оптического стекла. В 1820-е гг. были созданы Военно-топографическое депо Главного штаба и мастерская Гидрографического управления Морского министерства. В этих небольших мастерских изготавливались зрительные трубы, астролябии, буссоли с диоптрами, нивелиры, секстанты, теодолиты, кипрегель-высотомер-дальномеры.

Во второй половине XIX в. оптика стала неотъемлемой частью военной техники и обмундирования. Бинокли для российской армии поставляла оптико-механическая мастерская К. Воткея в Санкт-Петербурге. В 1870 г. в ней работали 50 чел. В 1888 г. в армию было поставлено 1 752 бинокля, в 1889 – 3 046, в 1890 г. – 2 274. В 1900 г. для Военного министерства фирмой «К. Воткей» были произведены 11 зрительных труб, 13 парных приборов генерал-лейтенанта Моллера и 30 биноклей для ночных наблюдений [16, с. 162].

Производством биноклей также занималась оптическая фирма И. Я. Урлауба в

Санкт-Петербурге. На Всероссийской промышленно-художественной выставке в 1896 г. в Нижнем Новгороде она выставила военно-полевые бинокли образца Главного штаба; артиллерийские бинокли образца Кронштадтской крепостной артиллерии; военно-полевые бинокли новейшего образца 1896 г.; военно-морские бинокли; офицерские бинокли из алюминия; бинокли «Силосвет», пригодные для дневных и ночных наблюдений на море, на поле, при стрельбе и воздухоплавании¹.

Производство артиллерийских прицелов в начале XX в. было налажено на Обуховском сталелитейном заводе. Выпускник Артиллерийской академии военный инженер Я. Н. Перепелкин в 1904 г. разработал и налазил изготовление нескольких типов артиллерийских прицелов. Механические части для них изготавливали полевой отдел завода и частные мастерские, а оптические закупались за границей [18, с. 161–162]. Мастерская имела 22 механических и 8 оптических станков и могла выпускать каждый месяц около 100 прицелов [5].

После поражения России в Русско-японской войне при поддержке Военного и Морского министерств в 1905 г. русский математик, специалист в области морской артиллерии А. Н. Крылов и инженер Я. Н. Перепелкин выступили с инициативой создания на Обуховском заводе оптического отдела и оптической мастерской. С 1906 г. мастерская стала производить разработанный Я. Н. Перепелкиным оптический прицел. С 1909 г. руководителем оптического отдела мастерской стал физик, знаток инструментальной оптики, профессор Санкт-Петербургского университета А. Л. Гершун. Мастерская производила стереотрубы, полевые призматические бинокли, артиллерийские панорамы, стереотрубы, артиллерийские буссоли с оптическим визиром [5]. В 1912 г. при мастерской открылось специальное отделение для ремонта и выверки дальнометров, одного из самых сложных оптических

инструментов того времени. В том же году оборудование пополнилось станками, штат рабочих – высококвалифицированными специалистами с закрывшегося варшавского оптического завода «ФОС» [18, с. 162].

В 1905 г. в мастерской работали всего 8 чел., в 1908 – 47, в 1911 – 122, в 1914 – 353, в 1917 г. – 693 чел. С началом Первой мировой войны мастерская на Обуховском заводе получила правительственные субсидии, позволившие наладить производство башенных перископов, перископов для крепостных установок и подводных лодок, прицелов для винтовок, пулеметов и минных аппаратов, светосигнальных приборов. Руководил мастерской в эти годы один из основателей оптической промышленности в России С. И. Фрейберг.

В 1900 г. завод «Н. Рейхель» был приобретен к разработке и изготовлению морских оптических артиллерийских прицелов, в том числе нового прицела конструкции Я. Н. Перепелкина. Заводом были получены заказы на переделку 100 старых прицелов и крупный заказ на изготовление 500 штук усовершенствованных прицелов образца 1907 г. для Морского министерства. В годы Первой мировой войны завод «Н. Рейхель» выполнял заказы Главного артиллерийского управления (ГАУ) и Морского министерства. За годы войны число рабочих на заводе увеличилось со 140 чел. (1914 г.) до 250 (1917 г.) [3, с. 96–97].

В 1905 г. в Риге открылись филиалы крупных немецких фирм: оптическое заведение «К. П. Гёрц» и мастерская торгового дома «Карл Цейс». Они собирали призматические бинокли, стереотрубы и артиллерийскую панораму («панораму Гёрца») из импортных деталей и импортного оптического стекла. В 1916 г. на их базе был создан казенный Петроградский оптический завод ГАУ [6].

В 1914 г. в Санкт-Петербурге по прошению А. Л. Гершуна на правительственные деньги при участии капитала французского акционерного общества «Шнейдер и Кре-

¹ См.: Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Н. Новгороде в 1896 г. СПб., 1896. С. 13.

зо» было основано Российское акционерное общество оптического и механического производств (РАОМП) [13, с. 54]. На Чугунной улице началось строительство оптико-механического завода. В 1915 г. завод приступил к выполнению заказов Военного министерства: взрывателей, прицелов, стереотруб, перископов для артиллерии и дальномеров. В 1915 г. на заводе работали 300 чел., в 1916 – 900, а к 1917 г. – около 1 000 чел. Он проработал до 1917 г., послужил основой для одного из крупнейших советских оптических предприятий – Государственного оптико-механического завода (ГОМЗ), позднее вошедшего в Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО).

Несмотря на наличие нескольких заводов, собирающих военную оптику, большую часть сложных оптических приборов, деталей к ним и оптическое стекло по-прежнему покупали за границей. В годы Первой мировой войны Россия вынуждена была заказывать оптико-механические приборы в США, Японии и Германии [6].

Монополистом по производству оптического стекла и оптических приборов перед Первой мировой войной оставалась немецкая фирма О. Шотта – К. Цейса. Во Франции стекло производила фирма «Парра-Мантуа», в Англии – предприятие братьев Ченз. В условиях Первой мировой войны в 1915 г. поставки оптического стекла в Россию прекратились. Перед Российской империей встала задача организации собственного оптико-стекляного производства, но решена она была только в советское время.

Вторым фактором развития оптотехники в конце XIX – начале XX в. были потребности геодезии, картографии и землеустроительных работ. В аграрно-индустриальной России сельское хозяйство оставалось главной отраслью экономики. В 1816 г. в Санкт-Петербурге было основано оптико-механическое заведение Г. Белау², специализирующееся на изготовлении геодезических инструментов. Многие изделия Г. Белау служили образцами для других

фирм. В 70-х гг. XIX в. в мастерской трудились 14 рабочих, вне заведения работали еще 30 чел. [9].

В 1870–1880-е гг. на заводе «Н. Рейхель» делали планиметры системы П. А. Зарубина. В Санкт-Петербурге располагалось отделение фабрики математических, геодезических и чертежных инструментов «Г. Герлах». Фабрика была создана в 1816 г. в Варшаве, специализировалась на геодезических и чертежных инструментах. В конце XIX в. завод выпускал теодолиты, нивелиры, астролябии, буссоли, мензулы, кипрегели и профессиональный чертежный инструмент. В годы строительства Транссибирской магистрали фирма выполняла заказ правительства России по обеспечению работ геодезическими инструментами. Фирма Герлаха имела отделения в Москве и являлась представителем в России швейцарской фирмы Коради и немецкой фирмы Феннеля.

Геодезические приборы в конце XIX в. в Санкт-Петербурге создавала также фирма Р. Ветцера. Ее инструменты получало Русское географическое общество, много лет использовали исследователь М. В. Певцов – в экспедициях в Среднюю и Центральную Азию – и геодезист, военный топограф Ю. А. Шмидт – в экспедициях и нивелирных работах на железных дорогах России.

В годы Столыпинской аграрной реформы вырос спрос на геодезические приборы. В 1908 г. в Москве открылся Оптико-механический институт торгового дома «М. Таубер, К. Цветков и Ко». Среди учредителей были выдающиеся специалисты в области геодезии: К. А. Цветков – астроном, преподаватель Межевого института, участник полярной экспедиции адмирала С. О. Макарова; И. А. Иверонов – служащий Межевой канцелярии, директор Московского сельскохозяйственного института, учредитель и первый председатель Общества русских землемеров. Предприятие включало фабрику, столярную и литейную мастерские, магазин, лучший в России оптический цех. Основной продукцией фирмы стали стек-

² См.: Журнал мануфактур и торговли. 1829. № 6. С. 136.

ла для оптических приборов и геодезических инструментов. Фирма «М. Таубер, К. Цветкови Ко» являлась генеральным представителем и поставщиком инструментов фирм «Штенгель и Сыновья» из Мюнхена и «Г. Хеуде» из Дрездена. Потребителями ее изделий были Межевое ведомство, высшие учебные заведения. Фирма участвовала в снаряжении гидрологических экспедиций, к 1914 г. число рабочих составляло 94 чел. [16, с. 290–291].

В 1908 г. совет Общества русских землемеров устроил первую в России выставку геодезических инструментов и чертежных принадлежностей в парадном зале Константиновского межевого института в Москве. В выставке приняли участие 12 ведущих иностранных фирм, 6 русских фирм, в числе которых «Е. С. Трындына С-вей» (представитель австрийской фирмы «Нейгофер и сын»), Торговый дом «Ф. Швабе», фирма П. И. Громова, а также 7 научных учреждений³.

Движущим фактором становления оптики стало развитие биологии, медицины, особенно офтальмологии. Оптиком Императорской медико-хирургической академии стал Г. Штраус, а позже – И. Я. Урлауб. Мастерская Урлауба в 1877 г. выпустила первый каталог оптического-окулистических инструментов, а в 1879 г. стала поставщиком Императорской медико-хирургической академии. В 1886 г. И. Я. Урлауб был назначен механиком Клинического института Великой княгини Елены Павловны. В 1888 г. был изготовлен первый образец набора стекол для врачей⁴. На Врачебно-гигиенической выставке 1889 г. фирма представила полную научно-систематизированную коллекцию глазных протезов⁵. При мастерской в 1890 г. был открыт отдел по ремонту и усовершенствованию микроскопов, а в 1896 г.

И. Я. Урлаубом была разработана оригинальная конструкция полевого бинокля.

Медицинские оптические инструменты создавали и другие мастерские. В конце 1870-х гг. фирма «Е. С. Трындына С-вей» являлась комиссионером Общества русских врачей, инструментальной мастерской Московского военного округа, поставщиком больниц, полков и земств [14].

Новые виды искусства – фотография и кинематограф – нуждались в качественной съемочной аппаратуре. На Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве в 1882 г. были устроены сравнительные испытания «волшебных фонарей». В испытаниях участвовали фирмы Ф. Швабе и Е. С. Трындына⁶. В начале 1899 г. инженер А. Д. Гинсберг учредил в Варшаве «Фабрику оптических снарядов» («ФОС»), занимавшуюся совместно со Швабе разработкой оптических приборов. «ФОС» изготавливала фотографические объективы, которые к этому времени ни одно заведение в России еще не выпускало [18, с. 157–158].

В начале XX в. стала складываться система подготовки кадров по оптике и точной механике на базе средних профессиональных училищ. В 1900 г. было создано Механико-оптическое и часовое отделение (МОиЧО) при Ремесленном училище цесаревича Николая (РУЦН) [8]. Одним из основателей и автором проекта Механико-оптического и часового отделения при Ремесленном училище цесаревича Николая стал А. П. Белановский⁷. Заведующим МОиЧО с 1900 по 1917 г. был директор РУЦН, действительный член Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества В. М. Арбузов [8, с. 13].

На Механико-оптическом отделении в 1900 г. учился 21 чел. Брали юношей с 14 лет со знаниями не ниже высших начальных

³ См.: Отчет, каталог и описание Выставки геодезических инструментов и чертежных принадлежностей, устроенной «Обществом русских землемеров» в январе месяце 1908 года. М., 1909.

⁴ См.: Вестник офтальмологии. 1888–1889. Т. 7. С. 348.

⁵ См.: Обзор двадцатипятилетия деятельности фирмы Оптик-механик Ив. Як. Урлауб. СПб., 1902. С. 12.

⁶ См.: Отчет о Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве. СПб., 1883. Т. 5. С. 546.

⁷ См.: Белановский А. П. Главные основания устройства Правительственной часовой школы в России. СПб., 1892.

училищ. Курс обучения составлял пять лет [17, с. 23]. Для изучения оптико-механического и часового дела и закупки оборудования педагоги нередко выезжали за границу: в Швейцарию, Германию, Австрию, Польшу. Мастером в отделении стал Н. Б. Завадский, один из основоположников технического образования в России, один из организаторов МОиЧО, профессор, с 1920 г. – директор Техникума точной механики и оптики и Профтехшколы точной механики и оптики⁸.

В 1905 г. часовая и оптико-механическая мастерские были объединены под руководством Н. Б. Завадского. Педагог вел курс технической оптики и возглавлял Испытательную лабораторию точных приборов⁹. Одним из выдающихся учеников Н. Б. Завадского стал крупный оптик М. М. Русинов, выпускник Техникума точной механики и оптики и ИТМО, один из основателей оптической промышленности в России. Его отец М. Н. Русинов был преподавателем Техникума точной механики и оптики. В числе первых учеников Н. Б. Завадского был К. С. Герцик-Полубеньский, по рекомендации наставника ставший первым руководителем Оптической мастерской Обуховского сталелитейного завода (1905–1913). В 1911 г. он открыл собственную оптическую мастерскую. Прицелом Герцика оснащались палубные торпедные аппараты в начале XX в.

Выпускники МОиЧО в начале XX в. были востребованы на предприятиях. Мастерская на Обуховском сталелитейном заводе, занимавшаяся производством оптических прицелов и призматических биноклей, комплектовалась выпускниками РУЦН.

Следует заметить, что владельцы некоторых крупных мастерских организовывали ремесленные школы, поскольку оптика и точная механика требовали специальных навыков и знаний. Брать рабочих и мастеров «с улицы» было опасно для качества приборов. При одной из старейших оптико-

механических мастерских – фабрике Трындиных – в 1885 г. открылась первая в России ремесленная школа, в которой учились 25 чел. [15, с. 292].

В оптической отрасли начала складываться преемственность кадров. Работники некоторых мастерских (ученики, подмастерья, управляющие), получив знания и опыт работы с оплотехникой, создавали свои мастерские. С 1854 по 1872 г. В. О. Салль работал в фирме Швабе приказчиком, доверенным, компаньоном Ф. Швабе, а в 1873 г. в Москве открыл собственное оптическое заведение. И. Я. Урлауб с 1870 по 1874 г. работал в Санкт-петербургских оптических магазинах, а в 1877 г. открыл в Санкт-Петербурге оптический и механический магазин. П. И. Громов мальчиком был отдан в обучение на фабрику Швабе в Москве, где прошел путь от подмастерья до заведующего отделением. В 1895 г. он открыл собственную мастерскую по изготовлению физико-механических и оптических приборов.

Многие мастерские поддерживали тесную связь с высшими и средними учебными заведениями. В 1905 г. П. И. Громов стал механиком Императорского Московского университета, с 1905 по 1911 г. заведовал мастерской Физического института Московского университета. В те годы его деятельность связана с работой выдающегося русского физика профессора П. Н. Лебедева.

Оптические мастерские занимались изданием каталогов своей продукции. Фирмой П. И. Громова был выпущен каталог физических приборов и инструментов. Фирма занималась изготовлением инструментов и аппаратов новых конструкций по заданиям ученых и изобретателей, принимала в починку разные аппараты по физике, посылала мастеров-специалистов для исправления и установки их на место [3, с. 91].

Одними из основных направлений деятельности фирмы Трындиных являлись производство учебных пособий и обеспечение

⁸ См.: *Завадский Н. Б.* Докладная записка «О желательности учреждения при школе фабрики оптико-механических и часовых изделий». СПб., 1909. С. 13.

⁹ См.: *Завадский Н. Б.* Заметка о назревающей у нас новой форме промышленности. СПб., 1908. С. 14.

учебных заведений научными приборами. На Международной учебно-промышленной выставке «Устройство и оборудование школы» в Санкт-Петербурге в 1912 г. фирма представила примерный физический кабинет для средней школы и геодезические инструменты [16].

Одним из социокультурных факторов развития оптической отрасли России стало формирование российской торгово-промышленной буржуазии. Многими оптическими мастерскими владели семейные династии, передавая наследникам бизнес, секреты мастерства и ценности предпринимательской этики (достатка, успеха, деловой репутации).

Старейшую в России частную оптико-механическую фирму создал Сергей Семёнович Трындин (1757–1831) – крестьянин-старообрядец из Владимирской губернии. В 1809 г. в Москве он открыл мастерскую по изготовлению и ремонту физических и математических инструментов и приборов и первый русский оптический магазин. Абрам Сергеевич Трындин (1794–1856) после смерти отца стал управлять мастерской и магазином. В 1855 г. отцовское заведение перешло к младшему сыну – Егору Сергеевичу, а Абрам Сергеевич создал новое оптическое заведение. После смерти Абрама Сергеевича в 1856 г. заведение возглавил его сын Иван Абрамович. Оно просуществовало до 1863 г. В 1868 г. после смерти Е. С. Трындина руководство фирмой перешло к его сыновьям – Сергею Егоровичу и Петру Егоровичу. Семейное производство стало носить название «Е. С. Трындина Сыновья». В 1902 г. фирма была преобразована в торговый дом в виде полного товарищества под маркой Торговый дом «Е. С. Трындина Сыновей». После смерти Петра Егоровича вторым учредителем торгового дома и техническим директором фабрики стал Петр Петрович Трындин. В 1914 г. Торговый дом «Е. С. Трындина Сыновей» был преобразован в Торгово-промышленное товарищество на паях «Е. С. Трындина Сыновей в Москве».

В 1816 г. в Санкт-Петербурге было основано оптико-механическое заведение

механика Густава Белау. С 1840-х гг. фирма стала называться «Г. Белау и Сын». После смерти отца фирму возглавил купец, инженер-технолог Константин Густавович Белау. В 1874 г., после смерти К. Г. Белау, фирма перешла к его вдове Каролине Карловне Белау. В 1890-х гг. деятельность фирмы прекратилась.

Среди производителей оптики XIX в. было хорошо известно имя Николая Ивановича Рейхеля (1829–1888). В 1872 г. Н. И. Рейхель выкупил у своего дяди Карла-Иоганна Рейхеля оптико-механическую мастерскую, время создания которой относится к 1827 г., и открыл собственную фирму «Н. Рейхель». После смерти основателя в 1888 г. завод «Н. Рейхель» и сеть магазинов перешли к его сыну Александру Николаевичу Рейхелю, продолжившему дело отца [16, с. 101–102].

Иоганн Эмиль Мильк (1806–1866), прусский поданный, купец, открыл оптико-механическую мастерскую в 1840 г. в Санкт-Петербурге. С 1866 г. после смерти Иоганна-Эмиля фирмой руководил его сын Фридрих-Вильгельм-Бернгард (Федор Иванович) Мильк. В 1882 г. заведение было преобразовано в торговый дом на правах полного товарищества.

Карл Осипович Воткей, французский подданный, купец 2-й гильдии, открыл свое заведение в 1842 г. в Санкт-Петербурге. После смерти К. О. Воткея в 1887 г. во главе фирмы встала его вдова Леонтина-Шарлотта-Мария Воткей. В 1903 г. после смерти матери производство возглавил сын – Максимилиан-Карл-Иоганн, он преобразовал фирму в торговый дом под названием «К. Воткей».

Официальной датой основания магазина и заведения оптических, физических и математических инструментов Франца Зегера считается 1846 г. В 1893 г. Ф. Зегер отошел от деятельности и передал заведение младшему сыну Михаилу Францевичу Зегеру. В 1896 г. мастерская Ф. Зегера была куплена фирмой «А. А. Рогавский и Ко» и переименована в «Рогавский А. А. и Рукин».

Вторая половина XIX – начало XX в. стало временем расцвета науки. Находящаяся на стыке многих естественно-научных и

технических дисциплин, оптика впитывала достижения ученых разных направлений. Физики, химики, метрологи, механики, электротехники, военные инженеры, медики прямо или косвенно способствовали развитию оптической науки и отрасли производства. По мнению историка науки В. Л. Ченакала, во второй половине XIX в. трудно было найти физика, который не занимался бы оптическими проблемами [18, с. 152].

Большой вклад в инструментальную оптику внес Г. И. Вильд, возглавлявший в течение 27 лет Главную физическую обсерваторию. С 1868 по 1895 г. он сконструировал много поляризационных и фотометрических инструментов. Свою лепту в развитие инструментальной оптики внес профессор физики Московского университета Н. А. Любимов. В начале 1870-х гг. им была выполнена работа «Новая теория поля зрения и увеличения оптических снарядов».

Событием в истории русской инструментальной оптики второй половины XIX в. стала работа известного физика, профессора Новороссийского университета в Одессе Ф. Н. Шведова. В 1876–1877 гг. он сконструировал оптический дальномер для использования на военных кораблях и батареях береговой обороны, который эксплуатировался на Черноморском военном флоте [11].

Профессор физики Московского университета П. Н. Лебедев в 1899 г. доказал наличие светового давления [18, с. 158–159]. Ряд ценных работ по физической оптике выполнил академик Б. Б. Голицын. Ученик П. Н. Лебедева, впоследствии академик П. П. Лазарев, провел серию работ по исследованию выплывания красок и пигментов в видимом спектре. Профессор Казанского университета Д. А. Гольдгаммер создал теорию дисперсии света и внес ряд уточнений в вопрос о распространении света в материальных телах. Казанский физик В. А. Ульянин в 1895 г. разработал теорию поляризации при лучеиспускании. Из практических работ Ульянина по оптике наибольшего внимания заслуживают его поляризаторы для инфракрасных лучей.

Русский ученый В. Н. Чиколев, служивший в Главном артиллерийском управлении, в 1885 г. разработал новую оригинальную конструкцию отражателя, вошедшего в мировую литературу под названием «кольцевой отражатель Чиколева» [18, с. 153]. Профессор физики Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Петрушевский в 1859 г. создал оригинальную конструкцию оптического микрометра к телескопу-рефрактору, а в начале 1870-х гг. – специальный лунный спектрофотометр. Разработанный им в 1884 г. фотометр широко использовался для искусственного освещения в школах. Ф. Ф. Петрушевский усовершенствовал осветительное устройство маяков и бакенов, которые использовались береговой службой русского Военно-морского флота.

А. Ф. Иоффе в 1913 г. выполнил работу по исследованию элементарного фотоэлектрического эффекта. Академик Санкт-Петербургской академии наук А. Н. Крылов занимался математикой, механикой, баллистикой, астрономией и теорией кораблестроения и морских приборов. Он явился и одним из инициаторов создания в 1905 г. на Обуховском заводе специального оптического отдела и оптической мастерской [7, с. 207]. Руководителем этого отдела в 1909 г. стал профессор Санкт-Петербургского университета А. Л. Гершун – русский физик, инженер, специалист в области прикладной оптики. В начале XX в. А. Л. Гершун познакомился с оптическим производством в Европе, а в 1912 г. стал научным руководителем Российского общества оптического и механического производства и первым директором открывшегося в 1914 г. завода.

Заведующим мастерской на Обуховском заводе стал выпускник Михайловской артиллерийской академии Я. Н. Перепелкин. В 1907 г. он налаживал производство дальномера, созданного А. Н. Крыловым. С этой целью был отправлен на заводы Барра и Струда в Глазго, которые производили оптико-механические приборы для английского флота. Я. Н. Перепелкин создал систему автоматической наводки башен корабельных орудий, оптико-электрические прибо-

ры центральной наводки противоминной артиллерии.

Военный инженер В. Ф. Петрушевский вместе с В. Чебышевым изобрели в 1868 г. прибор точного определения дистанции до цели – артиллерийский дальномер. Идея была предложена его братом Ф. Ф. Петрушевским. Дальномер был успешно испытан на батареях Кронштадта и долгие годы применялся береговой артиллерией. С 1886 г. В. Ф. Петрушевский был постоянным членом Артиллерийского комитета ГАУ [7, с. 205].

Плодотворным для науки и производства опытом стало создание заводских научно-испытательных лабораторий, где ученые и инженеры проводили исследования, разрабатывали технологии. Они имели возможность проверять на практике и корректировать направления своих научных исследований. Наука работала на производство, а создание технологий производства помогало прогрессу науки.

На рубеже XIX–XX вв. вышли первые научные издания, учебная литература и курсы лекций по оптике. В 1890-е гг. было издано «Введение в акустику и оптику» А. Г. Столетова. В 1902 г. в Константиновском межевом институте Н. М. Кислов разработал и читал курс «Теория оптических инструментов». В 1915 г. этот курс был издан и стал первым российским учебником по оптике. В 1908 г. О. Д. Хвольсон стал лауреатом Ломоносовской премии за создание «Курса физики», второй том которого был посвящен оптике.

Обсуждение

История становления оптики наглядно иллюстрирует особенности раннеиндустриальной модернизации в России в XIX – начале XX в. Неравномерность и высокая скорость течения промышленного переворота сказались на оптической отрасли. Многие производства за несколько десятков лет превращались из небольших мастерских в фабрики, торговые дома, акционерные общества, быстро совершенствовались технологический уровень, другие – оставались на уровне ручной сборки приборов из импортных деталей.

Зависимость от импортных технологий проявлялась в том, что мастерские покупали импортные (немецкие, американские) станки. Многие оптико-механические заведения на первом этапе существования были представительствами иностранных фирм (немецких, швейцарских, австрийских) и перепродавали или собирали оптические приборы из импортных запасных частей.

Геополитический фактор ускорил развитие оптики в силу ее стратегического значения в условиях Первой мировой войны. Потребность в точных приборах для армии и флота подталкивала государство к финансированию и организационной поддержке отрасли. Нужды геодезии, биологии и медицины, появление фотографии и кинематографа способствовали становлению оптики. Обилие землеустроительных работ после отмены крепостного права и в условиях Столыпинской аграрной реформы порождали потребность в геодезических приборах, а развитие офтальмологии и распространение массовой фотографии – потребность в качественном оптическом стекле.

Заключение

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. работали около 200 оптических мастерских. В условиях дефицита оплотехники большая часть мастерских выпускала широкий спектр приборов и инструментов (фирмы Швабе, Трындиных). Некоторые фирмы специализировались на продукции определенного вида: геодезических инструментах, военных заказах, офтальмологических инструментах и медицинском оборудовании.

Часть крупных мастерских стали фабриками по размерам производства и по уровню технического оснащения: имели машины с паровым котлом, механические станки, гальванические и оптические отделения, электро- и газовые двигатели. Оптика достигла уровня второго («эпоха пара») технологического уклада и переходила на третий (Второй промышленной революции) технологический уклад.

Важным фактором становления оптической отрасли стала российская буржуазия.

Ее экономическая, социокультурная деятельность, деловые практики сыграли немалую роль в формировании новой отрасли производства.

Одной из характерных черт становления наукоемкой оптической отрасли стала тесная связь науки и производства. Оптика как междисциплинарная область знания питалась достижениями ученых многих направлений: физики, химии, механики, электротехники, военного, инженерного дела, медицины. Заводские лаборатории стали площадками взаимодействия научной мысли и производственной деятельности.

Инженерно-технических специалистов готовило Механико-оптическое и часовое отделение при Ремесленном училище царевича Николая. Научные кадры опти-

ков выходили из лучших вузов Российской империи: Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Горного и Межевого институтов, военных учебных заведений.

Несмотря на все успехи, достигнутые трудом ученых, инженеров, предпринимателей, до революции создать полноценное массовое промышленное производство оптики в России не удалось. Но были заложены технологические, производственные, научные и социокультурные предпосылки для становления оптического производства, науки и образования. Большая часть оптических производств успешно работала до революции 1917 г., послужив базой советских оптико-механических предприятий.

Список источников

1. *Алексеев В. В.* Российская модернизация в цивилизационном измерении // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение.* Екатеринбург, 2009. С. 14–24.
2. *Арсентьев Н. М.* Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск, 2019. 211 с.
3. *Белозеров А. Ф.* Оптика России. Очерки истории и развития: в 2 т. Казань, 2012. Т. 1. 604 с.
4. *Братченко Т. М., Сенявский А. С.* Раннеиндустриальная стадия модернизации дореволюционной России: истоки, тенденции, результаты // *История России.* 2010. № 1. С. 90–104.
5. *Власов Н. А.* Мастерская на Обуховском. URL: <http://www.old.astronomer.ru/library.php?action=2&sub=2&gid=46> (дата обращения: 15.08.2020).
6. *Давыдов Б.* От лупы до высокоточного оружия. URL: http://nvo.ng.ru/history/2003-11-21/5_lupa.html (дата обращения: 15.06.2020).
7. *Данилевский В. В.* Русская техника. Л.: Лениздат, 1948. 548 с.
8. *Колесников Ю. Л., Мальцева Н. К.* История и современность НИУ ИТМО. СПб.: НИУ ИТМО, 2012. Ч. 1. 95 с.
9. *Новокишанова-Соколовская З. К.* Картографические и геодезические работы в России в XIX – начале XX в. М., 1967. 265 с.
10. *Слудных А. В.* Оптика в истории российской индустриализации середины XIX – начала XX века. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2021. 192 с.
11. *Степанов Б. И.* Очерки по истории оптической науки. Минск, 1978. 175 с.
12. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 530 с.
13. *Тихонов С. Г.* Оборонные предприятия СССР и России. М., 2010. Т. 2. 605 с.
14. *Трындин Е. Н., Морозова С. Г.* Фирма Трындиных: «...прилагать все силы к успеху и процветанию». М.: Политехн. музей, 2011. 255 с.
15. *Трындин Е. Н.* Старообрядцы Трындины. История первой в России частной оптико-механической фирмы // *Старообрядчество: история, культура, современность: материалы VIII Междунар. науч. конф.* М., 2007. Т. 1. С. 291–301.
16. *Трындин Е. Н.* Оптико-механические фирмы России XIX – начала XX века. М., 2019. 330 с.
17. *Университет ИТМО: Годы и люди. Часть вторая / под общ. ред. М. И. Потеева.* СПб: СПбГУ ИТМО, 2006. 164 с.
18. *Ченакал В. Л.* Оптика в дореволюционной России // *Труды института естествознания.* М., 1947. Т. 1. 536 с.

References

1. Alekseev V. V. Russian modernization in the civilizational dimension. *Civilizacionnoe svoeobrazie rossijskikh modernizacij: regional'noe izmerenie* = Civilization originality of Russian modernizations: regional dimension. Ekaterinburg, 2009. P. 14–24. (In Russ.)
2. Arsentiev N. M. Moscow mining administration in the history of Russian industrialization. Saransk: Ed. Center Institute, 2019, 211 p. (In Russ.)
3. Belozеров А. Ф. Optics of Russia. Essays on history and development: in 2 volumes. Kazan, 2012, Vol. 1. 604 p. (In Russ.)
4. Bratchenko T. M., Senyavsky A. S. Early industrial stage of modernization of pre-revolutionary Russia: origins, trends, results. *Istoriya Rossii* = History of Russia. 2010; 1: 90–104. (In Russ.)
5. Vlasov N. A. Workshop on Obukhovskiy [Electronic resource]. URL: <http://www.old.astronomer.ru/library.php?action=2&sub=2&gid=46> (Accessed 08.15.2020). (In Russ.)
6. Davydov B. From a magnifying glass to high-precision weapons [Electronic resource]. URL: http://nvo.ng.ru/history/2003-11-21/5_lupa.html (Accessed 06.15.2020). (In Russ.)
7. Danilevsky V. V. Russian technology. Leningrad, 1948, 548 p. (In Russ.)
8. Kolesnikov Yu. L., Maltseva N. K. History and modernity of NRU ITMO. St. Petersburg, 2012, P. 1, 95 p. (In Russ.)
9. Novokshanova-Sokolovskaya Z. K. Cartographic and geodetic work in Russia in the 19th – early 20th centuries. Moscow, 1967, 265 p. (In Russ.)
10. Sludnykh A. V. Optics in the history of Russian industrialization in the middle of the 19th – early 20th century. Pages of the history of the Ural optical-mechanical plant. Saransk, 2021, 192 p. (In Russ.)
11. Stepanov B. I. Essays on the History of Optical Science. Minsk, 1978, 175 p. (In Russ.)
12. Strumilin S. G. Essays on the economic history of Russia and the USSR. Moscow, 1966, 530 p. (In Russ.)
13. Tikhonov S. G. Defense enterprises of the USSR and Russia. Moscow, 2010. Vol. 2, 605 p. (In Russ.)
14. Tryndin E. N., Morozova S. G. The Tryndin firm: “...make every effort to succeed and prosper”. Moscow, 2011, 255 p. (In Russ.)
15. Tryndin E. N. Old Believers Tryndins. The history of the first private optical-mechanical company in Russia. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf.* = Proceedings of the VIII International Scientific Conference “Old Believers, History, Culture, Modernity”. Moscow, 2007, Vol. 1. P. 291–301. (In Russ.)
16. Tryndin E. N. Optical-mechanical firms of Russia in the 19th – early 20th centuries. Moscow, 2019, 330 p. (In Russ.)
17. ITMO University: Years and people. Part two. St. Petersburg: SPbGU ITMO, 2006. 164 p. (In Russ.)
18. Chenakal V. L. Optics in pre-revolutionary Russia. *Trudy instituta estestvoznaniya* = Proceedings of the Institute of Natural Sciences. Moscow, 1947, Vol. 1. 536 p. (In Russ.)

Поступила 28.05.2023.

Сведения об авторе

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Автор 4 научных статей и 2 монографий. Сфера научных интересов: проблемы экономической истории России, история оптико-механической промышленности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Submitted 28.05.2023.

About the author

Anatoly V. Sludnyh – Candidate of History, Graduate Student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). The author of 4 scientific publications and 2 monographs. Research interests: problems of economic history of Russia, history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

УДК 719:72

*Е. С. Лахтионова**Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия), e-mail: elza1982@yandex.ru*

Участие промышленных предприятий в деятельности по сохранению памятников индустриального наследия в Свердловской области в 1970–1980-е гг.

Аннотация

Введение. Свердловская область исторически всегда отличалась наличием большого количества промышленных предприятий, а также памятников, которые можно отнести к индустриальному наследию. Сохранение этих памятников является задачей не только государственного, но и местного масштаба, диктующей необходимость привлечения к этому возможностей и ресурсов промышленных предприятий. Цель статьи – проанализировать степень участия промышленных предприятий, на территории которых находились памятники, в деятельности по их сохранению и музеефикации. Хронологические рамки – 1970–1980-е гг., когда на государственном уровне стала осознаваться необходимость активизации памятникоохранной деятельности, что отразилось в нормативно-правовых документах.

Материалы и методы. В основу исследования легли неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в Центре документации Свердловской области. А также опубликованные источники: нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, периодическая печать. В рамках проведения исследования автором применены общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и обсуждение. Ответственность промышленных предприятий касательно памятников индустриального наследия начала фиксироваться в нормативно-правовых документах общесоюзного и регионального значения начиная с 1970-х гг. Это было связано с активизацией государственного контроля за охраной памятников в целом. Постепенно прописывается и финансовая обязанность предприятий по обеспечению сохранности и проведению работ по музеефикации памятников, находившихся на их территории. В Свердловской области активное участие в этой деятельности принимали два промышленных предприятия: Невьянский механический завод и Северский трубный завод.

Заключение. К началу 1990-х гг. на территории Свердловской области находились 34 памятника, которые можно отнести к индустриальному наследию. 20 из них находились на балансе и под ответственностью промышленных предприятий, что в нормативно-правовых документах отразилось лишь во второй половине 1980-х гг. В 1970–1980-е гг. два объекта подверглись реставрации и музеефикации – Невьянская наклонная башня и Северская домна. Большую роль в этом сыграла активная деятельность заводов, на территории которых они располагались. Однако были и ошибки, допущенные дирекцией одного из заводов, приведшие к частичному разрушению одного из памятников.

Ключевые слова: памятник, индустриальное наследие, охранная деятельность, заводы, Свердловская область.

Для цитирования: Лахтионова Е. С. Участие промышленных предприятий в деятельности по сохранению памятников индустриального наследия в Свердловской области в 1970–1980-е гг. // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 229–245. DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.229-245.

Elizaveta S. Lakhtionova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: elza1982@yandex.ru

Participation of Industrial Enterprises in the Activities to Preserve Industrial Heritage Monuments in the Sverdlovsk Region in the 1970–1980s

Abstract

Introduction. The Sverdlovsk region has historically always been distinguished by the presence of a large number of industrial enterprises on its territory, as well as monuments that can be attributed to the industrial heritage. The preservation of these monuments is a task not only of the state, but also of a local scale, dictating the need to attract the capabilities and resources of industrial enterprises to this. The purpose of the article is to analyze the degree of participation of industrial enterprises, on the territory of which the monuments were located, in the activities for their preservation and museumification. The chronological framework is the 1970s – 1980s, when the need to intensify monument protection activities began to be realized at the state level, which was reflected in the legal documents.

Materials and Methods. The study was based on unpublished archival materials stored in the Documentation Center of the Sverdlovsk Region. As well as published sources: legal acts, office documentation, periodicals. As part of the research, the author applied general scientific and special-historical methods.

Results and Discussion. The responsibility of industrial enterprises regarding industrial heritage monuments began to be fixed in the legal documents of all-Union and regional significance, starting from the 1970s. This was due to the intensification of state control over the protection of monuments in general. Gradually, the financial obligation of enterprises to ensure the preservation and carry out work on the museumification of monuments located on their territory is also prescribed. In the Sverdlovsk region, two industrial enterprises took an active part in this activity: the Nevyansk Mechanical Plant and the Seversky Pipe Plant.

Conclusion. By the beginning of the 1990s on the territory of the Sverdlovsk region there were 34 monuments that can be attributed to the industrial heritage. 20 of them were on the balance sheet and under the responsibility of industrial enterprises, which was reflected in the legal documents only in the second half of the 1980s. In the 1970s – 1980s two objects underwent restoration and museumification – the Nevyansk leaning tower and the Severskaya blast furnace. An important role in this was played by the vigorous activity of the factories on the territory of which they were located. However, there were also mistakes made by the management of one of the factories, which led to the partial destruction of one of the monuments.

Keywords: monument, industrial heritage, security activities, factories, Sverdlovsk region.

For citation: Lakhtionova E. S. Participation of Industrial Enterprises in the Activities to Preserve Industrial Heritage Monuments in the Sverdlovsk Region in the 1970–1980s. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 229–245. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.229-245.

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена острой необходимостью в настоящее время активизировать деятельность по сохранению памятников индустриального наследия, которые всё более и более подвергаются разрушению, вплоть до полного исчезновения. Для этого, как нам кажется, необходимо привлекать ресурсы всех возможных акторов, в том числе промышленных предприятий. По мнению док-

тора исторических наук, профессора РАН Е. В. Алексеевой, в последние годы именно частные металлургические компании наиболее активно участвуют в деятельности по сохранению индустриального наследия на Среднем Урале [4, с. 15].

Цель статьи – изучить степень участия промышленных предприятий Свердловской области в деятельности по сохранению памятников индустриального наследия в 1970–1980-е гг. Для этого нужно решить

следующие задачи: выявить в нормативно-правовых документах уровень ответственности промышленных предприятий, на территории которых находятся памятники, в деятельности по их сохранению; на примере конкретных предприятий изучить опыт успешного осуществления данной деятельности; проанализировать ошибки и промахи, которые допускались предприятиями в деле сохранения памятников, а также что послужило причиной этого; сопоставить факты реального сохранения с тем, что предписывалось в нормативно-правовых документах.

Объект исследования – промышленные предприятия Свердловской области, на территории которых находились памятники индустриального наследия, поставленные под государственную охрану.

Предмет исследования – деятельность промышленных предприятий по сохранению этих памятников.

Согласно определению и развернутой типологии памятников индустриального наследия, разработанных доктором исторических наук, профессором В. В. Запаринем, индустриальное наследие включает не только промышленные объекты (заводы, предприятия), но и производственные и транспортные коммуникации, технологические решения, трансформированные производственной деятельностью природные ландшафты и т. д. [6, с. 187–188].

В советский период под объектами, которые сейчас можно отнести к индустриальному наследию, понимались памятники промышленной архитектуры, памятники науки и техники, а также памятники трудовой славы советского народа [11, с. 113].

Обзор литературы

Проблемы охраны памятников индустриального наследия в советский и пост-

советский периоды не раз становились объектом для исследования различных ученых. Среди наиболее важных работ нужно назвать статьи В. В. Алексеева [1; 2], Е. В. Алексеевой [3; 4; 15], В. В. Запария [6; 7; 16], Е. А. Курлаева [8; 9]. Однако оценка степени участия промышленных предприятий в деятельности по сохранению памятников индустриального наследия в указанный хронологический период затрагивалась вскользь, как правило, в рамках рассмотрения истории музеефикации какого-либо конкретного объекта: Северской домны [14], Нижнетагильского завода [5] и др. Какого-либо анализа нормативно-правового регулирования этой деятельности в подобном ключе пока не проводилось. Это определяет научную новизну представленного исследования. Автор очень надеется на продолжение рассмотрения этой темы в дальнейшем, так как теоретические перспективы и практическая значимость данной проблематики достаточно высоки.

Материалы и методы

Для проведения данного исследования автор использовала архивные материалы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург). Среди них следует выделить следующие группы: делопроизводственная документация (отчеты, протоколы, докладные записки), нормативно-правовые акты¹, переписка между организациями, государственными органами и общественной организацией «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК).

Среди опубликованных источников нужно выделить следующие категории: статистические материалы², нормативно-правовые документы (законы³,

¹ Решение Свердловского облисполкома № 636 от 05.08.1971 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области» // ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 250. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–3.

² См.: Свердловская область в цифрах. 1966–1970 гг.: стат. сб. Свердловск, 1971.

³ См.: Закон СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. С. 728–737.

подзаконные акты⁴, решения⁵), делопроизводственная документация⁶, региональная периодическая печать. Отдельно нужно выделить очень важный и информативный источник – Комплексную программу выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области [10].

Методология исследования представлена подходами, базирующимися на принципах научной объективности и историзма. Это позволило изучить деятельность промышленных предприятий по сохранению памятников индустриального наследия в привязке к исторической действительности, обусловленной начавшимися в 1970-е гг. процессами осознания со стороны государства и общественности необходимости привлекать к памятникоохранительной деятельности всевозможных акторов. В статье использованы традиционные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, хронологический.

Результаты

Свердловская область является крупнейшим промышленным регионом Урала и одной из наиболее важных областей России. Ведущими отраслями промышленности исторически являлись черная и цветная металлургия. Также среди основных отраслей нужно назвать металлообработку, машиностроение, лесную, бумажную, деревообрабатывающую, химическую, химико-фармацевтическую, легкую, пище-

вую промышленность [12]. Благодаря богатейшей истории на территории области имелись памятники, демонстрирующие ее специфику и отражающие важные события политического, культурного и хозяйственного развития нашей страны.

В 1960-е гг., в связи с реализацией семилетнего плана (1959–1965 гг.) развития народного хозяйства, в Свердловской области произошло увеличение выпуска всей валовой промышленной продукции к 1965 г. на 145 % (по сравнению с 1960 г.) и к 1970 г. на 140 % (по сравнению с 1965 г.)⁷. Прирост производства в основных видах промышленности достигался за счет расширения, реконструкции и нового оснащения действующих предприятий.

Так, например, в 1967–1969 гг. два ведущих металлургических завода Свердловской области, Верхисетский и Нижнетагильский, были оснащены новейшим оборудованием и механизмами, строились новые современные цеха. Трубные заводы области (Первоуральский, Синарский, Северский) также наращивали мощности за счет обновленного оборудования и расширения площадей⁸. Аналогичные процессы происходили и с другими промышленными предприятиями Свердловской области⁹.

В 1970–1980-е гг. задачи по реконструкции или переоснащению промышленных предприятий области для достижения нужных экономических показателей в основном выполнялись. В процесс производства вводились новые агрегаты, технологические процессы¹⁰.

⁴ См.: Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.01.1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» // Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 17. Разд. 25. Законодательство о культуре; Разд. 26. Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорте. М., 1977. С. 147–149.

⁵ См.: Решение Свердловского облисполкома № 446 от 25.11.1988 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры» // Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. Свердловск, 1989. С. 5–12.

⁶ См.: Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. М., 1986.

⁷ См.: Свердловская область в цифрах. 1966–1970 гг.: стат. сб. Свердловск, 1971. С. 26.

⁸ См.: Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. Свердловск, 1984. С. 64–65.

⁹ См.: Там же. С. 65–69.

¹⁰ См.: Там же. С. 69–84.

К 1984 г. Свердловская область стала главным звеном Уральского экономического района, по объему производства уступая лишь Московской и Ленинградской областям¹¹.

Однако Свердловская область отличалась наличием не только современных для той эпохи промышленных предприятий с новейшими оборудованием и технологическими процессами. На ее территории имелось множество памятников истории и культуры, в том числе относящихся к индустриальному прошлому Урала и страны. По данным документа «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области» (далее – Комплексная программа), к 1989 г. на территории Свердловской области находилось 640 памятников истории и культуры, поставленных на государственную охрану. Из них 108 памятников республиканского значения, 532 – местного значения¹². Основы систематизированного учета и планомерной работы по сохранению памятников в Свердловской и других областях РСФСР были положены Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 января 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»¹³. Согласно этому документу, только по Свердловской области было взято на учет 68 памятников истории и культуры, среди которых три объекта можно смело отнести к памятникам индустриального наследия, следуя современной терминологии и

типологии [3]. Это «Ушковский канал» – старинное гидротехническое сооружение середины XIX в. (пос. Черноисточинск), Невьянская наклонная башня, плотина Ревдинского метизного завода¹⁴. В п. 6 данного постановления предписывалось, что «все памятники культуры подлежат приведению в благоустроенного состояние, а ценнейшие из них – превращению в объекты музейного показа»¹⁵.

По данным той же «Комплексной программы», в 1989 г. среди памятников истории и культуры Свердловской области насчитывалось уже 34 поставленных на государственный учет объекта, которые можно отнести к индустриальному наследию Урала. Среди них 19 объектов носили статус памятников местного значения, а 15 – республиканского значения. Большая их часть находилась на территории городов Свердловск (10), Нижний Тагил (4), Каменск-Уральский (4), Алапаевск (3). Часть памятников располагалась в Нижне-Сергинском (4), Невьянском (2), Алапаевском (1), Верхне-Салдинском (1), Сысертском (1) районах, городах Первоуральск (1), Полевской (1), Ревда (1), Ирбит (1)¹⁶. Памятники представляли собой заводские цеха, отдельные технические сооружения, доменные печи, плотины, электростанции. Также к ним относили хозяйственные пристройки, госпитали, здания заводоуправления, включенные в заводской комплекс. При этом часть из этих объектов могла использоваться по своему прямому назначению (плотины, электростанции), часть была остано-

¹¹ См.: Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. Свердловск, 1984. С. 84.

¹² См.: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. Свердловск, 1989. С. 3–4.

¹³ См.: Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 17. Разд. 25. Законодательство о культуре; Разд. 26. Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорте. М., 1977. С. 147–149.

¹⁴ См.: Приложение № 1 и 2 к Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327. URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=10495> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁵ См.: Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 17. Разд. 25. Законодательство о культуре; Раздел 26. Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорте. С. 149.

¹⁶ См.: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 39–125.

лена в рамках действующего предприятия (доменная печь на Северском трубном заводе). Имелись и те, которые использовались в иных целях: как складские помещения, ремонтные мастерские, подсобки.

Из 34 интересующих нас памятников, стоящих под государственной охраной, 20 объектов находились на территории (а значит, балансе) 16 действующих тогда промышленных предприятий (табл. 1).

Согласно Решению Свердловского облисполкома № 636 от 5 августа 1971 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области», руководители предприятий, на территории и в ведении которых находились памятники промышленной архитектуры, обязаны были «обеспечить их полную сохранность и проведение необходимых ремонтно-восстановительных работ»¹⁷.

На общесоюзном уровне эту обязанность закрепила ст. 15 Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 г.: «Предприятия, организации, учреждения, в собственности или пользовании которых находятся памятники истории и культуры, несут ответственность за их сохранность и обязаны соблюдать правила охраны, использования, учета и реставрации памятников»¹⁸. Однако подробная инструкция по обеспечению охраны памятников вышла только в 1986 г., разработанная на основании вышеназванного закона СССР и Положения об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденного Постановлением Совета Министров

СССР № 865 от 16 сентября 1982 г.¹⁹ В ней прописывались перечень мероприятий, необходимых для осуществления охранных действий, порядок использования и содержания памятников, правила ведения реставрационных работ и ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры²⁰. Таким образом, промышленные предприятия, на территории которых находился тот или иной памятник, должны были заниматься его сохранением строго в рамках, установленных нормативно-правовыми документами.

Памятники, состоявшие под государственной охраной и находившиеся на территории действующих промышленных предприятий, подвергались воздействию условий определенных технологических режимов, что обуславливало их активный износ, а также осложняло их музеефикацию в перспективе. Поэтому главной задачей государственной политики в сфере охраны памятников было привлечение ресурсов и средств промышленных предприятий, а также соответствующих министерств для реставрации, благоустройства и актуализации охраняемых объектов²¹.

Согласно Решению Свердловского облисполкома № 446 от 25 ноября 1988 г. «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры»²², среди тех промышленных предприятий, которым было предписано выделить средства и провести ремонтно-реставрационные работы памятников промышленной архитектуры на своей террито-

¹⁷ ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 250. Оп. 1. Д. 72.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. С. 733.

¹⁹ См.: Постановление Совета Министров СССР от 16.09.1982 № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-sovmina-sssr-ot-16091982-n-865/> (дата обращения: 12.05.2023).

²⁰ См.: Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. М., 1986.

²¹ См.: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 18–19.

²² Там же. С. 5–12.

Таблица 1

**Список промышленных предприятий Свердловской области,
на чьем балансе находились памятники индустриального наследия***

Table 1

**List of industrial enterprises of the Sverdlovsk region,
on whose balance sheet there were monuments of industrial heritage**

№	Действующее промышленное предприятие / Operating industrial enterprise	Наименование памятника / Name of the monument
1	Верхисетский металлургический завод / Verkhisetsky Metallurgical Plant	Здание управления Верхисетского металлургического завода / Control building of the Verkhisetsky Metallurgical Plant
2	Верхисетский металлургический завод / Verkhisetsky Metallurgical Plant	Комплекс Верхисетского металлургического завода (цеха, фабрики, плотина, господский дом) / Complex of the Verkhiset Metallurgical Plant (workshops, factories, dam, manor house)
3	Уральский завод тяжелого машиностроения / Ural Plant of Heavy Engineering	Здание кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода / The building of the forging and pressing shop of Uralmashzavod
4	Управление хлебобудовых (мельзавод № 2), г. Свердловск / Department of bread products (grinding plant No. 2), Sverdlovsk	Здание мельницы Борчанина-Первушина / The building of the Borchanin-Pervushin mill
5	Нейво-Алапаевский металлургический завод / Neivo-Alapaevsky Metallurgical Plant	Старый Нейво-Алапаевский завод (зал и водяная турбина) / Old Neivo-Alapaevsky plant (hall and water turbine)
6	Нейво-Шайтанский металлургический завод / Neivo-Shaitansky Metallurgical Plant	Система гидротехнических сооружений / System of hydraulic structures
7	Нейво-Шайтанский металлургический завод / Neivo-Shaitansky Metallurgical Plant	Молотовое отделение прокатного цеха / Hammer department of the rolling shop
8	Невьянский механический завод / Nevyansk Mechanical Plant	Невьянский механический завод (доменный и литейный цеха) / Nevyansk Mechanical Plant (blast furnace and foundry shops)
9	Невьянский механический завод / Nevyansk Mechanical Plant	Наклонная башня Демидовых / Leaning tower of the Demidovs
10	Нижне-Сергинский металлургический завод / Nizhne-Serginsky Metallurgical Plant	Запорный узел заводской плотины Нижне-Сергинского металлургического завода / Locking unit of the factory dam of the Nizhne-Serginsky Metallurgical Plant
11	Нижне-Сергинский металлургический завод / Nizhne-Serginsky Metallurgical Plant	Здание механического цеха Нижне-Сергинского металлургического завода / The building of the mechanical workshop of the Nizhne-Serginsky Metallurgical Plant
12	Верхне-Сергинский долотный завод / Verkhne-Serginsky Chisel Plant	Здание литейного цеха / Foundry building
13	Михайловский металлургический завод / Mikhailovsky Metallurgical Plant	Здание склада технических материалов Михайловского металлургического завода / The building of the warehouse for technical materials of the Mikhailovsky Metallurgical Plant

14	Нижнетагильский металлургический завод / Nizhny Tagil Metallurgical Plant	Комплекс Нижнетагильского металлургического завода (цеха, конюшни, пожарная часть, заводской театр) / Complex of the Nizhny Tagil Metallurgical Plant (workshops, stables, fire station, factory theater)
15	Нижнетагильский металлургический комбинат / Nizhny Tagil Iron and Steel Works	Нижнетагильский металлургический комбинат (бандажный цех, доменная печь № 2) / Nizhny Tagil Iron and Steel Works (bandage shop, blast furnace No. 2)
16	Билимбаевский металлургический завод / Bilimbaevsky Metallurgical Plant	Комплекс сооружений Билимбаевского завода / Complex of buildings of the Bilimbaevsky plant
17	Северский трубный завод / Seversky Pipe Plant	Доменная печь с литейным двором и воздуходувной машиной / Blast furnace with foundry and blower
18	Ревдинский метизный завод / Revdinsky hardware plant	Плотина Ревдинского метизного завода / Dam of the Revdinsky Hardware Plant
19	Сысертский электромеханический завод / Sysert Electromechanical Plant	Комплекс сооружений Сысертского завода (цеха, плотина, водонапорное сооружение) / The complex of structures of the Sysert plant (workshops, dam, waterworks)
20	Нижнесалдинский металлургический завод / Nizhnesalda Metallurgical Plant	Доменная печь № 1 Нижнесалдинского металлургического завода / Blast Furnace No. 1 of the Nizhnesalda Metallurgical Plant

* Составлена по: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 160–169. / Compiled to: A comprehensive program for the identification, certification, registration, restoration, museumification, promotion and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Sverdlovsk, 1989. P. 160–169.

рии в период с 1989 по 2000 г., были названы следующие: Уральский завод тяжелого машиностроения, Верхисетский металлургический завод, Нижнетагильский металлургический комбинат, Нижнетагильский металлургический завод им. Куйбышева, Нейво-Алапаевский металлургический завод, Нейво-Шайтанский металлургический завод, Билимбаевский металлургический завод, Северский трубный завод, Ревдинский метизный завод, Сысертский электромеханический завод, Невьянский механический завод, Нижнесалдинский металлургический завод, Михайловский металлургический завод²³. Источниками финансирования охранной деятельности

в отношении памятников, находящихся на территории промышленных предприятий, выступали соответствующие министерства: Минэлектротехпром СССР, Минчермет СССР, Минтяжмаш СССР, Минцветмет СССР, Минсредмаш СССР, Минхлебопродуктов РСФСР²⁴. Таким образом, была установлена ответственность промышленных предприятий в отношении памятников, расположенных на их территории.

В «Комплексной программе», составленной по вышеназванному решению Свердловского облисполкома, не только была обозначена ответственность по сохранению памятников, находящихся на территории того или иного предприятия,

²³ Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 10.

²⁴ Там же. С. 20.

но и рассчитаны суммы, необходимые для осуществления мероприятий в рамках охранной деятельности на период с 1989 по 2000 г. (табл. 2).

Таким образом, в 1989–2000-е гг. планировалось осуществить целый спектр разнообразных мероприятий, способствующих сохранению памятников индустриального наследия для будущих поколений. Важное место в этой деятельности, судя по документам, отводилось промышленным предприятиям.

Но это все, как говорится, «на бумаге». А что было сделано на самом деле?

В Свердловской области имеются два примера активного участия дирекции промышленного предприятия и его сотрудников по сохранению и актуализации памятников промышленного прошлого, находящихся на территории действующего завода.

Огромную работу при поддержке Свердловского областного отделения ВООПИК провел Невьянский механический завод с целью реставрации и последующей актуализации наклонной башни, получившей статус памятника республиканского значения в 1960 г.²⁵ Восстановление данного памятника происходило в несколько этапов начиная с 1973 г. Первый этап (1973–1984 гг.) был связан с ремонтно-реставрационными работами. Для предварительного изучения степени сохранности и определения возможности проведения работ были привлечены преподаватели и ученые Уральского политехнического института (ныне – Уральский федеральный университет), Свердловского архитектурного института (ныне – Уральский государственный архитектурно-художественный университет). Был разработан проект укрепления фундаментов, реализованный в 1979 г. А также составлены научные рекомендации, способствующие сохранению

и эффективному использованию памятника и положенные в основу практических действий в 1980-е гг. Стоимость реставрации Невьянской наклонной башни составила 50 тыс. руб., затраченных из средств завода и проводились под руководством Пермской реставрационной мастерской²⁶.

Второй этап (1984–2002 гг.) был связан с созданием историко-архитектурного комплекса, включавшего не только башню, но и плотину, сооружения доменного и механического цехов, часть здания бывшей заводской конторы, электроподстанции, Преображенского собора²⁷. Кстати, по заказу Невьянского механического завода проектным отделом Главного управления архитектуры и градостроительства Свердловского облисполкома в 1988 г. был разработан «Проект зон охраны недвижимых памятников истории и культуры г. Невьянска»²⁸. Это опять же свидетельствует о серьезном подходе со стороны руководства завода к проблеме охраны памятников не только на территории промышленного предприятия, но и в рамках всего города.

О работах по восстановлению и музеефикации Невьянской башни рассказывал на V съезде ВООПИК, состоявшемся в июле 1987 г. в г. Горький, директор Невьянского механического завода Виктор Васильевич Хохонов. Он выступал в качестве делегата от Свердловского областного отделения ВООПИК. Это свидетельствует об активной общественной позиции руководства одного из старейших промышленных предприятий Урала в отношении охраны памятников истории и культуры. Интересны выводы, которые были сделаны В. В. Хохоновым по результатам создания и открытия нового музея. Оказывается, это способствовало снижению текучести кадров завода в связи с усиленной воспитательной работой с молодежью, так как все поступающие

²⁵ См.: Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.01.1960.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

²⁷ См.: ациональный Горнозаводской парк Среднего Урала: зонирование, памятники промышленности, архитектуры, истории и культуры, музейное строительство. Екатеринбург, 2000. С. 39–64.

²⁸ Там же. С. 39.

Таблица 2

Перечень предполагаемых мероприятий и необходимых средств для реставрации памятников промышленной архитектуры Свердловской области* / Table 2

List of proposed activities and necessary funds for the restoration of monuments of industrial architecture of the Sverdlovsk region

№	Предприятие, министерство / Enterprise, Ministry	Наименование памятника / Name of the monument	Необходимые мероприятия / Necessary activities	Ассигнования, тыс. руб. / Allocations, thousand rubles	
				Проект / Project	Производственные работы / Production work
1	Верх-Исетский металлургический завод (Минчермет СССР) / Verkh-Isetsy Metallurgical Plant (Minchermet of the USSR)	Комплекс Верх-Исетского завода / Verkh-Isetsy plant complex	Дальнейшие реконструкция и реставрация зданий и сооружений, благоустройство территории, приспособление / Further reconstruction and restoration of buildings and structures, landscaping, adaptation	200	4 500
2	П/о Уралмаш, УЗТМ (Минтяжмаш СССР) / Production Association Uralmash, UZTM (Mintyazhmash of the USSR)	Здание кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода / The building of the forging and pressing shop of Uralmashzavod	Текущий ремонт (ежегодный) / Maintenance (annual)	–	10 (ежегодно) / annually
3	Мельзавод № 2 (Министерство хлебопродуктов СССР) / Melzavod № 2 (Ministry of Grain Products of the USSR)	Здание мельницы Борчанина-Первушина / The building of the Borchanin-Pervushin mill	Капитальный ремонт, реставрация, благоустройство / Capital repairs, restoration, improvement	15	120
4	Нижнетагильский металлургический комбинат им. В. И. Ленина (Минчермет СССР) / Nizhny Tagil Iron and Steel Works named after V. I. Lenin (Minchermet of the USSR)	Комплекс промышленной архитектуры / Complex of industrial architecture	Текущий ремонт (ежегодный) / Maintenance (annual)	–	20 (ежегодно) / annually
5	Нижнетагильский металлургический завод им. Куйбышева (Минчермет СССР) / Nizhny Tagil Metallurgical Plant Kuibyshev (Minchermet of the USSR)	Комплекс промышленной архитектуры / Complex of industrial architecture	Реставрация, благоустройство, приспособление, музеефикация всего комплекса / Restoration, improvement, adaptation, museumification of the entire complex	300	3 500

6	Алапаевский металлургический завод (Минчермет СССР) / Alapaevsky Metallurgical Plant (Minchermet of the USSR)	Старый Нейво-Алапаевский завод / Old Neyvo-Alapaevsky plant	Текущий ремонт (ежегодный), реставрация / Maintenance (annual), restoration	35	450
7	Нейво-Шайтанский металлургический завод (Минчермет СССР) / Neyvo-Shaitansky Metallurgical Plant (Minchermet of the USSR)	Комплекс Нейво-Шайтанского металлургического завода / Complex of the Neyvo-Shaitan Metallurgical Plant	Капитальный ремонт, реставрация, благоустройство, приспособление / Capital repairs, restoration, improvement, adaptation	25	300
8.	Билимбаевский металлургический завод (Минчермет СССР) / Bilimbaevsky Metallurgical Plant (Minchermet of the USSR)	Комплекс сооружений завода / Complex of plant facilities	Реконструкция и реставрация зданий и сооружений, благоустройство территории / Reconstruction and restoration of buildings and structures, landscaping	150	2 000
9	Ревдинский метизный завод (Минчермет СССР) / Revdinsky hardware plant (Minchermet of the USSR)	Плотина Ревдинского метизного завода / Dam of the Revdinsky Hardware Plant	Укрепление, благоустройство, текущий ремонт / Strengthening, improvement, current repair	—	50
10	Сысертский электро-механический завод (Минэлектротех-пром СССР) / Sysert Electromechanical Plant (Ministry of Electrotechnical Industry of the USSR)	Комплекс сооружений завода / Complex of plant facilities	Текущий ремонт, реконструкция, реставрация, благоустройство, приспособление / Maintenance, reconstruction, restoration, landscaping, adaptation	130	1 800
11	Нижнесалдинский металлургический завод (Минчермет СССР) / Nizhnesalda Metallurgical Plant (Minchermet of the USSR)	Доменная печь № 1 / Blast Furnace № 1	Текущий ремонт, реставрация / Current repair, restoration	15	130
12	Михайловский завод обработки цветных металлов (Минцветмет СССР) / Mikhailovsky non-ferrous metal processing plant (Mintsvetmet of the USSR)	Склад технических материалов / Warehouse of technical materials	Реставрация, благоустройство, приспособление / Restoration, improvement, adaptation	75	710
13	Невьянский механический завод Минсредмаш СССР) / Nev'yansk Mechanical Plant Minsredmash USSR)	Наклонная башня, доменный цех, подсобное помещение литейного цеха / Leaning Tower, Blast Shop, Foundry Utility Room	Реставрация, благоустройство, высвобождение территории, приспособление / Restoration, improvement, liberation of the territory, adaptation	40	370

14	Северский трубный завод (Минчермет СССР) / Seversky Pipe Plant (Minchermet of the USSR)	Доменная печь с литейным двором и воздушной машиной / Blast furnace with foundry and blower	Реставрация и благоустройство, приспособление / Restoration and improvement, adaptation	15	200
----	---	---	---	----	-----

* Составлена по: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 177–181. / Compiled to: A comprehensive program for the identification, certification, registration, restoration, museumification, promotion and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. P. 177–181.

на завод в обязательном порядке должны были знакомиться с музеем истории завода, с историческим памятником – Невьянской башней, «с лучшими традициями предприятия, с его героями». Завершение доклада В. В. Хохонова тоже достойно внимания в рамках рассматриваемой проблемы: «Невьянск – город небольшой, растет он медленно: за 10 лет прирост населения составил не более двух тысяч человек. Молодежь уезжает. Город-завод славен своим историческим прошлым, славен революционной историей, славен трудовым подвигом в Отечественной войне. Но ничто не радовало глаз жителя, кроме Невьянской башни, одиноко возвышающейся среди старых промышленных и бытовых построек. Когда мы выставили эскизный проект историко-архитектурного комплекса во Дворце культуры, в одной из групп молодежи, окружившей стенд, я услышал слова: “Вот здорово! Тут и жить можно будет!” И мы поняли – мы на правильном пути! Мы не задаем вопроса: кто все это будет делать? Нам ясно – мы. Мы не задаем вопроса: кто нам даст деньги, материалы, кто выполнит проекты? Нам ясно – мы должны все это обеспечить. Это надо нам. История дала нам в руки уникальную возможность – сделать неповторимым наш маленький город, и мы должны сделать это!»²⁹

Согласно «Комплексной программе», на работы по реставрации объектов Невьянского завода XVIII в., в том числе Невьянской наклонной башни, а также высвобождение объектов с территории завода, осуществленные в 1987–2000 гг., планировалось потратить 90 тыс. руб.³⁰ В отчете же директора Невьянского механического завода В. В. Хохонова перед Свердловским облисполкомом была названа сумма потраченных средств только в 1988–1989 гг. в 250 тыс. руб. Эти средства были выделены заводом и были потрачены на ряд исследовательских, проектных и организационных работ³¹.

Таким образом, в результате активной деятельности дирекции и трудящихся Невьянского механического завода и при поддержке государственных органов, общественной организации ВООПИК, научного сообщества в 2002 г. был открыт Невьянский государственный историко-архитектурный комплекс, способствовавший сохранению уникальных объектов индустриального наследия³².

Второй пример промышленного предприятия, которое осуществляло в 1960–1980-е гг. деятельность по сохранению объекта промышленного наследия, находящегося на его территории, – это Северский трубный завод. На его территории находится уникальный памятник не только Урала,

²⁹ Материалы V съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Горький [8–9 июля 1987 г.]. М., 1988. С. 108.

³⁰ Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 191.

³¹ ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 42. Л. 63.

³² Постановление правительства Свердловской области № 127-ПП от 04.03. 2002 «Об учреждении областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

но и всей страны – доменная печь с литейным двором и воздуходувной машиной, поставленная на государственный учет как памятник республиканского значения в 1974 г.³³ Работы по его ремонту, реконструкции и музеефикации проводились также в два этапа. Первый этап (1967–1970 гг.) был связан с осуществлением ремонтно-восстановительных работ по приведению домны и ее механизмов в порядок, с тем чтобы превратить ее в музей. Открытие последнего произошло 21 апреля 1970 г.³⁴ К сожалению, к концу 1970-х гг. музей был закрыт для посещения, а сама домна с литейным двором и воздуходувной машиной были частично подвергнуты разрушению, и это произошло с позволения дирекции завода³⁵. Поэтому второй этап по сохранению памятника индустриального наследия пришлось на 1980-е гг., когда общественность отстояла этот памятник и принудила руководство Северского трубного завода остановить целенаправленное разрушение домны и подвергнуть ее последующей музеефикации³⁶. В результате в 1989 г. здание доменной печи было открыто для посещения широкой публикой³⁷.

Нужно отметить, что на первом этапе сохранения и музеефикации Северской домны активное участие в этой деятельности принимали дирекция завода, его действующие работники и ветераны³⁸. Общая стоимость ремонтно-реставрационных работ на 1971 г. составила 215 тыс. руб. и производилась за счет созданного в 1965 г. производственного объединения «Уралчермет»³⁹. Интересно, что данную организацию с

1966 по 1982 г. возглавлял бывший директор Северского трубного завода Владимир Григорьевич Вершинин⁴⁰.

К концу 1970-х гг. сменилось руководство Северского завода, а новое подошло к охране уникального памятника достаточно формально, занявшись самовольной перестройкой старинного промышленного комплекса без согласования с Министерством культуры и ВООПИК, как того требовала ст. 40 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15 декабря 1978 г.⁴¹ В результате домна подверглась значительным разрушениям, подробно описанным в протоколе осмотра специальной комиссией, созданной для оценки нанесенного ущерба и выработки решения по его устранению⁴².

Согласно ст. 32 Закона СССР 1976 г., «предприятия, организации, учреждения и граждане, причинившие вред памятнику истории и культуры или его охранной зоне, обязаны восстановить в прежнем состоянии памятник или его охранную зону»⁴³. Поэтому на втором этапе (1982–1989 гг.) домна все-таки была восстановлена, насколько это было возможно, учитывая большую степень нанесенных разрушений: приняты меры по сохранности и консервации существующих зданий и промышленных экспонатов, проведены необходимые поисковые и научно-исследовательские работы. В 1989 г. музей был второй раз открыт для посещения. Важную роль в успешном осуществлении и завершении этого этапа сыграли общественность в лице архитекторов, журналистов, сотрудников научных

³³ Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 100. Л. 10.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

³⁵ Там же. Д. 204. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 45–46.

³⁷ Северский завод: из века XVIII в век XXI. Екатеринбург, 2014. С. 224.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11. Л. 37–38.

³⁹ Там же. Д. 73. Л. 9.

⁴⁰ См.: Северский завод: из века XVIII в век XXI. С. 120.

⁴¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979. № 1. С. 14.

⁴² ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

⁴³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. С. 736.

и образовательных учреждений, а также общественная организация ВООПИК и государственные органы.

На этом история по сохранению и актуализации Северской домны не закончилась, а продолжилась в 2000-е гг., когда руководством Северского трубного завода была поставлена и успешно реализована задача по созданию и открытию уникального музейного комплекса (2009 г.), ядром которого является не менее уникальный памятник индустриального наследия – доменная печь конца XIX в. [14].

Обсуждение

Проведя анализ деятельности двух промышленных предприятий по сохранению памятников индустриального наследия, находящихся на их территории, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, залогом успешной деятельности в этом направлении была прежде всего активная общественная позиция руководства и сотрудников завода. Это видно по примеру с Северской домной. Первые шаги по ее сохранению и музеефикации были осуществлены в конце 1960-х гг. силами инициативной группы в лице директора завода Игоря Михайловича Усачева, сотрудников и ветеранов предприятия⁴⁴. Причем произошло это еще до получения Северской домной статуса памятника сначала местного (1971 г.)⁴⁵, а потом республиканского значения (1974 г.)⁴⁶. Следовательно, никакого принуждения по отношению к промышленному предприятия с целью обеспечения нормативно-правового регулирования не производилось. И обратный пример в рамках того же Северского трубного завода: формальный подход к сохранению памятника на рубеже 1970–1980-х гг., обусловленный выполнением государственного заказа по строительству рыбопи-

томника в охранной зоне памятника, привел к частичному его разрушению⁴⁷. Исправление результатов подобного формализма со стороны руководства завода потребовало значительных усилий и ресурсов, которые можно было бы потратить на другие цели.

Во-вторых, важную роль в мотивировании руководства и сотрудников промышленных предприятий имело пропагандистское направление: использование сохраненного исторического памятника как способ привлечь молодые кадры на завод, уменьшить их текучесть не только в рамках отдельного предприятия, но и целого города. Об этом докладывал на V съезде ВООПИК директор Невьянского механического завода В. В. Хохонов. Об этом же писал журналист газеты «Рабочая правда» (г. Полевской) В. Макунин, говоря о Северской домне: «Наверно, будет так, а очень хочется, чтобы стало именно так – посвящение молодых в рабочее проводить здесь, на виду у всего завода, в этой седой, древней и снова помолодевшей Северской домне»⁴⁸.

В-третьих, данные промышленные предприятия осуществляли необходимые ремонтно-восстановительные работы в отношении памятников как за собственный счет, так и за счет профильных министерств и производственных объединений. Нужно отметить, что в 1960-е – первой половине 1970-х гг. ни в каком нормативно-правовом документе не была прописана обязанность, чтобы промышленные предприятия или другие организации и учреждения, на балансе которых находятся памятники истории и культуры, выполняли работы по их охране исключительно за свой счет. Данное предписание появилось только во второй половине 1980-х гг.: в «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

⁴⁵ Решение Свердловского облисполкома № 636 от 05.08. 1971 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

⁴⁶ Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 100. Л. 10.

⁴⁷ См.: Курашова Т. Покушение на домну // Уральский рабочий. 1982. 12 мая.

⁴⁸ Макунин В. Эта старая домна // Рабочая правда. 1970. 18 июля.

недвижных памятников истории и культуры» (1986 г.)⁴⁹ и Решении Свердловского облисполкома № 446 от 25 ноября 1988 г. «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры» (п. 23)⁵⁰.

Заключение

Необходимость привлечения промышленных предприятий к деятельности по сохранению памятников начали осознавать в советском государстве только во второй половине 1970-х гг. Это прежде всего отразилось в нормативно-правовом регулировании на общесоюзном и региональном уровнях. В соответствующих документах прописывалась ответственность предприятий в отношении памятников, находящихся на их территории: нужно было осуществлять необходимые ремонтно-реставрационные работы, не допускать естественного или искусственного разрушения. Все виды деятельности предприятия должны были согласовываться с государственными органами и ВООПИК. Финансовая ответственность стала возлагаться на промышленные предприятия только во второй половине 1980-х гг.

К 1990 г. на территории Свердловской области были частично или полностью музеефицированы лишь три объекта. Во-первых, это здания и сооружения Екатеринбургского железодельного завода «Монетка», преобразованные в 1972 г. в музейно-мемориальный комплекс под названием «Исторический сквер» [13]. Во-вторых, доменная печь с литейным двором и воздухоудной машиной (Северский трубный завод), превращенная в музей дважды и открытая для посещения в 1970 и 1989 гг. [4, с. 12–13]. В-третьих, Невьянская наклонная башня, ставшая одним из ведущих объектов в рамках созданного в 2002 г. Невьянского государственного историко-архитектурного комплекса⁵¹.

Два последних памятника были музеефицированы при посредстве промышленных предприятий, на территории которых они располагались: Невьянского механического завода и Северского трубного завода.

Таким образом, к началу 1990-х гг. из 20 памятников индустриального наследия Свердловской области, находившихся на территории 16 промышленных предприятий, были отреставрированы и музеефицированы только два объекта.

Список источников

1. *Алексеев В. В.* Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 47–56.
2. *Алексеев В. В., Логунов Е. В., Устьянцев С. В.* Индустриальные памятники Урала // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. Екатеринбург, 1995. С. 29–36.
3. *Алексеева Е. В.* Изучение и сохранение индустриального наследия в мире и на Урале: актуальные методологические проблемы // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2010. С. 41–45.
4. *Алексеева Е. В.* Ревалоризация индустриального наследия в России и странах Западной Европы: подходы, объекты, ландшафты, акторы // Экономическая история. 2017. № 1. С. 9–23.
5. *Добрейцина Л. Е.* Музеи-заводы на Среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала // Лабиринт. 2014. № 1. С. 27–37.
6. *Запарий В. В.* К вопросу об индустриальном наследии и его сохранении // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3. С. 185–195.

⁴⁹ См.: Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. М., 1986.

⁵⁰ См.: Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. С. 5–12.

⁵¹ См.: Постановление Правительства Свердловской области № 127-ПП от 04.03.2002 «Об учреждении областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

7. Запарий В. В. Проблемы сохранения индустриального наследия на Урале и государственные структуры // История техники и музейное дело: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 2–4 дек. 2014 г. М., 2015. С. 22–26.
8. Курлаев Е. А. Промышленная археология в системе изучения и сохранения индустриального наследия // Вестник Уральского отделения РАН. 2012. № 2. С. 131–141.
9. Курлаев Е. А., Курлаев А. Е. Памятники индустриального наследия Урала. Современное состояние, пути изучения и сохранения // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. 2014. № 4. С. 139–147.
10. Лахтионова Е. С. «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года» как источник по истории сохранения индустриального наследия // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1. С. 137–146. DOI: 10.15350/26191490.2020.1.16.
11. Лахтионова Е. С. Основные направления нормативно-правовой базы в сфере охраны индустриального наследия в 1940–1980-е гг. // Кубанские исторические чтения: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 21 июня 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 108–118.
12. Скутин В. А., Штубова Е. В. Свердловская область // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 477.
13. Стариков А. А. Ленина, центральная часть города // Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 284–289.
14. Трепалова А. Место встречи эпох и поколений. «Северская домна» – уникальный объект промышленного наследия // Металлы Евразии. 2023. № 1. С. 60–63.
15. Alekseeva E. Ural works towns: history, landscape and heritage // Pobles obrers. Congrès internacional. International Convention on Workers' Villages and Factory Towns. 4–6 October 2018. Terrassa, 2018. P. 32–44.
16. Zapariy V., Zaitseva E. Industrial heritage of Russia and the Urals: fixation, research, restructuring // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Vol. 2. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy Medieval & Renaissance Studies. 24–30 August 2017. AlbenaCo., Bulgaria. P. 27–278.

References

1. Alekseev V. V. Problems of studying and preserving the industrial heritage of the Urals. *Sokhranenie industrial'nogo naslediya: mirovoi opyt i rossiiskie problemy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Preservation of the industrial heritage: world experience and Russian problems. Materials of the International scientific conference. Ekaterinburg; 1994: 47–56. (In Russ.)
2. Alekseev V. V., Logunov E. V., Ustyantsev S. V. Industrial monuments of the Urals. *Opyt izucheniya i ispol'zovaniya pamyatnikov industrial'noi kul'tury Rossii* = Experience in the study and use of monuments of industrial culture in Russia. Ekaterinburg; 1995: 29–36. (In Russ.)
3. Alekseeva E. V. Study and preservation of industrial heritage in the world and in the Urals: actual methodological problems. *Vos'mye Tatishchevskie chteniya. Doklady i soobshcheniya* = Eighth Tatishchev readings. Reports and communications. Ekaterinburg, 2010; 41–45. (In Russ.)
4. Alekseeva E. V. Revalorization of the industrial heritage in Russia and Western Europe: approaches, objects, landscapes, actors. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2017; 1: 9–23. (In Russ.)
5. Dobreitsina L. E. Museum-factories in the Middle Urals: understanding the past and an indicator of the present in the culture of the industrial Urals. *Labirint* = Labyrinth. 2014; 1: 27–37. (In Russ.)
6. Zapariy V. V. On the issue of industrial heritage and its preservation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* = Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture. 2012; 3 (104): 185–195. (In Russ.)
7. Zapariy V. V. Problems of preserving the industrial heritage in the Urals and state structure. *Istoriya tekhniki i muzeinoe delo: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = History of technology and museum business: materials of the VIII International scientific and practical conference. Moscow, 2015; 22–26. (In Russ.)
8. Kurlaev E. A. Industrial archeology in the system of studying and preserving industrial heritage. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN* = Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012; 2 (40): 131–141. (In Russ.)

9. Kurlaev E. A., Kurlaev A. E. Monuments of the industrial heritage of the Urals. Current state, ways of studying and preserving. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Nauka. Obshchestvo. Chelovek* = Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The science. Society. Human. 2014; 4 (46): 139-147. (In Russ.)
10. Lakhtionova E. S. "Comprehensive program for the identification, certification, registration, restoration, museumification, promotion and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region for the period up to 2000" as a source on the history of industrial heritage conservation. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* = Historical and cultural heritage of the peoples of the Urals – The Volga region. 2020; 1 (8): 137–146. DOI: 10.15350/26191490.2020.1.16 (In Russ.)
11. Lakhtionova E. S. The main directions of the regulatory framework in the field of industrial heritage protection in the 1940–1980s. *Kubanskije istoricheskie chteniya: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Kuban historical readings: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Krasnodar; 2019: 108–118. (In Russ.)
12. Skutin V. A., Shtubova E. V. Sverdlovsk Region. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* = Ural Historical Encyclopedia. Ekaterinburg; 2000: 477. (In Russ.)
13. Starikov A. A. Lenin, the central part of the city. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoi oblasti* = Code of monuments of history and culture of the Sverdlovsk region. T. 1. Ekaterinburg, 2010: 284–289. (In Russ.)
14. Trepalova A. Meeting place of epochs and generations. "Severskaya Domna" – a unique object of industrial heritage. *Metally Evrazii* = Metals of Eurasia. 2023; 1: 60–63. (In Russ.)
15. Alekseeva E. Ural works towns: history, landscape and heritage // Poblės obrers. Congrės internacional. International Convention on Workers' Villages and Factory Towns. 4–6 October 2018. Terrassa, 2018. P. 32–44.
16. Zapariy V., Zaitseva E. Industrial heritage of Russia and the Urals: fixation, research, restructuring // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Vol. 2. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy Medieval & Renaissance Studies. 24–30 August 2017. AlbenaCo., Bulgaria. P. 27–278.

Поступила 12.05.2023.

Сведения об авторе

Лакhtiонова Елизавета Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Область научных интересов – сохранение индустриального наследия в СССР и России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8414-4540>.

E-mail: elza1982@yandex.ru

Submitted 12.05.2023.

About the author

Elizaveta S. Lakhtionova – Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). Research interests: preservation of industrial heritage in the USSR and Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8414-4540>.

E-mail: elza1982@yandex.ru

УДК 94Скребицкий

В. М. Арсентьев

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: vicars@bk.ru*

Александр Никифорович Скребицкий: штрихи к портрету симбирского помещика-предпринимателя

Аннотация

Введение. В статье исследуются жизненный путь и предпринимательская деятельность крупного симбирского помещика Александра Никифоровича Скребицкого, вобравшие все противоречия феодально-крепостнической эпохи и во многом ставшие ее олицетворением. Хозяйственная система России XIX в., несмотря на сохраняющееся господство традиционализма в его феодальном обличье, претерпевала довольно существенные изменения. Они происходили по целому ряду направлений, одними из которых стали коммерциализация помещичьих хозяйств, превращение их в «экономии». Но если во второй половине XIX в. для помещиков движение в этом направлении было, по сути, вопросом выживания и единственно возможным сценарием сохранения экономической состоятельности, то в первой половине столетия рассматривалось в большей степени как новаторство.

Результаты и обсуждение. История делового успеха российских помещиков, сумевших преодолеть инерционное действие сословной среды и выйти за рамки феодально-крепостнических ограничений, заслуживает пристального внимания. Каждый из них шел к успеху своим путем, используя имеющиеся конкурентные преимущества в реализации предпринимательских устремлений. А. Н. Скребицкий относился к наиболее прогрессивно настроенной части помещиков-предпринимателей первой половины XIX в. В стремлении создать в рамках своих имений производительные «экономии» коммерческой направленности они формировали достаточно устойчивый экономический тренд, вовлекший все больше и больше предприимчивых помещиков. Стремлением коммерциализировать свои хозяйства, придать им разнотраслевую направленность, осуществлять технико-технологическую модернизацию своего промышленного комплекса они тем самым производили перенастройку существующей системы.

Заключение. Жизненный путь А. Н. Скребицкого является довольно типичным для русского дворянина. Первый этап его жизни был всецело посвящен военной службе. Кроме карьерных успехов, к началу 1830-х гг. он смог существенно поправить финансовое положение, что в контексте дальнейшей его деятельности можно расценивать как первоначальное накопление капитала. Став помещиком-предпринимателем, он довольно успешно реализовался и на этом поприще, не только сохранив, но и приумножив потенциал своих симбирских фабрик.

Ключевые слова: военная служба, дворянство, предпринимательство, промышленность, помещичье хозяйство, суконное производство, Симбирская губерния.

Для цитирования: Арсентьев В. М. Александр Никифорович Скребитский: штрихи к портрету симбирского помещика-предпринимателя // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 246–255.

DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.246-255.

Viktor M. Arsentiev

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: vicars@bk.ru

Alexander Nikiforovich Skrebitsky: Strokes to the Portrait of a Simbirsk Land Entrepreneur

Abstract

Introduction. The article examines the life path and entrepreneurial activity of the large Simbirsk landowner Alexander Nikiforovich Skrebitsky, which absorbed all the contradictions of the feudal-serf era, in many ways becoming its personification. The economic system of Russia in the 19th century, despite the continued dominance of traditionalism in its feudal guise, underwent quite significant changes. They occurred in a number of directions, one of which was the commercialization of landowner farms, their transformation into “economies”. But if in the second half of the 19th century for landowners the movement in this direction was essentially a matter of “survival” essentially the only possible scenario for maintaining their economic viability, then in the first half of the 19th century it was more of an innovation.

Results. The history of the business success of Russian landowners, who managed to overcome the inertial effect of the class environment and go beyond the feudal-serf restrictions, deserves close attention. Each of them followed their own path to success, using their existing competitive advantages to realize their entrepreneurial aspirations. A. N. Skrebitsky belonged to the most progressively minded part of the landowner-entrepreneurs in the first half of the 19th century. In their desire to create productive “economies” of a commercial nature within their estates, they formed a fairly stable economic trend that involved more and more enterprising landowners. By striving to commercialize their farms, give them a diversified focus, and carry out technical and technological modernization of their industrial complex they thereby reconfigured the existing system.

Discussion and Conclusion. Life path of A. N. Skrebitsky is quite typical for a Russian nobleman. The first stage of his life was entirely devoted to military service. In addition to career success, by the early 1830s he was able to significantly improve his financial situation, which in the context of his further activities can be regarded as the initial accumulation of capital. Having become a landowner-entrepreneur, he quite successfully realized himself in this field, not only preserving, but also increasing the potential of his Simbirsk factories.

Keywords: military service, nobility, entrepreneurship, industry, landowners’ economy, cloth production, Simbirsk province.

For citation: Arsentiev V. M. Alexander Nikiforovich Skrebitsky: Strokes to the Portrait of a Simbirsk Land Entrepreneur. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 246–255. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.246-255.

Введение

Хозяйственная система России XIX в., несмотря на сохраняющееся господство традиционализма в его феодальном облике, претерпевала довольно существенные изменения. Они происходили по целому ряду направлений, одними из которых стали

коммерциализация помещичьих хозяйств, превращение их в «экономию». Но если во второй половине XIX в. для помещиков движение в этом направлении было, по сути, вопросом выживания и единственно возможным сценарием сохранения экономической состоятельности, то в первой половине сто-

летия рассматривалось в большей степени как новаторство. Кроме того, это было связано с преодолением целого ряда препятствий, связанных с существовавшими в дворянской среде установками жизнедеятельности. Занятие хозяйством не только не было приоритетным, но даже в какой-то мере считалось «недостойным» высокого звания «благородного российского сословия».

Результаты и обсуждение

История делового успеха российских помещиков, сумевших преодолеть инерционное действие сословной среды и выйти за рамки феодально-крепостнических ограничений, заслуживает пристального внимания. Каждый из них шел к успеху своим путем, используя имеющиеся конкурентные преимущества в реализации предпринимательских устремлений.

Весьма показательна история крупного симбирского помещика Александра Никифоровича Скребицкого (1778–1864), жизненный путь и предпринимательская деятельность которого вобрали в себя все противоречия той эпохи, во многом став ее олицетворением. Он родился в семье представителей польско-украинской шляхты, проживавшей в имении при с. Прусы Киевской губернии Черкасского повета. Получил образование в Киевском главном училище, по окончании которого поступил на военную службу в Московский мушкетерский полк, в звании унтер-офицера. После увольнения в декабре 1802 г. принят на службу в Киевское губернское правление, в связи с чем ему был присвоен чин губернского регистратора. Позднее Правительствующим сенатом был произведен в коллежские регистраторы¹.

С 1 сентября 1805 по 1 ноября 1807 г. А. Н. Скребицкий служил в канцелярии Киевского гражданского губернатора. После того как по распоряжению императора

Александра I на гражданских губернаторов было возложено продовольственно-фуражное обеспечение войск, А. Н. Скребицкий назначен комиссионером по закупке и транспортировке продовольствия для нужд армии. За добросовестное выполнение своих обязанностей он получил в награду от киевского губернатора бриллиантовый перстень и был переведен в ранг губернского секретаря².

Первый этап биографии А. Н. Скребицкого можно ограничить началом 1830-х гг. Его можно считать олицетворением жизненного пути типичного российского дворянина, всецело посвятившего себя служению государству. Все это время он фактически непрерывно находился на военной службе. Немалые испытания легли на плечи А. Н. Скребицкого в годы Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В 1808–1810 гг. он принимал непосредственное участие в военных действиях и был отмечен командованием за особые отличия³.

С 1810 г. А. Н. Скребицкий служил ревизором при действительном тайном советнике сенаторе В. И. Красно-Милашевиче, председательствовавшем в диванах княжеств Молдавия и Валахия. В этой должности находился до 23 сентября 1812 г., дослужившись до чина титулярного советника.

После начала наполеоновского нашествия А. Н. Скребицкий оказался под началом генерал-интенданта графа А. Л. Санти, служившего на тот момент в должности киевского губернатора. Под руководством последнего проводился комплекс мероприятий по тыловому обеспечению Дунайской армии П. В. Чичагова и 3-й Обсервационной армии под руководством А. П. Тормасова. На начальном этапе войны граф Санти занимался организацией приема, размещения и продовольственного снабжения взятых в плен австрийских и саксонских воен-

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 256. Оп. 1. Д. 1. Послужной список А. Н. Скребицкого за период от рождения до 1828 года, выданный Е. М. Перси-Френч из Главного Штаба армии. Копия.

² Там же.

³ Там же.

нопленных в Киеве после разгрома корпуса генерала Кленгеля в сражении под Кобриным [2, с. 854].

В гуще всех этих событий оказался и А. Н. Скребицкий, который на протяжении всей Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода служил под началом А. Л. Санти. После начала отступления русской армии на восток граф Санти был назначен на вновь учрежденную должность генерал-интенданта резервной армии. С 1814 г. А. Н. Скребицкий выполнял обязанности провиантского комиссионера этой армии, а в 1815 г. был награжден орденом Святого Владимира IV степени⁴.

После окончания военных действий А. Н. Скребицкий был назначен обер-провиантмейстером в Варшаве, где служил под началом великого князя Константина Павловича. Успешный офицер был замечен великим князем, который после вхождения Великого княжества Варшавского в состав Российской империи стал главным представителем царской власти в Польше. С этого времени карьера А. Н. Скребицкого пошла стремительно вверх. С 1817 г. он служил в должности обер-провиантмейстера Литовского корпуса (впоследствии переименованного в Полевую провиантскую комиссию 6-го пехотного корпуса). В 1818 г. А. Н. Скребицкий награжден орденом Святой Анны II степени. В 1821 г. его назначили военным советником, а в 1829 г. за достижения по службе он был удостоен ордена Святого Станислава I степени⁵.

Практически сразу же после начала Польского восстания А. Н. Скребицкий стал помощником генерал-интенданта дей-

ствующей армии, в составе которой в 1831 г. участвовал в подавлении восстания⁶.

После окончания польской кампании А. Н. Скребицкий написал прошение об освобождении от занимаемой должности, которое было удовлетворено. 26 февраля 1831 г. по расстроенному здоровью он был освобожден от должности помощника генерал-интенданта, но оставлен в действующей армии для особых поручений⁷.

Уже после смерти своего покровителя, великого князя Константина, А. Н. Скребицкий в октябре 1834 г. подал новое прошение, в котором просил освободить его от всякой службы. Оно было также удовлетворено. В 1839 г. он произведен в чин тайного советника, получив знак отличия за двадцатилетнюю беспорочную службу.

С этого момента начался новый этап жизни А. Н. Скребицкого, связанный уже с другим направлением жизнедеятельности. Устав от тревожной Польши, он все больше задумывался об уходе на пенсию и переезде в российскую провинцию, где бы мог насладиться спокойной жизнью.

То, что после ухода с военной службы жизненный путь А. Н. Скребицкого оказался тесно связан с Симбирской губернией, стало результатом стечения ряда обстоятельств. После того как в результате восстания 1830–1831 гг. был разграблен его дом в Варшаве, он начал поиск подходящих имений для покупки⁸.

Выбор Симбирской губернии в качестве новой жизненной локации предопределил факт знакомства А. Н. Скребицкого с Иваном Александровичем Голицыным (1783–

⁴ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1. Послужной список А. Н. Скребицкого...

⁵ ГАУО. Ф. 256 Оп. 1. Д. 3. Аттестат, выданный А. Н. Скребицкому великим князем Константином Павловичем, о его примерной службе по управлению с 1817 по 1831 годы Полевой провиантской комиссией шестого пехотного (бывшего Литовского отдельного) корпуса. Копия.

⁶ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 4. Рапорт А. Н. Скребицкого генерал-интенданту действующей армии Абакумову (инициалы не указаны), в связи с назначением его императором Николаем I помощником генерал-интенданта и о невозможности исполнения служебных обязанностей в период болезни. Копия.

⁷ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 4.

⁸ ГАУО. Ф. 256 Оп. 1. Д. 2. Документы о разгромах и расхищении в Варшаве, во время польского восстания 1830 года имущества А. Н. Скребицкого, документов и денег Полевой провиантской комиссии Литовского отдельного корпуса (рапорты, прошения, письма, объявления А. Н. Скребицкого, должностных лиц и учреждений).

1852), адъютантом великого князя Константина. По всей видимости, он также сыграл важную роль в замужестве старшей дочери Александра Никифоровича, Эмилии. Именно благодаря ему состоялось ее знакомство с будущим супругом. Им стал симбирский дворянин подполковник Александр Львович Киндяков, который также служил в Варшаве и участвовал в подавлении Польского восстания.

И. А. Голицын с 1813 г. совместно с теткой Марией Борисовной Алмазовой владел довольно обширным тереньгульским имением. В 1822 г. благодаря целенаправленным усилиям и своим связям Иван Александрович смог лишить свою родственницу владельческих прав на часть ее доли, которая уже вскоре была продана А. Н. Скребицкому. В результате последний стал собственником части тереньгульского имения – с. Поповка с суконной фабрикой. К 1831 г. А. Н. Скребицкий выкупил оставшуюся долю тереньгульского имения И. А. Голицына с 11 тыс. дес. земли, суконной и стекольной фабриками.

И. А. Голицын был заядлым карточным игроком, поэтому из-за частых проигрышей вынужден был брать в долг и постоянно нуждался в деньгах. Вероятно, именно это обстоятельство побудило его продать имение.

Судя по размаху дорогостоящих приобретений, близкое знакомство с высокопоставленными особами, а также специфика военной службы А. Н. Скребицкого, связанная с материальным снабжением русской армии, предполагала возможности извлекать и немалые личные выгоды, благодаря чему к моменту выхода на пенсию он сколотил немалое состояние (неслучайно в народе слагали легенды о несметных сокровищах икладах симбирского помещика). Об этом красноречиво свидетельствует

то, с какой легкостью он покупал довольно крупные имения в Киевской, Симбирской, Самарской, Нижегородской, Орловской, Вятской, Оренбургской губерниях, дома в Санкт-Петербурге и Москве⁹.

Реализуя себя в качестве помещика-предпринимателя, он всецело погрузился в реалии хозяйственной жизни и с довольно большим рвением взялся за реализацию производственно-коммерческих проектов. При этом основной областью приложения предпринимательских усилий новоиспеченного предпринимателя стало суконное производство. Благодаря постоянной поддержке государства в первой половине XIX в. оно относилось к числу наиболее прибыльных. Самым крупным промышленным объектом А. Н. Скребицкого была Тереньгульская суконная фабрика. К моменту вступления в свои права нового владельца она представляла собой целый комплекс заводских корпусов, расположенных по течению речки Тереньгул на протяжении трех верст. Среди них два основных корпуса для фабричных работ, корпус для стрижки и отделки сукон, два здания для зимней сушки сукон, магазин для хранения сукон и разных материалов, красильное заведение. Шерсть и другие материалы хранились в шести кладовых. Отдельно на речке Тереньгул располагались две сукновальни на 20 ступ, оборудованные всеми необходимыми устройствами. Кроме того, были и другие «мелочные фабричные строения», обслуживающие процесс производства сукна. Среди этих зданий не было помещений для жилья фабричных рабочих – верный признак того, что в тот период среди работавших на мануфактуре не было пришлых вольнонаемных людей. Рабочими были крепостные крестьяне и дворовые тереньгульской вотчины, отбывающие барщину¹⁰.

⁹ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 6 Духовное нотариальное завешание А. Н. Скребицкого, утвержденное Царско-сельским уездным судом и представленное завещателем для хранения в Санкт-Петербургский Опекунский Совет. Подлинник. Копия; Д. 6 А. Доверенность А. Н. Скребицкого, выданная дочери, баронессе С. А. Стремфельт, на управление его имениями в Симбирской, Самарской, Нижегородской, Орловской, Вятской губерниях. Подлинник. Копия.

¹⁰ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 18. Оп. 2. Д. 117. Л. 644.

Вторая суконная фабрика А. Н. Скребицкого была гораздо менее производительной, к тому же на ней не был организован полный цикл производства сукна. Фактически она представляла собой внешнее отделение Тереньгульской мануфактуры, куда привозили на доделку сукна из Вельяминовки¹¹.

Учитывая то обстоятельство, что имения А. Н. Скребицкого были разбросаны по разным губерниям, значительную часть управленческо-распорядительных функций он осуществлял дистанционно. В каждом из имений от его имени действовали управляющие, общение с которыми осуществлялось в форме почтовой переписки.

Довольно наглядное представление о том, как функционировала эта система, дают документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Ульяновской области. Практически с момента вступления в права владельца симбирским имением А. Н. Скребицкий пытался реализовать план технической модернизации производства на Тереньгульской фабрике. Для этого он привлёк француза Ф. Колиньюна, до этого работавшего механиком на суконной фабрике в Польше. Приехав в 1830 г. на фабрику, новый управляющий с энтузиазмом взялся за дело¹².

Из его переписки с работодателем мы узнаём о его действиях по технической реконструкции предприятия, благодаря которой планировалось увеличить как качество, так и количество производимой продукции. Однако реализовать все эти замыслы было непросто. Главным препятствием оказалась позиция представителей руководства Тереньгульской вотчинной конторы: управляющего И. Шведова и служащих И. Зимулина, А. Обрубова и И. Грязнова¹³. Действия француза они рассматривали как угрозу своей стабильности, не желая менять десятилетиями складывавшуюся систему. Она

была ориентирована не столько на эффективную и рентабельную работу предприятия, сколько на обеспечение возможностей извлекать личную выгоду.

Из переписки мы узнаём, что Колиньюн выражает недоумение по поводу целого ряда нерациональных с экономической точки зрения решений, которые не только не приносят дохода, но и оказываются убыточными для фабрики. В числе наиболее вредных для действия фабрики злоупотреблений Колиньюн называет неправильное ведение бухгалтерии, а также разного рода «укрывательства» со стороны служащих вотчинной конторы [1, с. 48].

В своих письмах Колиньюн высказывает несогласие по поводу целесообразности принимаемых управленческих решений. В частности, он пишет о закупке шерсти на фабрику по завышенной цене, которая к тому же была плохого качества. Даже в этом случае сохранялся дефицит шерсти, приводивший к простоям в работе фабрики. Тереньгульская фабрика была одним из крупных в Симбирской губернии поставщиков сукна в казну, практически постоянно участвовала в государственных подрядах. Поэтому срыв поставок мог повлечь за собой весьма неприятные последствия для владельца.

В числе других злоупотреблений со стороны служащих вотчинной конторы, препятствовавших нормальной работе предприятия, Колиньюн называет следующие: «почти ежедневное» пьянство и плохая трудовая дисциплина; необоснованные растраты и финансовые злоупотребления, вследствие которых возникла задолженность в сумме около 100 тыс. руб.; частые случаи воровства шерсти, сукна, мыла; незаконный отрыв рабочих от заводских работ, которых управляющий и служащие конторы заставляли работать на своей земле¹⁴.

¹¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 117. Л. 645–645 об.

¹² ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 11. Документы о работе суконной фабрики А. Н. Скребицкого в селе Тереньга Сенгилеевского уезда, об освобождении его от конфискации имений, как неучаствовавшего в польском восстании 1830 года.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 11. Л. 30–32.

Не менее резкая критика уже в адрес Колиньюна звучит в письмах управляющего вотчинной конторой Ивана Шведова. Он отмечает, что при установке нового водяного колеса были допущены грубые просчеты и оно оказалось непригодным. Чесальные, прядильные машины и ткацкие станы по несколько раз переставлялись с места на место, отчего терялось много времени. Кузницу, располагавшуюся у реки, поместили в деревянном корпусе рядом со складом шерсти, что создавало пожароопасную ситуацию. Ткацкого мастера, работавшего 30 лет, уволил без всякой причины и назначил вместо него неопытного. Особых выделенных мальчиков делу не обучал. Сообщая об этих и других упущениях, Шведов отмечает: «Сукна ныне работают хуже прежнего, как у нас работали без него, отчего происходит и при сдаче в казну большой брак, все чины в комиссии не могут надивиться, что у нас при механике сукна выходят хуже. Вчерашний день из 288 половинок сдал только 159, и последние 129 половинок за разными пороками забракованы и обращаются на фабрику»¹⁵.

Далее он делает вывод, «что механик Колиньюн по действиям суконной фабрики и машинного производства нисколько не сведущ», заключает, «что фабрика не сможет оказать при действии механика Колиньюна желаемого успеха и улучшения по сукноделию, а без него можно надеяться достигнуть хорошего успеха и улучшения фабрики, ибо есть свои люди, умеющие делать машины и действовать на оных, коими лишь только распорядиться конторе»¹⁶.

Вероятно, А. Н. Скребицкий оказался в затруднительной ситуации, не понимая, кто же больше прав. Первоначально он безоговорочно поддерживал своего «ставленника». Но по мере того как знакомился с позицией служащих вотчинной конторы, каждому из которых приказал писать о действиях француза, все больше и больше сомневался.

Ситуацию осложняло то, что, даже вступив в права собственника тереньгульского имения, он некоторое время не мог приехать на фабрику, оказавшись в гуще происходивших в Польше событий и продолжая оставаться на военной службе. Для улаживания споров и взятия ситуации под контроль А. Н. Скребицкий вначале командировал в Тереньгу шурина, Гавриила Яковлевича Езерского, а затем брата Степана.

К сожалению, в документах не обнаружена информация, чем закончился принципиальный спор между Колиньюном и так называемой старой гвардией. По-видимому, стремясь наладить отношения со служащими конторы, от действий которых зависело благополучие всего тереньгульского имения, А. Н. Скребицкий не решился на том этапе ломать существовавшую хозяйственно-управленческую систему. В итоге механику Ф. Колиньюну так и не удалось в полной мере осуществить план модернизации предприятия. Вероятно, он вскоре покинул Тереньгу, так как в более поздних документах мы его не находим в числе механиков Тереньгульской суконной фабрики.

В дальнейшем, поселившись в с. Тереньга и имея возможность непосредственно участвовать в делах своей фабрики, А. Н. Скребицкий прочно взял бразды правления в свои руки, но в то же время продолжил прилагать усилия в направлении совершенствования технико-технологической организации производства.

О техническом оснащении суконной фабрики в с. Тереньга известно из переписки мастеров и главного механика предприятия с ее владельцем. Мастер Степан Новиков с рабочими людьми в письме от 1 ноября 1831 г. докладывает А. Н. Скребицкому, что фабрика работает в полном комплекте, имеются 62 одночелночных стана, 63 артели на ручных колесах, 12 прядильных станков, в связке с которыми действует 10 щипальных, чесальных и катальных аппаратов¹⁷.

¹⁵ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–32.

¹⁶ Там же. Л. 21.

¹⁷ Там же. Л. 4.

Практически сразу после вступления в права собственника А. Н. Скребицкий вкладывал немалые средства в дооснащение фабрики, заказывая машины и оборудование за границей. Заводской механик француз Колин-ньон в письме от 12 ноября 1831 г. сообщал, что «машины из заграницы получил, все в хорошем состоянии, он их собрал, кроме гидравлического пресса, для сборки которого не было нужных материалов»¹⁸.

Одной из задач, которую планировалось решить благодаря внедрению технических инноваций, было налаживание производства тонких сукон, более сложных в отделке. До этого фабрика производила лишь грубые сорта солдатского сукна, поставляемого по казенным подрядам. Главный управляющий вотчинной конторой Иван Шведов в рапорте А. Н. Скребицкому в 1831 г. сообщает: «Из присланных Вами из заграницы трех аппаратов работает два, третий оставлен для тонких сукон, они пока не производятся. Еще прежние работают четыре аппарата, всего шесть аппаратов, при коих три машины щипальных, двенадцать прядильных, три ворсостригальные цилиндрические и две американские машины, а гидравлический пресс не собран...»¹⁹.

В частности, благодаря его инициативам в производственный процесс были внедрены усовершенствованные аппараты, так называемые контины, благодаря которым можно было повысить качество производимого сукна. Фабричные рабочие их называли «секретами», скорее всего потому, что они были первоначально внедрены лишь на нескольких фабриках и держались в секрете, обеспечивая определенные конкурентные преимущества²⁰.

Кроме того, его суконные фабрики были оснащены паровыми двигателями, которые приводили в движение все основные машины и механизмы. В источнике начала

1860-х гг. в этом отношении фабрики А. Н. Скребицкого относятся к наиболее технически совершенным в губернии²¹.

Как и большинство других суконных фабрик Симбирской губернии, фабрика в с. Тереньга специализировалась на производстве солдатских сукон, львиную долю продукции поставляя в казну. Ситуация несколько изменилась во второй половине 1850-х гг., когда закончилась Крымская война. Снижение объемов закупки сукна в казну дало возможность переориентировать производство на свободную продажу. Оперативно отреагировать на падение государственных закупок сукна могли только крупные и технически оснащенные предприятия, к числу которых относились и фабрики А. Н. Скребицкого²².

Говоря о А. Н. Скребицком как о помещике, следует сказать о его сложных отношениях с крестьянами. Он прослыл сторонником строгой дисциплины, создав довольно жесткую репрессивную систему. Стараясь поддерживать порядок в имении, он нередко перегибал палку. Иллюстрацией этого стала возникшая во второй половине 1840-х гг. конфликтная ситуация в отношениях А. Н. Скребицкого с проживающими в с. Тереньга несколькими семьями солдатских жен. Они, не являясь крепостными, работали на мануфактуре в качестве вольнонаемных. Недовольство владельца вызвало то обстоятельство, что они энергичнее, чем другие, отстаивали свои права, заражая примером и крепостных. А. Н. Скребицкий просил уездного исправника выслать их из Тереньги за то, что они производят беспорядки. После того как следствие не подтвердило обвинений, выдвинутых против солдаток, А. Н. Скребицкий решил действовать сам. В жесточайший январский мороз они были выселены из заводских домов и вы-

¹⁸ ГАУО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰ См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 20. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 2. С. 47.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Там же.

сланы из Тереньги. Солдатки обратились с жалобой к симбирскому губернатору князю Черкасскому, выдвигая в том числе требование о компенсации за дома, из которых они были выселены А. Н. Скребицким. В течение трех лет велась переписка между административными органами по этому вопросу, однако солдатки так и не добились своего²³.

Еще более жестко тереньгульский помещик относился к собственным крепостным. В народной памяти сохранилось выражение, которое любил повторять А. Н. Скребицкий: «Плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, так не пеняй!». Провинившихся он жестко наказывал, нередко практикуя и телесные экзекуции.

А. Н. Скребицкий оставался богобоязненным человеком. В 1850 г. на собственные средства он возвел каменную Александро-Невскую церковь. При этом на многих сохранившихся предметах церковной утвари выгравированы чин и имя благодетеля. Кирпич для строительства производился на кирпичном заводе, устроенном в тереньгульском имении самим владельцем.

После реформы 1861 г. А. Н. Скребицкий постепенно отошел от дел. В 1861 г. он продал дом в Симбирске известному симбирскому предпринимателю купцу Сулейману Абдулловичу Акчуруну [3, с. 19]. Последние годы жизни А. Н. Скребицкий провел в Санкт-Петербурге. Уже тяжело болея и предчувствуя скорую кончину, он составил завещание, которое было утверждено 9 июня 1864 г. в Царскосельском уездном суде, а 12 июня представлено для хранения в запечатанном конверте в Санкт-Петербургский опекунский совет. Умер тереньгульский помещик 19 июля 1864 г. на 87-м году жизни. Как следует из текста завещания, в числе наследников значились третья жена Анна Ивановна Скребицкая (Гуреева), дочери Эмилия Александровна Киндякова и София Александровна Стремфельт, а также сыновья умершего брата А. Н. Скребицкого, Петр и Николай Степановичи Скребицкие²⁴.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что жизненный путь А. Н. Скребицкого является довольно типичным для русского дворянина. Первый этап его жизни был всецело посвящен военной службе. Весьма преуспев на этом поприще, он к началу 1830-х гг. имел за плечами хороший послужной список. Кроме того, специфика занимаемых должностей и выполняемых служебных обязанностей позволила ему существенно поправить финансовое положение. Судя по тому, как сложилась дальнейшая судьба А. Н. Скребицкого, результаты его деятельности, оперируя рыночными категориями, можно расценивать как первоначальное накопление капитала. Став помещиком-предпринимателем, он довольно успешно реализовался и на этом поприще, не только сохранив, но и приумножив потенциал своих симбирских фабрик. Его деятельность можно идентифицировать как предпринимательский, или переходный, тип управления. Высшим его звеном оставался заводчик, и именно от его личных качеств, а также способов и форм реализации предпринимательской инициативы главным образом зависела эффективность всей системы организации бизнеса, а в итоге и деловой успех.

В первой половине XIX в. предпринимательская деятельность помещиков и их стремление вести в рамках своих имений расширенное воспроизводство рыночного типа не были еще так называемым мейнстримом и больше напоминали новаторство наиболее прогрессивно настроенных. Тем не менее к середине XIX в. стремление к созданию в рамках своих имений производительных «экономий» коммерческой направленности превратилось в достаточно устойчивый экономический тренд, вовлекавший все больше и больше предприимчивых помещиков. Стремлением коммерциализировать свои хозяйства, придать им разнотраслевую направленность, осуществ-

²³ ГАУО. Ф. 763. Оп. 1. Д. 63.

²⁴ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 6; Д. 6 А.

влять технико-технологическую модернизацию своего промышленного комплекса они тем самым производили перенастройку существующей системы. По сути, они уже преодолевали локальную ограниченность своих хозяйств, заимствуя накопленный к тому времени опыт и внедряя разного рода инновации. При этом переход к производству расширенного типа автоматически разрушал натуральную замкнутость феодально-крепостнических хозяйств.

Хотя одной ногой помещики-предприниматели шагнули в эпоху индустриальной

модернизации, второй ногой они продолжали стоять в «болоте» феодально-крепостнической системы, замедлявшей движение вперед. Следует отметить, что в некоторых случаях промышленники превращали это «препятствие» в «благоприятствующий» фактор. В данном случае речь идет о возможности использования дворянами-помещиками дешевого труда собственных крепостных крестьян, а также даруемых государством сословных привилегий и охраняемой властью заповедной области феодального землевладения.

Список источников

1. *Арсентьев В. М.* Трансляция западноевропейских инноваций в промышленности Среднего Поволжья в первой половине XIX века (на примере деятельности иностранных специалистов) // *Экономическая история*. 2014. № 2. С. 43–50.
2. *Подмазо А. А.* Образы героев Отечественной войны 1812 года: Военная галерея Зимнего дворца. М.: Рус. витязи, 2013. 864 с.
3. Симбирск купеческий: в 2 ч. Ч. 2. Купеческие фамилии Симбирска / Р. К. Вильданова, Р. Ш. Гайнетдинов [и др.]; ред.-сост. Т. А. Громова. Ульяновск: РГ «Пеликан», 2016. 102 с.

References

1. *Arsentiev V. M.* Translation of Western European innovations in the industry of the Middle Volga region in the first half of the 19th century (on the example of the activities of foreign specialists). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2014; 2(25): 43–50. (In Russ.)
2. *Podmazo A. A.* Images of heroes of the Patriotic War of 1812: Military Gallery of the Winter Palace. Moscow, 2013, 864 p. (In Russ.)
3. Simbirsk merchant: in 2 parts / R. K. Vildanova, R. Sh. Gainetdinov [and others]; Ed. T. A. Gromova. Ulyanovsk, 2016, Iss. 2: Merchant families of Simbirsk. 102 p. (In Russ.)

Поступила 22.06.2023.

Сведения об авторе

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – проблемы социально-экономической истории России, Среднего Поволжья и Мордовии в XIX в. (особенности протекания модернизационных процессов, промышленная история и индустриализация, динамика и модели экономического развития, история предпринимательства, рабочая история). Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 16 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7198>.

E-mail: vicars@bk.ru

Submitted 22.06.2023.

About the author

Viktor M. Arsentiev – Doctor of History, Professor, Head of Department of History of Russia, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: problems of the socio-economic history of Russia, the Middle Volga region and Mordovia in the 19th century (features of modernization processes, industrial history and industrialization, dynamics and models of economic development, history of entrepreneurship, labor history). The author of more than 150 scientific and educational works, including 16 monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7198>.

E-mail: vicars@bk.ru

УДК 94(470)«1917»:338.1(470.40)

С. В. Кистанов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: kistanov-viz@yandex.ru*

Начало решения аграрного вопроса «снизу» весной 1917 г. на примере Краснослободского уезда Пензенской губернии

Аннотация

Введение. Статья посвящена началу борьбы крестьян за землю в условиях после Февральской революции 1917 г.

Материалы и методы. В исследовании используются материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ). Применяются проблемно-хронологический метод, а также микроисторический подход для рассмотрения общероссийских событий на уровне уезда.

Результаты исследования. Основное содержание исследования – начало развертывания борьбы крестьян с помещиками за землю. Крестьянство, стесненное малоземельем, путем обращения к властям через написание приговоров стремилось обратить на это внимание и решить земельный вопрос в свою пользу. Не менее важными проблемами краснослободских крестьян являлись отсутствие лугов для корма и выгула скота, а также многочисленные штрафные санкции, накладываемые на них помещиками. Данные законные формы борьбы за обладание землей шли параллельно с погромами помещичьих усадеб и вывоза из них имущества и кормов. Также стоит отметить нарастание напряжения между местными крестьянами и арендаторами из других населенных пунктов, которым помещики сдавали в аренду свои пахотные земли и луга.

Обсуждение и заключение. Исследование подтвердило, что местное крестьянство являлось активным участником решения аграрного вопроса «снизу», а его противники в виде разного рода землевладельцев начали сдавать позиции. Одновременно стороны пытались апеллировать к местным властям, которые в основном старались занять позицию стороннего наблюдателя, не вмешиваясь серьезно в разворачивающуюся аграрную борьбу.

Ключевые слова: аграрный вопрос, революция, крестьяне, помещики, собственность, аренда, крестьянский приговор.

Для цитирования: Кистанов С. В. Начало решения аграрного вопроса «снизу» весной 1917 г. на примере Краснослободского уезда Пензенской губернии // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 256–266. DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.256-266.

Sergey V. Kistanov

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

The Beginning of the Solution of the Agrarian Question “from below” in the Spring of 1917 on the Example of Krasnoslobodsky Uyezd of Penza Province

Abstract

Introduction. The article is devoted to the beginning of the peasants’ struggle for land in the conditions after the February revolution of 1917.

Materials and Methods. The research uses materials from the Central State Archive of the Republic of Mordovia. In the work on this study, a problem-chronological method was used, as well as a micro-historical approach to consider all-Russian events at the county level.

Results. The main content of the study is the beginning of the unfolding of the struggle of peasants with landlords for land. The peasantry, constrained by small land, by appealing to the authorities through writing sentences, seeks to pay attention to this and resolve the land issue in their favor. No less important problems of Krasnoslobodsk peasants were the lack of meadows for feeding and walking livestock, as well as numerous penalties imposed on them by landlords. These legal forms of struggle for the possession of land go in parallel with the pogroms of landlords’ estates and the removal of property and fodder from them. It is also worth noting the growing tension between local peasants and tenants from other settlements, to whom landlords leased their arable land and meadows.

Discussion and Conclusion. The study confirmed that the local peasantry is an active participant in solving the agrarian issue “from below”, and its opponents in the form of various kinds of landowners are beginning to give up their positions. At the same time, the parties are trying to appeal to the local authorities, who, basically, are trying to take the position of an outside observer, without seriously interfering in the unfolding agrarian struggle.

Keywords: agrarian question, revolution, peasants, landlords, property, rent, peasant verdict.

For citation: Sergey V. Kistanov. The Beginning of the Solution of the Agrarian Question “from below” in the Spring of 1917 on the Example of Krasnoslobodsky Uyezd of Penza Province. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 256–266. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.256-266.

Введение

Начало XX в. характеризуется для российской государственности чередой крупных общественно-политических изменений: революциями 1905–1907 гг. и 1917 г., а также Первой мировой и Гражданской войнами. Стоит заметить, что за исключением мировой войны все вышеперечисленные события имели одинаковый набор причин, нерешенность которых приводила к крупнейшим социально-экономическим и политическим потрясениям. Их следствием стали крушение российской монархии и становление новой советской государственности после прихода к власти партии большевиков.

Одной из важнейших проблемных точек в Российской империи являлся аграрный

вопрос. Его важность определялась и тем, что подавляющее большинство населения страны были крестьянами. Русская деревня начала XX в. страдала из-за сохранения в ней пережитков крепостничества (малоземелье, господство крестьянской общины и др.), слабого развития буржуазных отношений, а также нежелания властей осуществить реформирование аграрно-крестьянского сектора. Правящая верхушка затягивала попытки преобразований в этом направлении, сводя на нет даже те начинания, которые пытались претворяться в жизнь, несмотря на то что после зашедшей в тупик «виттевской» модернизации следовало расширять внутренний рынок. Еще одной из проблем, стоявшей перед властью, стала необходимость сохранения «священ-

ной и неприкосновенной» помещичьей собственности – главной социальной опоры монархии. Нерешительность властей и разногласия в правящих верхах привели к тому, что попытки решения крестьянского вопроса в рамках работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах практически не дали реального итога. Лишь революция 1905–1907 гг., грозившая сотрясанием всего российского уклада, заставила властей пойти на широкомасштабные реформы в аграрном вопросе – Столыпинскую аграрную реформу 1906–1911 гг. Однако и она не смогла решить все проблемы, стоявшие перед российской деревней, а со смертью реформатора и началом Первой мировой войны и она стала сворачиваться. Словом, к 1917 г. аграрный вопрос в России так и не был решен, и его решением, по идее, должны были заняться новые люди, пришедшие к власти после Февральской революции.

Следует отметить, что исследования по истории аграрно-крестьянского вопроса в России довольно многочисленны. Велись они практически по горячим следам свершавшихся событий. Огромная роль в исследовании вопросов, связанных с аграрно-крестьянским вопросом периода Великой российской революции 1917 г., принадлежит советской исторической науке. Однако здесь следует иметь в виду, что советская историография имела ряд специфических черт в данном направлении исследований. Прежде всего внимание уделялось деятельности партии большевиков в деревне и ее роли в аграрном движении; делался акцент на классовой борьбе. При этом роль и деятельность иных политических партий (прежде всего социалистов-революционеров) либо умалчивалась, либо искажалась, передаваясь как реакционная и антикрестьянская. Классовой борьбе в деревне в 1917 г. посвящены исследования С. М. Дубровского, Н. А. Кравчука, Т. В. Осиповой, А. В. Шестакова [3; 7; 8; 11]. Борьба большевиков с эсерами за крестьянские массы

освещена в работах В. Н. Гинева, К. В. Гусева, В. В. Коминой, С. П. Трапезникова [1; 2; 5; 10]. В тот же период немалая роль в исследовании данной проблемы, в том числе решения аграрного вопроса в 1917 г., принадлежала региональной историографии, которая рассматривала как непосредственно само крестьянское движение в губерниях Российской империи, так и борьбу большевиков за реализацию своей программы в деревне. С изменением историографической ситуации в России начиная со второй половины 1980-х гг. круг вопросов рассматриваемых как российской, так и региональной историографией расширился; идеологические постулаты перестали быть актуальными; наконец, ушел уклон в сторону исследования только положительной роли большевистской партии в аграрном вопросе [4; 6]. Однако следует отметить, что исследования по аграрному вопросу в начале XX в., в 1917 г. в частности, как в советский, так и в постсоветский период проводятся прежде всего на макроуровне, затрагивая его в общероссийском или в региональном (губернском) масштабе. Исследований по реализации аграрной программы и попыткам решения аграрного вопроса на самом мелком уровне (непосредственно на местах – в уездах) практически нет. Следовательно, рассмотрение попыток решения аграрного вопроса в 1917 г. на примере одного из уездов Пензенской губернии является оригинальным и предельно актуальным.

Материалы и методы

Основными источниками данного исследования являются материалы фонда Р-30 «Краснослободский уездный комиссар Временного правительства Пензенской губернии» Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), представляющие собой переписку уездного руководства с крестьянским самоуправлением по поводу поземельных отношений, возникших после прошедшей Февральской революции. Непосредственно при работе с материалами нами был использован проблемно-хронологический метод, позволив-

вший «разбить» процессы в ходе решения аграрного вопроса в деревне на составные элементы и проследить их течение весной 1917 г. Также нами использован микроисторический подход, при помощи которого мы способны рассматривать общероссийские процессы на самом низовом административном уровне страны, т. е. в рамках уезда.

Результаты исследования

События февраля – марта 1917 г. в Петрограде (Февральская революция) вызвали повышенные ожидания населения страны в том, что проблемы, от решения которых уходили царские власти, наконец-то будут решены новой властью, т. е. Временным правительством. Эти же настроения охватывали и самую большую социальную группу населения Российской империи – крестьянство. Оно же, замученное прежде всего малоземельем (ибо в подавляющем большинстве относилось к категории бедняков) еще со времени революции 1905–1907 гг., было не прочь провести «черный передел», поэтому ждало от властей более-менее радикального решения аграрного вопроса в свою пользу. Однако Временное правительство отложило решение до созыва Всероссийского Учредительного собрания, что во многом не устраивало крестьянские массы. Поэтому крестьянство на местах с начала периода двоевластия, т. е. с марта 1917 г., начало либо просить местные органы новых властей начать решение животрепещущего вопроса, либо явочным порядком решать данный вопрос в своих интересах.

Для первых месяцев постреволюционной России на местах при разрешении аграрного вопроса основная напряженность по-прежнему проходила по отношениям между крестьянами и землевладельцами, к которым отнесем исконных антагонистов деревни – помещиков и монастыри. Однако со времен проведения Столыпинской аграрной реформы к врагам крестьян-общинников добавились хуторяне и арендаторы общинных земельных владений, которых крестьянство в основной массе также стремилось изгнать, а их

владения – поделить. Необходимо отметить, что весной 1917 г. данная борьба еще не принимала радикальных форм и проводилась в более-менее приемлемой для законодательных устоев империи формах. Также отметим, что новые власти пока имели популярность среди населения и могли рассматриваться в качестве силы, которая может привести аграрный вопрос к удовлетворению всех сторон конфликта. Мало того, специфика весны 1917 г. заключается еще и в том, что именно в этот период времени началось объединение крестьянства на местах для совместного отстаивания своих интересов, что происходило в рамках созыва губернских крестьянских съездов. В частности, в Пензенской губернии такие съезды будут проведены в середине апреля, а затем и в середине мая.

Антипомещичье направление борьбы крестьян Краснослободского уезда наметилось практически сразу же после падения старой власти, рассматривавшей помещиков в качестве главной опоры. Теперь же высшая защита исчезла, что дало возможность местному крестьянству начать наступление на помещиков в экономическом и политическом плане. Согласно имеющимся у нас архивным материалам, весной 1917 г. на территории Краснослободского уезда столкновения крестьян на экономической почве произошли с шестью помещиками: Н. Бакулиной, Львом Бакулиным, Марией Пляцентовой, А. Пономаревым, Г. Травинной и Рябиниными. Именно отношения между крестьянами окрестных населенных пунктов и именами данных землевладельцев стали наглядным примером способов решения аграрного вопроса в России весной 1917 г.

Первым по хронологии крестьянским нападкам подвергся Л. Бакулин, противостояние с которым у крестьян с. Булаево Урейской волости началось 10 марта. Заметим, что крестьяне оказались политически подкованными и использовали против помещика актуальные веяния послереволюционного момента – обвинили в политических преступлениях, связанных с престу-

плениями старого режима. От губернского комиссара Временного правительства потребовали арестовать Бакулина как «самого ярого крепостника и мучителя крестьян нашего села, десятками лет угнетавшего нас»¹. В целом помещика обвинили по четырём пунктам как экономического, так и политического характера:

1) в том, что он не желает продать крестьянам участок земли, по которому они осуществляют прогон скота, и из-за этого крестьяне вынуждены платить Бакулину многочисленные штрафы за потраву;

2) в том, что он продает свою землю кулакам из других сел, а не своим крестьянам;

3) в том, что он умышленно отравляет реку, сбрасывая в нее отходы от деятельности своего винокурного завода;

4) в том, что он как предводитель местного дворянства является ярым монархистом и реакционером, а также типичным членом Союза русского народа².

Кстати, в прошении комиссару упоминалось, что проблемы, связанные со сбросом в воду предметов деятельности винокурного завода, имели длительную историю и еще в 1906 г. вызвали беспорядки со стороны местных крестьян, которые за это подверглись даже тюремному заключению.

Однако милиционером Бочкаревым было быстро проведено расследование происхождения данного обращения и выяснено, что помещик, в общем-то, здесь ни при чем. Основное недовольство местных крестьян вызывал управляющий данным имением Соколов, который милиционером характеризовался как человек ленивый, нечестный и жестокий³.

Однако борьба между крестьянами и Л. Бакулиным продолжилась уже по чисто экономическим мотивам, в основе которых так и стояла проблема потравы крестьянами помещицкой земли. Недовольные

действиями местных властей крестьяне с. Булаево 23 марта собрали сельский сход и приняли приговор, в котором обратились к уездному комиссару за защитой. Крестьяне указывали, что помещик Бакулин продал землю, но не крестьянам с. Булаево, а кулакам соседней деревни Карлино. Это сохраняло для булаевского крестьянства проблему с потравой лугов при выгоне скота на пастбище, так как владения Бакулина располагались вокруг вышеупомянутого села. Попытка договориться с помещиком провалилась, и теперь крестьяне оказывались в безвыходной ситуации, которая объективно препятствовала свободному развитию крестьянского хозяйства. В конце текста приговора после подписей 30 домовладельцев с. Булаево сельский староста Василий Трофимов сообщал, что в настоящее время сделка по купле-продаже земли еще не завершена, а купчая на нее даже не оформлена⁴.

В те же самые дни обострились отношения между крестьянами того же самого села и помещицей Натальей Петровной Бакулиной. На имя краснослободского уездного комиссара 12 марта было отправлено заявление от доверенного лица помещицы (того же самого управляющего Соколова), в котором он сообщал, что крестьяне с. Булаево Иван Бунин и Антон Терешин агитируют однообщественников к насильственным действиям против экономии помещицы, в частности требуют удалить всех служащих, после чего разгромить экономию и присвоить себе имущество помещицы⁵. Комиссаром на заявление была наложена резолюция на имя милиционера Бочкарева с требованием выяснить положение на месте.

В дальнейшем столкновения между крестьянами с. Булаево и помещицей Бакулиной начались из-за границ земельных участков. В итоге крестьяне 9 апреля собрали сход, на котором приняли приговор, прося уездные власти прислать к ним своего

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 1.

представителя для разрешения земельного спора, так как, по словам крестьян, на все их предложения помещица отвечала категорическими отказами⁶.

Экономическими причинами были обусловлены и конфликты крестьян с помещиками Рябиниными, Пляцентовой и Травиной. Их роднит тот факт, что крестьяне требовали изменений во взаимоотношениях и, не дождавшись вынесения решений сверху или согласия помещиков, начинали явочным порядком менять характер существующих имущественных отношений.

В третьей декаде марта произошел конфликт между помещицей Г. Травиной и крестьянами сельца Агеево, обвиненными помещицей в незаконной порубке леса. В заявлении на имя уездного исполнительного комитета крестьяне наотрез отвергали выдвинутые против них обвинения, причем агеевцы прямо заявляли, что не будут заниматься переделом собственности (вырубкой леса) до соответствующего решения Всероссийского Учредительного собрания. При этом крестьяне потребовали, чтобы до того самого момента (вердикта Учредительного собрания) помещица не смела рубить собственный лес (который она, по слухам, хотела в ближайшее время начать рубить для продажи). Крестьяне прямо заявляли: если помещица попытается изменить сложившееся статус-кво, они вызовут нежелательные осложнения⁷. Соответственно, крестьяне весной 1917 г. верили, что Учредительное собрание примет решение о превращении собственности в общенародное достояние со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В апреле 1917 г. трагический оборот приняло дело, касающееся имения помещицы Марии Пляцентовой, причем к данному времени сама помещица вследствие разгрома окрестными крестьянами ее имения покинула д. Будаево и выехала в Москву.

Вокруг брошенного хозяйства разгорелась борьба между местными крестьянами и сыном помещицы Сергеем.

Крестьяне д. Будаево сводили конфликт к проблеме, связанной с соседством земельных участков, и соответственно, аренды земли и проблем с потравой помещичьих лугов. В приговоре, принятом крестьянами деревни, описывается их тяжелое экономическое положение: высокие арендные платежи по 25 руб. за юфту (десятина пара и десятина яровых посевов), а также непосильная для них сумма в 500 руб. ежегодного за прогон скота по землям помещицы. Ситуация также усугублялась тем фактом, что расположенные рядом с деревней земли бывшие землевладельцы Юрьев и Кондаков распродали крестьянам других населенных пунктов, что тоже привело к большим штрафам будаевских крестьян за прогон скота по чужой земле. От уездного исполнительного комитета крестьяне просили решить судьбу земли помещицы, оставшейся без присмотра и уже подвергшейся разгрому русиновскими крестьянами, которые вывезли весь хлеб и корм, а также скот и инвентарь. Взывая к патриотическим чувствам, будаевские крестьяне писали: «Когда вся Россия должна сплачиваться воедино и с удвоенностью работать на пользу Родины и армии, а потому не должен оставаться ни один клочок земли не засеянным, мы считаем необходимым временно взять землю под свое управление»⁸.

Письмо сына помещицы, Сергея Григорьева, прапорщика 100-го запасного полка, расквартированного в Сызрани, в исполнительный комитет от 10 апреля лишено идеологических мотивов. Наоборот, оно очень хорошо демонстрирует российскую действительность революционного периода. Слова Сергея Григорьева повторяют информацию будаевского приговора по текущему состоянию имения, которое разгромлено,

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 8–9.

лишено инвентаря и семян. Сын помещицы сообщал, что в прошлом году было засеяно под озимые 30 дес., а 10 дес. отданы под посевы крестьянам д. Будаево в испольщину, однако в наступившем 1917 г. убирать хлеб нечем. Поэтому Сергей Григорьев просил исполнительный комитет о двух вещах: выступить посредником в передаче местным крестьянам земли имения в аренду по 10 руб. за десятину для яровых посевов, а также организовать охрану озимых посевов до приезда матери Сергея Аркадьевича, которая сможет договориться с крестьянами по поводу уборки урожая⁹.

Ответ исполнительного комитета был достаточно оперативным. Было отмечено, что комитет должен войти в соглашение с будаевскими крестьянами по аренде земель Пляцентовой, однако предполагалось исходить из суммы аренды, предложенной хозяевами имения. Если крестьяне не согласятся на выдвигаемые условия, им можно будет предложить платить за землю исходя из твердых цен, установленных ранее властями, что, конечно, будет меньше, чем предложенные Пляцентовыми¹⁰.

Малоземельем был вызван конфликт между крестьянами д. Потякиши и помещиками Рябиниными. Но в этом случае речь шла о земле, которую крестьяне собирались использовать под пастбища для своего скота, а также под покос травы. Составленный приговор от 14 апреля в адрес уездного исполнительного комитета просил комитет стать посредником в данном конфликте и выступить инициатором установления суммы, которую крестьяне будут согласны платить помещикам за аренду земли и покос травы¹¹.

Проблемы малоземелья стали исходной точкой конфликта между крестьянами с. Ворона и Александро-Невским женским монастырем. Здесь также местными крестьянами в начале апреля был составлен

приговор на имя уездного исполнительного комитета, в котором они просили согласия на запашку земли монастыря, прилегающей к землям крестьянского общества, в размере 350 дес. по арендной цене в 3 руб. за десятину. Со своей стороны крестьяне обещали обрабатывать всю землю, которая, по распоряжению Временного правительства, должна быть обработана полностью¹².

Исполнительный комитет также отреагировал оперативно и постановил оставить монастырю 30 дес. земли, а остальную отдать в аренду вороновскому обществу. Однако настоятельница монастыря никак не отреагировала на предложения крестьян, после чего они сами приступили к разделу монастырской земли. До того как члены исполкома смогли вмешаться, крестьяне самовольно разделили 48 дес. монастырской земли и большую часть из них уже засеяли. Вороновским крестьянам было предложено остановить самоуправство, а также платить за арендованную десятину не 3, а 4, 6 или 10 руб. в зависимости от состояния земли. В ответ на это крестьяне с. Ворона вновь собрали сход и составили приговор на имя исполкома, в котором приняли все его требования и были готовы вновь вступить в переговоры с настоятельницей монастыря, однако вновь не получили ответа. Крестьяне со своей стороны обещали выплатить все требуемые исполкомом суммы за 48 уже распаханых десятин земли, а также платить установленную сумму за остальные монастырские земли, в том числе те, которые по распоряжению исполкома монастырь должен был оставить себе и обрабатывать своими силами. Крестьяне просили как можно скорее решить вопрос с землей, так как время посевной стремительно уходило¹³.

Тугой узел противоречий по аграрному вопросу затянулся в апреле 1917 г. в с. Рус-

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 10 об.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 6.

ское Маскино и д. Мордовское Маскино, который демонстрировал масштабность проблем с землей революционного периода. Крестьяне Русского Маскина, страдая от малоземелья (после отмены крепостного права получили от помещика лишь по 3 дес. земли), 6 апреля составили приговор, в котором, апеллируя еще к Генеральному межеванию Екатерины II и горюя по поводу непредусмотрительности местных стариков, требовали вернуть им незаконно захваченную еще в XIX в. заводовладельцем Манухиным крестьянскую землю. Теперь же они ставили вопрос расширения своего землепользования путем покупки земель у лиц, которым упомянутый Манухин продал землю: около 1 000 дес. у купчихи Головой и 114 дес. у Пономаревой. Также часть земли принадлежала крестьянам д. Мордовское Маскино, которые, как казенные крестьяне, имели наделы по 7 дес. Русско-маскинские крестьяне открыто заявляли, что при старом режиме бороться за землю было бесполезно, а «в настоящее время по случаю великого Государственного переворота имеем поднятие духа и окрыленные надеждой на программу социал-демократической партии, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает своими руками, и, тем более, нам эта земля к делу, как говорит пословица “дорога борозда к загону”»¹⁴.

В те же самые дни на имя уездного исправника пришло прошение от крестьян д. Мордовское Маскино, в котором они обосновывали свое право на получение части земель, принадлежавших купчихе Головой, в размере 414 душевых наделов, собственным малоземельем. Причем данное прошение было явно следствием действий крестьян из Русского Маскина, так как уездный комиссар был предупрежден о «шумных действиях» русско-маскинцев. Также русско-маскинцы обвинялись мордовско-маскинцами в том, что они не хотели дей-

ствовать при переделе земли «по закону», поэтому просили комиссара провести разбирательство по данному вопросу¹⁵.

Одновременно в той же местности протекал конфликт между крестьянами д. Потякши и помещиками Александром и Григорием Рябиниными. Крестьяне 10 апреля собрали сход и составили приговор, в котором просили помочь им в решении проблем с травой и водой. Потякшинцы сообщали, что местное сельское общество за неимением собственного водопоя было вынуждено платить за это помещикам Рябининым, которые, кроме того, траву с лугов, на которые претендовали потякшинцы, продавали посторонним. Теперь жители д. Потякши просили власти передать им спорные луга в аренду¹⁶.

Конечно, между русско-маскинским и потякшинским крестьянскими обществами произошел спор за земли, которые они приобретали у старых хозяев. Столкновение произошло прежде всего за земли купчихи Головой, 300 дес. пахотной и 100 дес. покосной земли, которой владели русско-маскинцы, а потякшинцы – 100 дес. пахотной и 12 дес. покосной. При этом обе стороны требовали решить земельный вопрос в свою пользу и не были настроены на достижение соглашений¹⁷.

В апреле 1917 г. темпы решения аграрного вопроса «снизу» ускорились. Во многом это было вызвано проведением 7–10 апреля в Пензе первого крестьянского съезда Пензенской губернии, усилившего консолидацию крестьянства и активизировавшего его борьбу за землю. Во время работы съезда большинство делегатов с мест высказались за немедленную передачу всех земель в распоряжение волостных исполнительных комитетов. В качестве временных мер съезд находил необходимым передать решение земельных отношений на местах в ведение исполнительных комитетов с воспрещением

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–16.

¹⁵ Там же. Л. 13–14.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 28–29.

владельцам рубить лес, продавать, закладывать и ухудшать качество земли. При этом, согласно постановлению съезда, была отменена арендная плата, а пастбища и луга поступали в распоряжение комитетов безвозмездно и помимо воли владельцев [9, с. 21].

Явным следствием прошедшего съезда стали циркуляры губернского комиссара уездным комиссарам. 25 апреля краснослободский уездный комиссар получил следующие указания: «Бюро исполнительного комитета в заседании своем от 17 апреля признало необходимым, чтобы все недооразумения, возникающие между землевладельцами и крестьянами прежде всего рассматривались на местах Уездными и Волостными комитетами, о чем сообщаем вам для сведения и надлежащего оповещения волостных и сельских Комитетов уезда»¹⁸. После съезда обострилась борьба за землю, причем не только между крестьянами и помещиками, но и между крестьянами-общинниками и арендаторами.

23 апреля 1917 г. в адрес уездного исполнительного комитета поступила жалоба, что крестьяне д. Русские Полянки препятствуют работе арендаторов, которые обрабатывают городскую землю¹⁹. А 25 апреля уездный комиссар пригласил выборных от с. Колопино, чтобы разобраться с захватами чужих земель²⁰.

Обсуждение и заключение

Таким образом, процесс решения аграрного вопроса «снизу», выразившийся в мечте российского крестьянства о «черном переделе», нашел свое проявление весной 1917 г. на территории Краснослободского уезда Пензенской губернии.

Главной проблемой местного крестьянства, как и в основном по России, было малоземелье. В начале XX в. значительное количество земли находилось в руках помещиков, которые либо посредством Дворянского поземельного банка распродавали ее крестьянам-единоличникам, либо просто

закладывали ее с перспективой дальнейшего выкупа. Своих наделных земель крестьянам было мало (по Краснослободскому уезду встречаются площади наделов в 7 и 3 дес. на душу), поэтому единственно возможным способом расширения землепользования был переход помещичьей земли в руки широких масс крестьянства.

Соответственно, именно земельные владения помещиков стали камнем преткновения в аграрном вопросе весны 1917 г. на территории Краснослободского уезда. Здесь можно провести несколько наблюдений. Во-первых, местные крестьяне в первые месяцы после падения монархии в России еще не разочаровались в новых властях, стремясь решать вопросы на местах авторитетом новых уездных или губернских властей (уездных комиссаров Временного правительства или исполкомов Советов); отсюда и преимущественно составление наказов или приговоров в адрес уездного руководства. Во-вторых, крестьяне активно использовали навешивание политических ярлыков на притеснителей-помещиков: «реакционер», «кровопийца», «типичный член Союза русского народа» и т. д. В-третьих, крестьяне в данный период использовали как законные способы решения аграрного вопроса (например, через написание приговоров), так и незаконные – разгром помещичьих имений и выживание помещиков из сел в города.

Не менее важной проблемой рассматриваемого периода стала проблема обеспечения крестьянского скота. Если крестьянские наделы позволяли сеять рожь или пшеницу, то луга находились вне крестьянских обществ. Поэтому требования о передаче или хотя бы аренде пастбищ и лугов крестьянскими обществами звучали постоянно. Неудивительно, что в апреле 1917 г. на первом крестьянском съезде Пензенской губернии было принято решение о передаче этих угодий исполкомам на местах.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 22.

²⁰ Там же. Л. 19–20.

Итак, весной 1917 г. в Краснослободском уезде Пензенской губернии проявлялись общероссийские тенденции в решении аграрного вопроса. Крестьянство выступило в качестве активного участника данного процесса, пытаясь решить аграрный вопрос в своих интересах. Используя революционные достижения, прежде всего декларируемое всеобщее равенство, крестьянство стремилось провести переделы земель, принадлежавших ранее частным владельцам, прежде всего помещикам и монастырям. Данная идея, в совокупности с требованиями Временного правительства об обязательном заведении всех обрабатываемых ранее земель, давала крестьянам мотив для требований предоставления им частных земель при обязательном оставлении частнику земли для самостоятельного использования.

Главной формой крестьянского участия в процессе решения аграрного вопроса стало написание приговоров сельских сходов, которые аргументировали крестьянские требования земельного передела. Адресатом приговоров становились органы новых властей, которые приглашались выступить арбитром в земельных спорах либо открыто признать правомочными требования крестьянских сходов.

К сожалению, новые власти занимали позицию стороннего наблюдателя, ограничиваясь лишь требованиями проведения проверок и предоставления им отчетов. Данная тенденция пускания дел на самотек в итоге привела к падению авторитета органов власти Временного правительства на местах, активизации в стране стихийного «черного передела» и, как следствие, приходу к власти большевиков и установлению советской власти в регионах.

Список источников

1. Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 296 с.
2. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: ист. очерк. М.: Мысль, 1975. 383 с.
3. Дубровский С. М. Крестьянство в 1917 году. М.; Л.: Гос. изд-во (М.: Тип. «Красный пролетарий»), 1927. 148 с.
4. История Мордовии: в 3 т. Т. 2. От эпохи великих реформ до великой российской революции / В. М. Арсентьев, Н. М. Арсентьев, С. Б. Бахмутов [и др.]; под ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 412 с.
5. Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. 644 с.
6. Котляров С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 24 с.
7. Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. (Март-октябрь 1917 г.): (По материалам великорус. губерний Европ. России). М.: Мысль, 1971. 278 с.
8. Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. 352 с.
9. Смирнов А. С. Крестьянские съезды Пензенской губернии в 1917 г. // История СССР. 1967. № 3. С. 17–31.
10. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М.: Мысль, 1967. Т. 1. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. 566 с.; Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. 622 с.
11. Шестаков А. В. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков: Пролетарий, 1925. 32 с.

References

1. Ginev V. N. The agrarian question and petty-bourgeois parties in Russia in 1917: On the history of the bankruptcy of neo-populism. Leningrad, 1977, 296 p. (In Russ.)
2. Gusev K. V. Socialist Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution: historical art. Moscow, 1975, 383 p. (In Russ.)
3. Dubrovsky S. M. Peasantry in 1917. Moscow, Leningrad, 1927, 148 p. (In Russ.)
4. History of Mordovia: in 3 vol. Vol. 2. From the era of great reforms to the great Russian revolution / V. M. Arsentiev, N. M. Arsentiev, S. B. Bakhmustov [et al.]; Ed. by N. M. Arsentiev, V. A. Yurchenkov. Saransk, 2005, 412 p. (In Russ.)

5. *Komin V. V.* Bankruptcy of bourgeois and petty-bourgeois parties during the period of preparation and victory of the Great October Socialist Revolution. Moscow, 1965, 644 p. (In Russ.)
6. *Kotlyarov S. B.* Stolypin agrarian reform in the Simbirsk province (1906–1917). Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Saransk, 2005, 24 p. (In Russ.)
7. *Kravchuk N. A.* Mass peasant movement in Russia on the eve of October. (March–October 1917): (Based on materials from the Great Russian provinces of European Russia). Moscow, 1971, 278 p. (In Russ.)
8. *Osipova T. V.* Class struggle in the countryside during the preparation and conduct of the Great October Socialist Revolution. Moscow, 1974, 352 p. (In Russ.)
9. *Smirnov A. S.* Peasant congresses of the Penza province in 1917. *Istoriya SSSR* = History of the USSR. 1967; 3: 17–31. (In Russ.)
10. *Trapeznikov S. P.* Leninism and the agrarian-peasant question: in 2 vol. Moscow, 1967. Vol. 1. The agrarian question and Lenin's agrarian programs in three Russian revolutions. 566 p.; Vol. 2. Historical experience of the CPSU in the implementation of Lenin's cooperative plan. 622 p. (In Russ.)
11. *Shestakov A. V.* Peasantry in the October Revolution. Kharkov, 1925, 32 p. (In Russ.)

Поступила 18.04.2023.

Сведения об авторе

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – политическая история России конца XIX – первой четверти XX в. Автор около 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Submitted 18.04.2023.

About the author

Sergey V. Kistanov – Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian history, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: political history of Russia in the late 19th – the first quarter of the 20th century. The author of about 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

УДК 94(47) + 332.66

Т. В. Шитова¹, С. В. Першин²¹ Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Хабаровск, Россия), e-mail: shitova.tv@mail.ru² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: Pers99@inbox.ru

Требоисправление в структуре доходов православного причта в конце XIX – начале XX в. (по материалам мордовского края)

Аннотация

Введение и методы. Одной из главных функций приходского духовенства в конце XIX – начале XX в. являлось совершение по просьбам прихожан церковных обрядов и таинств. Плата за требоисправление воспринималась определенной частью прихожан в качестве дополнительных поборов и служила причиной роста социальной напряженности. В статье предпринята попытка актуализации исследования данного источника финансирования священно- и церковнослужителей в контексте социально-экономического развития региона. В основу исследования положены общенаучные и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный и структурный).

Результаты и обсуждение. Основные сложности при проведении исследования связаны с тем, что по этическим соображениям в Русской православной церкви (РПЦ) не был введен тариф на требоисправление и епархиальное начальство не контролировало эту часть доходов причтов. В связи с этим полные и объективные данные о доходах клириков от требоисправления встречаются в документах духовных консисторий довольно редко. Клирики с прихожанами в частном порядке договаривались о ценах за требы. В приходах соседних уездов устанавливались приблизительно схожие цены за требы. По имеющимся сведениям, нередко установленные нормы носили рекомендательный характер.

Заключение. Анализ источниковой базы позволил выделить некоторые особенности церковной документации, связанные с желанием клира не показывать реальные размеры своих доходов. К их числу отнесены небрежное ведение и уничтожение тетрадей, куда записывались полученные за требы деньги, фиксация доходов причта непосредственно священнослужителями (либо их супругами), которым доставалась основная часть собранных с населения средств. В приходах с вакантными местами иереи опасались изъятия части денег в пользу епархиального попечительства.

Ключевые слова: духовенство, иерей, причт, прихожане, церковные обряды и таинства, требы, требоисправление.

Для цитирования: Шитова Т. В., Першин С. В. Требоисправление в структуре доходов православного причта в конце XIX – начале XX в. (по материалам мордовского края) // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 267–274. DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.267-274.

Tatiana V. Shitova¹, Sergey V. Pershin²

¹ Far Eastern Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia), e-mail: shitova.tv@mail.ru

² Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: Pers99@inbox.ru

Payment for Occasional Religious Rites in the Income Structure of the Orthodox Clergy in the Late 19th – Early 20th Century (Based on the Materials of the Mordovian Region)

Abstract

Introduction. One of the main functions of the parish clergy in the late 19th – early 20th century was to perform church rites and “sacraments” at the request of parishioners. The payment for the correction was perceived by a certain part of the parishioners as additional levies and served as a reason for the growth of social tension. The article attempts to update the study of this source of funding for the clergy and clergy in the context of socio-economic development of the region.

Materials and Methods. The research is based on general scientific and special historical methods (comparative historical, problem-chronological, systemic and structural).

Results. The main difficulties in conducting the study are related to the fact that, for ethical reasons, the ROC did not introduce a tariff for demand correction and the diocesan authorities did not control this part of the income of the clergy. In this regard, complete and objective data on the income of clerics from the demand for correction are found in the documents of spiritual consistories quite rarely. Clerics and parishioners privately negotiated prices for occasional religious rites. In the parishes of neighboring counties, approximately similar prices were set for occasional religious rites. According to available information, the established norms were often advisory in nature.

Discussion and Conclusion. The analysis of the source base allowed us to identify some features of the church documentation related to the desire of the clergy not to show the real size of their income. These include the careless maintenance and destruction of notebooks in which the money received for the occasional religious rites was recorded, the fixation of the income of the clergy directly by the clergy (or their spouses), who received the bulk of the funds collected from the population. In parishes with vacant places, the priests were afraid of withdrawing part of the money in favor of diocesan guardianship.

Keywords: clergy, priest, clergy, parishioners, church rites and sacraments, occasional religious rites.

For citation: Shitova T. V., Pershin S. V. Payment for Occasional Religious Rites in the Income Structure of the Orthodox Clergy in the Late 19th – Early 20th Century (Based on the Materials of the Mordovian Region). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 267–274. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.267-274.

Введение и методы

Со времен массовой христианизации одной из основных функций белого духовенства было совершение по просьбам прихожан церковных обрядов и таинств – крещения, венчания, погребения, помина и т. д. Деньги за требы брались клириками относительно небольшие¹, тем не менее частота событий, при которых задействовались священно- и церковнослужители, делала об-

щую сумму расходов на эти цели довольно ощутимой для сельчан. Как любой важный вопрос, финансирование духовенства вносилось на обсуждение церковного прихода и поземельной общины; авторитетные священники были более самостоятельны в назначении компенсации за свои труды.

Во второй половине XIX в. плата за требоисправление воспринималась некоторыми прихожанами в качестве дополнитель-

¹ Так, за некоторые обряды вносилось 10 коп. (См.: Пастыри о пастве: Ист.-стат. описание рус. сел Пензенской губернии приходскими священниками / сост., вступ. ст., археогр. предисл., коммент., именной и геогр. указ. Т. М. Гусевой. Саранск, 2018. С. 105).

ных поборов и служила причиной роста социальной напряженности. В связи с этим исследование вышеупомянутого аспекта жизнедеятельности духовенства в более широком общественно-политическом контексте представляется весьма значимым. Анализ отечественной историографии [1–6] также позволяет сделать вывод о перспективности определения региональных особенностей финансового обеспечения православных приходов. В рамках данной статьи предпринята попытка актуализации данной проблемы.

При написании статьи использовались общенаучные и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный и структурный).

Результаты и обсуждение

Основные сложности при определении размеров платы за требы и их доли в структуре доходов клира в первую очередь связаны с тем, что по этическим причинам РПЦ не был разработан тариф на «молитвенные труды». Как следствие, не фиксировались полученные средства, в итоге не контролировалась доходность причтов.

Некоторым образом прояснить источники финансирования провинциального духовенства позволяют историко-статистические описания церквей, опубликованные в разные годы в «Пензенских епархиальных ведомостях» (таблица).

Расспросив старожилов с. Сиалеевский Майдан (Инсарский уезд), А. М. Никольский выяснил, что в 1870-е гг. один из сиалеевских иереев обратился к общине с ходатайством о повышении платы за совершение некоторых наиболее трудоемких треб, на что получил «добро». С тех пор вплоть до 1900-х гг. «молитвенные труды» оплачивались следующим образом: венча-

ние – 6–8 руб. (с зажиточных сельчан – до 10 руб.); крестины – 20 коп.; погребение – 3 руб.; погребение младенца – 50 коп.; обедня заказная – 50 коп.; молебен в храмовый праздник – 10 коп.; молебен пасхальный – 25 коп.; сорокоуст² – 20–25 руб.³

Впрочем, судя по собранным священником А. М. Никольским сведениям, вышеописанные нормы носили рекомендательный характер и часто не выполнялись крестьянами в полном объеме. По большому счету, священно-церковнослужителям приходилось довольствоваться тем, что дадут⁴. Справедливости ради А. М. Никольский отмечал, что без уважительных причин причту в вознаграждении никто не отказывал⁵.

К 1909 г. в другом селении Инсарского уезда – Шувары – цены за требы выглядели следующим образом: венчание – 8 руб. (без дополнительных подношений продуктами); крестины – 20 коп.; соборование – 60 коп.; погребение взрослого (с помином в течение шести недель) – 6 руб.; молебен в храмовый праздник – 10 коп.; молебен пасхальный – 25 коп.; обедня заказная – от 50 коп. до 1 руб.; сорокоуст – 20 руб.; рождественская молитва – 10 коп.; освящение воды на Крещение – 10 коп.⁶

Предоставивший сведения о ценах на требы священник И. А. Дружинин особо обратил внимание на то, что сорокоуст в шуварском храме был большой редкостью: как правило, крестьяне заказывали дорогостоящий обряд в расположенном в 20 верстах от села Пайгармском монастыре⁷. Видимо, это было связано с представлением шуварцев о «намоленности» монастырских стен и с определенным пиететом, испытываемым крестьянами к морально-нравственным качествам черниц. Предположим, что взносы «на спасение души» ввиду бедности местного крестьянства и в монастыре случались нечасто.

² Ежедневное поминовение в течение 40 дней. – Т. III, С. П.

³ См.: Пастыри о пастве... С. 95.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. С. 105.

⁷ См.: Там же.

Схожие цены были зафиксированы в начале XX в. в соседнем Краснослободском уезде. А. А. Гроздов так описал порядок расчетов с пастырями в с. Селищи: «За крестины – 20 копеек, за похороны взрослого с выносом из дому и с заупокойной обедней – 3 рубля, за венчание – 6 рублей, за заказную обедню – 50 копеек и 1 рубль. За молебны на домах прихожан в храмовые праздники платят 15 копеек, на Пасху – 20 копеек, а за молебны в церкви, которые обыкновенно заказываются несколькими богомольцами, установленной платы нет: кладут на тарелку, кто сколько желает. За вселенскую панихиду платят 10 копеек. Сорокоусты служатся за 30 рублей, из которых 5 рублей идет в пользу церкви на свечи, ладан и вино, а 25 рублей в пользу причта. Сорокоусты заказываются нечасто, два-три в год. Обыкновенно же заказывают поминать умерших в течение 6 недель, когда случится служба, или по субботам. За шесть обеден по субботам берется в таких случаях 2 рубля, а за помин до 40-го дня за каждой службой – 5 рублей»⁸.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет сделать вывод, что в приходах соседних уездов устанавливались приблизительно схожие цены за требы. Более дифференцированно иереи подходили к оплате за отпевание взрослых, что, вероятно, было связано с влиянием на ценообразование субъективного фактора: отдельным, наиболее авторитетным священникам, как нам представляется, удавалось убедить сельчан в необходимости «проводить в мир иной» в соответствии со всеми канонами Церкви. В других жизненных ситуациях иереи часто не имели на паству столь сильного влияния.

Бросается в глаза существенная разница в оплате за погребение взрослых и детей. Видимо, на ценообразование в данном слу-

чае влиял высокий уровень младенческой смертности.

В архивных источниках и опубликованных материалах находим подтверждение предположения о зависимости доходов духовенства от характера отношений в приходе.

Из-за конфликта, произошедшего в 1909–1910 гг. в с. Тарханово Ардатовского уезда, обыватели отказывались содержать иерея Иоанно-Богословской церкви. В отчете благочинного сказано: «Продолжаются немирлолюбивые отношения к своему пастырю, по поводу удаления им от должности церковного старосты Макарова за неправильные действия по должности, за что прихожане и начали, по наущению уволенного Макарова, враждовать с священником – по жизни трезвым и по своим обязанностям весьма исполнительным, стараясь его выжить из прихода отказом в некоторых материальных сборах и платою за требы»⁹.

Другой пример, относящийся к середине XIX в., касается начальной стадии процесса налаживания взаимоотношений в приходе. Жители одного из мордовских селений Пензенской губернии свои представления о наиболее приемлемой для них форме оплаты труда церковников изложили при знакомстве с иереем. Данный случай подробно описывается в очерке, опубликованном в 1869 г. в церковной периодике.

Попросив молодого священника угодить в честь приезда спиртным, осмелевшие крестьяне заявили: «Ты, бачка, только спесив не будь, а уж мы-то тебя прокормим»¹⁰. В непринужденной беседе прихожане от описания натуральных сборов перешли к принятым ценам за требы: «За крестины дают 10 к. сер. за причащение тоже, а за свадьбу... коль не будешь, бачка, упрямя, у нас и золотыми дают»¹¹.

⁸ Пастыри о пастве... С. 180.

⁹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 134. Оп. 3. Д. 1178. Л. 80.

¹⁰ Т-ский А. Мое житье-бытье в селе К-с (из воспоминаний священника) // Пензенские епархиальные ведомости. 1869. № 24, ч. неофиц. С. 772.

¹¹ Т-ский А. Указ. соч. С. 773.

Таблица
Стоимость требоисправления в начале XX в., руб.*
Table
The Cost of the Correction at the Beginning of the XX century, rub.

Треба / Occasional Religious Rites	с. Сиалеевский Майдан Инсарского уезда в 1902 г. / The village of Sialeevsky Maidan of Insarsky uyezd in 1902	Село Во-еводское Саранского уезда в 1904 г. / Voivodskoye village of Saransk county in 1904	Село Шувары Инсарско-го уезда в 1909 г. / The village of Shuvary of Insarsky uyezd in 1909	Село Селищи Краснослобод-ского уезда в 1909 г. / Selishchi village of Krasnoslobodsky uyezd in 1909	Село Голуб-цовка Саран-ского уезда в 1915 г. / Golubtsovka village of Saransk district in 1915
Молебен в хра-мовый празд-ник / Prayer service on a temple holiday	0,10	0,5–0,10	0,10	0,15	0,5–0,10
Молебен пас-хальный / Easter prayer service	0,25	0,25	0,25	0,20	0,15–0,2
Обедня заказ-ная / Custom-made mass	0,50	1,0	0,5 и 1,0	0,5 и 1,0	–
Сорокоуст / Sorokoust	20–25	–	20	25	–
Венчание / Wedding	6–10	6–8	8	6	5–7
Крестины / Christening	0,20	0,25	0,20	0,20	0,2
Соборование / Unction	–	–	0,6	–	–
Погребение взрослого / Burial of an adult	3,0	2–3	6	3	3–5
Погребение младенца / Burial of the baby	0,5	0,40–1,0	–	–	0,40–0,75

* Составлена по: Пастыри о пастве... С. 95, 105, 180, 293, 356.

Обратим внимание, что, во-первых, цена за требоисправление представлялась мордовскими крестьянами высокой; во-вторых, тон, с которым общественники излагали свое отношение к трудам иерея, в некоторых случаях был даже покровительственным¹².

По воспоминаниям священника, службу он был вынужден начать с назидания какому-то мелкому чиновнику «...не притеснять крестьян вымогательствами за требы»¹³. «Попы, – заявил писец, – с живого и мертвого дерут, но если дойдет жалоба до Окружного Управления, то не пеняйте»¹⁴.

¹² См.: Т-ский А. Указ. соч. С. 773.

¹³ Т-ский А. Указ. соч. С. 773.

¹⁴ Т-ский А. Указ. соч. С. 773.

По сложившейся традиции плата за заказанные прихожанами обряды и молитвы поступала в индивидуальный доход клириков. Священники стремились не разглашать объем полученных таким образом дополнительных средств, так как опасались, что обнародование суммы сборов может негативно сказаться на размерах других поступлений в пользу причта – т. е. они будут сокращены казной или общиной.

Например, в начале XX в. благочинные, обращавшие внимание на занижение отдельными причтами размеров платы за требоисправление, в качестве причины искажения финансовой отчетности выделяли нехватку средств: в приходах с вакантными местами иереи боялись изъятия части денег в пользу епархиального попечительства¹⁵.

В источниках обнаружены прямые и косвенные свидетельства умышленного сокрытия доходов церковниками.

Ознакомившись с бумагами церкви с. Селищи Краснослободского уезда, иерей А. А. Гроздов нашел в них свидетельства небрежного ведения документации: «Указать точную цифру получаемого содержания на долю священника, диакона и причетника нет возможности, так как братских тетрадей не сохранилось, да и велись ли они, подлежит сомнению»¹⁶.

Осмотрев архив шуварского храма (Инсарский уезд), И. А. Дружинин резюмировал: «Точную цифру получаемого содержания на долю священника, дьякона и причетника указать нет возможности, так как братских тетрадей не сохранилось, да и велись ли они, подлежит сомнению. Обыкновенно братские доходы денежные отдавались на хранение матушке, которая и выдавала каждому члену причта его долю. Конечно, потом это уничтожилось»¹⁷.

Обработав документацию церкви с. Силеевский Майдан Инсарского уезда, А. М. Никольский обратил внимание на ошибки и неточности приходно-расходных книг 1842–1870 гг. Впрочем, умысла в этом священник не увидел: «Заметно, что духовенство того времени не усвоило себе точно формы их и тем тяготилось. На это указывают почти ежегодные замечания благочинных в тех же книгах»¹⁸.

Почти во всех приходах VI благочиннического округа Ардатовского уезда в 1910 г. церковным делопроизводством занимались псаломщики и священники. Как отметил благочинный Михаил Алмазов в отчете, «священники разделяли с ними труд по письмоводству, а ведение приходорасходных книг... приняли исключительно на себя»¹⁹.

На наш взгляд, свидетельством определенной автономии причтов являлось принятие как должного епархиальным начальством клировых ведомостей, не содержащих даже упоминания о деньгах, получаемых за требоисправление. В подтверждение можно привести клировую Ардатовского уезда за 1915 г.²⁰

Следует обратить внимание, что в соответствии с канонами Церкви священники и церковнослужители как в храме, так и за его пределами могли выполнять сугубо определенные функции. Члены причта могли претендовать на некоторую часть средств, полученных за требоисправление.

Иереям полагались деньги, пожертвованные за молитвы, произнесенные по ходу основных обрядов (венчание, крещение, соборование и т. д.), а также деньги, внесенные прихожанами на исповеди и при подготовке к причастию. Причетники забирали средства, полученные за чтение правил при

¹⁵ ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1127. Л. 6 об.–7.

¹⁶ Пастыри о пастве... С. 95, 104, 117.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1178. Л. 61.

²⁰ ГАУО. Ф. 134. Оп. 2. Д. 251. Л. 1–958.

подготовке к причащению в частных домах, а также за чтение псалтыря над умершими. Доходы от воспроизведения священных текстов при подготовке к причастию поступали в общую «братскую» кружку. Подаяния за чтение имен при проскомидии²¹ делились пополам между священником и дьяконом²².

В «Книге записи братского дохода Смоленской церкви г. Краснослободска» за декабрь 1908 г. зафиксировано 180 руб. 39 коп., которые следовало разделить между священником и дьяконом. Из них первому полагалось 135 руб. 29 коп., второму – 45 руб. 10 коп. Особой строкой в доходах клира было отмечено «славление по деревням» (4 руб. 48 коп.), поступавшее в индивидуальный доход священника²³.

Заключение

В пореформенное время модернизационные процессы затронули мордовскую

глубинку, проявлением чего являлась постепенная замена натуральных форм поддержки причетников денежными сборами. Плата за требы стала пусть не основным, но одним из довольно стабильных источников средств существования священнослужителей.

Ввиду особенностей бытового уклада приходского духовенства определение размеров платы за требы и, главное, роли данной статьи в совокупном доходе представляется непростой задачей. Отдельные причетники пытались скрыть реальные размеры сдельных доходов, с чем, на наш взгляд, было связано: 1) небрежное ведение церковной документации; 2) умышленное уничтожение «братских тетрадей», в которых фиксировались все полученные клиром деньги; 3) выполнение функции фиксации доходов самыми высокооплачиваемыми клириками или их супругами.

Список источников

1. Ардатовская епархия: от прошлого к настоящему / О. И. Марискин, С. В. Першин, В. Б. Махаев, Т. А. Першина, Т. В. Шитова [и др.]. Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2021. 408 с. С. 80–109.
2. Белявский Ф. Об обеспечении духовенства. Петроград: Изд. сов. при Святейш. синоде, 1917. 20 с.
3. Всеволодов А. В. Православное приходское духовенство в 1840-е – 1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание: на материалах Вологодской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2014. 22 с.
4. Григорович Н. И. Обзор общих законоположений о содержании православного приходского духовенства в России со времени введения штатов по Духовному ведомству (1764–1863). СПб.: Синодальная тип., 1867. 33 с.
5. Першин С. В., Шитова Т. В. К вопросу о доходности земельных участков православных причтов в начале XX в. (по материалам мордовского края) // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 1. С. 49–57.
6. Савватеева Н. В. Экономическое положение сельского духовенства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 136–140.

References

1. Ardatov Diocese: from the past to the present / O. I. Mariskin, S. V. Pershin, V. B. Makhaev, T. A. Pershina, T. V. Shitova, etc. Saransk, 2021, 408 p. (In Russ.)
2. Belyavsky F. On the provision of clergy. Petrograd, 1917, 20 p. (In Russ.)
3. Vsevolodov A. V. Orthodox parish clergy in the 1840s – 1880s: material support, corporate organization, self-consciousness: based on the materials of the Vologda Diocese: Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Arkhangelsk, 2014, 22 p. (In Russ.)
4. Grigorovich N. I. Overview of general legal provisions on the maintenance of Orthodox parish

²¹ Поминовение о живых и усопших. – Т. III., С. II.

²² ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–8 об.

²³ ЦГА РМ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13. Л. 19 об.

clergy in Russia since the introduction of the states of the Clergy Department (1764–1863). St. Petersburg, 1867, 33 p. (In Russ.)

5. Pershin S. V., Shitova T. V. On the question of the profitability of land plots of Orthodox clergy at the beginning XX century (based on the materials of the Mordovian region). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2021; 1(52): 49–57. (In Russ.)
6. Savvoteeva N. V. The economic situation of the rural clergy at the beginning of the XX century. *Voprosy istorii* = Issues of History. 2008; 11: 136–140. (In Russ.)

Поступила 10.06.2023.

Сведения об авторах

Шитова Татьяна Васильевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Хабаровск, Россия). Сфера научных интересов – социальная история России второй половины XIX – начала XX в. Автор более 10 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2360-9893>.

E-mail: shitova.tv@mail.ru

Першин Сергей Викторович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Автор более 120 научных и учебно-методических работ, в том числе по экономической истории Среднего Поволжья XIX–XX вв. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>.

E-mail: Pers99@inbox.ru

Submitted 10.06.2023.

About the authors

Tatiana V. Shitova – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia). Research interests: the social history of Russia in the second half of the 19th – early 20th century. The author of more than 10 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2360-9893>.

E-mail: shitova.tv@mail.ru

Sergey V. Pershin – Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, Department of History of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Author of over 100 scientific and educational-methodical works, including in the economic history of the Middle Volga region of the 19th – 20th centuries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>.

E-mail: Pers99@inbox.ru

УДК 94:666.1/.28(470.51)

М. А. Королев¹, И. В. Рубанова²^{1,2} Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко (Глазов, Россия)¹ e-mail: maximilian49@rambler.ru² e-mail: ivladu@mail.ru

Финансовые аспекты развития образования в регионе в период первой пятилетки (на примере Вотской автономной области)

Аннотация

Введение. Предметом исследования является вопрос финансирования образования в годы первой пятилетки. Практические нужды Вотской автономной области предопределили особенности финансирования и комплексный подход к решению задач ликвидации неграмотности, осуществления дошкольного, начального, семилетнего и профессионального образования, а также содержания и строительства учебных заведений.

Материалы и методы. Источниковой основой исследования являются неопубликованные документы, выявленные в фондах регионального и городского архивов. В представленной статье использована совокупность общенаучных и специальных исторических методов.

Результаты исследования. В ходе реализации первой пятилетки на развитие начального образования были направлены средства местного бюджета, который также практически обеспечивал содержание и строительство образовательных учреждений, снабжение учебных и хозяйственных нужд, выплату заработной платы. Расходы на повышенное образование и учреждения по ликвидации неграмотности в основном планировались за счет государственного бюджета.

Обсуждение и заключение. Нехватка образовательных учреждений создавала сложности при решении задач повышения культурного уровня населения, подготовки промышленных кадров. Дефицит финансов местного бюджета решался за счет государственного финансирования, прежде всего в области профессионального образования, что позволило более эффективно решать вопросы строительства и содержания образовательных учреждений.

Ключевые слова: первая пятилетка, Вотская автономная область, образование, бюджет.

Для цитирования: Королев М. А., Рубанова И. В. Финансовые аспекты развития образования в регионе в период первой пятилетки (на примере Вотской автономной области) // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 275–282. DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.275-282.

Maxim A. Korolev¹, Irina V. Rubanova²

^{1,2} Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko (Glazov, Russia)

¹ e-mail: maximlian49@rambler.ru

² e-mail: ivladu@mail.ru

Financial Aspects of Education Development in the Region During the First Five-Year Plan (on the Example of the Votsk Autonomous Region)

Abstract

Introduction. The subject of the study is the issue of financing education during the first five-year plan. The practical needs of the Votsk Autonomous Region predetermined the specifics of financing and an integrated approach to solving the problems of literacy elimination, implementation of preschool, primary, seven-year and vocational education, as well as the maintenance and building of educational institutions.

Materials and Methods. The research is based on unpublished documents from the funds of the regional and city archives. The article used a combination of general scientific and special historical methods.

Results. During the implementation of the first five-year plan, funds from the local budget were allocated for the development of primary education, which also practically provided for the maintenance and construction of educational institutions, the supply of educational and economic needs, and the payment of wages. Expenses for advanced education and institutions for the elimination of illiteracy were mainly planned at the expense of the state budget.

Discussion and Conclusion. The shortage of educational institutions created difficulties in solving the tasks of raising the cultural level of the population, training industrial personnel. The financial deficit of the local budget was covered by state budget, primarily in the field of vocational education, which made it possible to more effectively solve the issues of construction and maintenance of educational institutions.

Keywords: first five-year plan, Votsk Autonomous Region, education, budget.

For citation: Korolev M. A., Rubanova I. V. Financial Aspects of Education Development in the Region During the First Five-Year Plan (on the Example of the Votsk Autonomous Region). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(3): 275–282. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.275-282.

Введение

Вопросы развития образования для государства традиционно являются важнейшими с точки зрения духовного и культурного развития общества. Процесс реформирования идет постоянно, меняются структура образования, образовательные стандарты, финансирование. Важнейшей вехой в российском образовании стали события начала XX в. Строительство нового государства повлекло за собой и кардинальные изменения в образовательной среде. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии поставил культурное развитие на повестку дня в рамках составления первого пятилетнего плана. Ставилась цель: поднять обра-

зовательный и культурный уровень населения страны, существенно увеличить число школ, позволяющих решать проблему неграмотности¹. Тот факт, что советское образование было признано лучшим в мире, по-прежнему вызывает интерес, как именно молодое государство смогло создать новую систему образования, какие средства были на это направлены. Изучение исторического опыта, не только союзного, но и регионального, позволяет найти ответы на поставленные вопросы.

Региональная историография практически не касается вопросов образования в годы первой пятилетки (1928/29 – 1932/33 гг.). В исследованиях советского периода, в частно-

¹ См.: XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): стеногр. отчет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 760–814.

сти в труде «Моя республика»², образование рассматривается через историю учительских кадров. Отмечаются сложности в их подготовке, нехватка учебных заведений. В работах более позднего периода означенный вопрос получил большее внимание. В книге А. И. Суханова «Рабочий класс Удмуртии (1917–1970): формирование и развитие промышленных рабочих» [4] отмечаются два аспекта в области образования: ликвидация неграмотности и подготовка квалифицированных кадров для строящейся промышленности. Задачи эти решались прежде всего путем расширения школ фабрично-заводского ученичества. В очерке «Рабочий класс Удмуртии, 1861–1986» [3] уже встречается упоминание о школьном образовании, указаны количество работающих школ, численность учащихся. Авторы поднимают вопрос среднего и высшего технического образования, а именно дефицит учебных заведений. Инженерно-технические кадры для региона приходилось готовить в различных городах страны. В итоге потребность в кадрах стала важным обстоятельством в принятии мер по расширению подготовки работников на месте, началось открытие отраслевых промышленных техникумов в городах области, что неизбежно требовало увеличения финансирования. Аналогичные вопросы поднимаются в статьях, вошедших в сборник «Политика и экономика Удмуртии советского периода» [2].

Работ постсоветского периода, рассматривающих систему образования в Удмуртии, практически нет. В труде «История Удмуртии. XX век» [1, с. 210–215] об образовании говорится очень кратко. Указывается, что в период первой пятилетки шло увеличение финансирования данной сферы, проводились мероприятия по ликвидации неграмотности, вводилось всеобщее начальное обучение, раосло число средних профессиональных и высших учебных заведений.

Следует отметить, задачи по расширению доступности образования, поставленные на союзном уровне, выполнялись. Однако сложно сказать, какие материальные и финансовые средства на это выделялись, и, следовательно, сложно судить об успехе намечавшихся мероприятий.

Материалы и методы

Источниковой основой статьи стали архивные материалы, выявленные в фонде Удмуртской областной плановой комиссии, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). Документы по финансированию системы образования (заработная плата, содержание детских садов, школ)³. Статистические данные регионального уровня дополняются документами фонда исполнительного комитета Глазовского городского совета. Означенный комплекс материалов позволяет сформировать картину реальных мероприятий в области образования, определявшихся центральной властью и подкрепленных региональными практическими нуждами⁴.

Рассмотрение образовательного пространства, получившего развитие в рамках первого пятилетнего плана, позволяет показать комплексность реформационных процессов в условиях становления нового государства. Необходимость перестроения народного хозяйства от аграрного к индустриальному требовала преобразований не только в экономике, но и в социальной сфере. Традиционные методы исследования – анализ и историко-описательный, примененные к исследуемому вопросу, позволяют представить образование на уровне региона более комплексно.

Результаты

В период первой пятилетки образование входило в состав второй расходной статьи «Культура». Сюда же были отнесены народное здравоохранение, социальное обе-

² См.: Моя республика. Ижевск: Удмуртия, 1967. 188 с.

³ ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. 724. Плановая комиссия при исполнительном комитете Удмуртского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – облплан, г. Ижевск Удмуртской АССР.

⁴ Архивное управление Администрации Муниципального образования «Город Глазов». Ф. 31. Исполком Глазовского горсовета.

спечение и охрана труда. В рамках народного образования были затронуты четыре уровня: дошкольное, начальное (школы первой ступени), школы повышенного образования (семилетние школы, школы второй ступени, школы красной молодежи) и профессиональное. Выделение средств шло по нескольким направлениям: содержание и строительство образовательных учреждений, обеспечение учебных и хозяйственных нужд, выплата заработной платы. Большинство из них финансировались из средств местного бюджета.

Начальное образование стало тем уровнем, на который были направлены основные средства. Наибольший рост пришелся на 1928/29 г. Обусловлен он был, с одной стороны, «настойчивыми» потребностями в течение ряда лет в удовлетворении населения в образовании. С другой – наличием целого ряда директив центральных органов по развитию всеобщего обучения. Посредством увеличения норм расходов на учебные и хозяйственные нужды намечалось улучшение обеспечения работоспособности данных учреждений.

Таблица 1
Нормы расходов на учебные и хозяйственные нужды по начальному образованию на одного учащегося, руб.⁵
Table 1
Norms of expenses for educational and economic needs for primary education per student, in rubles

Год / Year	Учебные нужды / Educational needs	Хозяйствен- ные нужды / Economic needs
1927/28	2,0	2,7
1928/29	3,0	3,0
1929/30	3,0	3,0
1930/31	3,5	4,0
1931/32	3,5	4,0

Областная плановая комиссия отдельно обратила внимание на бедняцкие группы населения, которые также было необходимо охватить начальным образованием. Для обеспечения их пособиями в среднем на комплект (класс) выделялись следующие суммы: в 1928/29 г. – 10 руб.; в 1929/30 – 10; 1930/31 – 20; 1931/32 г. – 20 руб.

Существенные изменения происходили в заработной плате учителей. Ежегодный рост оплаты труда проектировался в следующих размерах: в 1928/29 г. на 6 руб. – до 50 руб.; в 1929/30 на 5 руб. – до 55 руб.; в 1930/31 на 5 руб. – до 60 руб.; в 1931/32 г. на 5 руб. – до 65 руб.⁶ Помимо того что эти мероприятия Областная плановая комиссия сохраняла динамику повышения заработной плат в предыдущие четыре года, росло и материальное благосостояние в целом. Отдельно учитывалась квартирная надбавка, которая ежегодно включалась в оплату труда: к ставке учителя, не обеспеченного квартирой, до 10 %; к общему фонду заработной платы – 5 %.

С 1928/29 г. планировалось повышение платы за заведование школами с 2 до 3 руб. за комплект (класс). Предусматривалась и прибавка за выслугу лет, включавшаяся в размере процентов к общему фонду заработной платы: 1928/29 г. – 2,0 %; 1929/30 – 3,0; 1930/31 – 6,5; 1931/32 г. – 7,0 %. Ставки оплаты технического персонала доводились к концу пятилетки: в городах до 30 руб., в сельской местности – до 20 руб. В среднем по годам они составляли: 1928/29 г. – 20 руб.; 1929/30 – 20; 1930/31 – 25; 1931/32 г. – 25 руб. На заседаниях пленума Глазовского городского совета отмечалось, что рост заработных плат учителей проводился исправно, тогда как оплата труда сторожей не изменялась⁷.

Основные средства, выделявшиеся на начальное образование, направлялись на новое строительство. За период с 1928/29

⁵ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

⁶ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2118. Л. 94–94 об.

⁷ Архивное управление Администрации Муниципального образования «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 114–115.

по 1931/32 г. планировалось построить 496 школ. Средства на строительство предусматривались в следующих суммах: в 1928/29 г. – 255,4 тыс. руб.; в 1929/30 – 384,8; в 1930/31 – 584,0; в 1931/32 г. – 605,4 тыс. руб. Расчет расходов на одну школу составлял: двухкомплектную – 16,5 тыс. руб.; трехкомплектную – 21,9; четырехкомплектную – 27,3; десятикомплектную – 150 тыс. руб. Однако такие большие объемы средств на новое строительство не позволили охватить образованием всех детей школьного возраста. В период второй пятилетки центральные органы власти рекомендовали на местах учитывать обучение в две смены.

Расходы на повышенное образование планировались в меньших размерах. Расширение сети школ не предусматривалось, намечалось только увеличение групп в уже существовавших: по семилетним школам – 8 групп, по школам второй ступени – 8, по школам красной молодежи – 9 групп. Оплата труда сотрудников школ повышалась. В отношении педагогических работников: в 1928/29 г. – 80 руб.; в 1929/30 – 90; в 1930/31 – 100; в 1931/32 г. – 110 руб. Для технических работников определялись свои показатели: в семилетних школах запланирован рост наравне со школами первой ступени; в школах красной молодежи – с 13 до 21 руб.; в школах второй ступени – с 12 руб. 80 коп. до 20 руб. По всем трем школам увеличивались и учебные расходы⁸.

На строительство школ повышенного образования выделялось сравнительно немного денег. На школы семилетки общая сумма составила 415,5 тыс. руб. В 1928/29 г. ассигнования вообще не планировались, а в последний год было намечено их сокращение по сравнению с предыдущим. На школы красной молодежи выделялась ежегодно одна и та же сумма – 27,3 тыс. руб. начиная с 1929/30 г., т. е. в последние три года пятилетки.

Развитие дошкольных учреждений шло в основном в сельской местности по

линии детских площадок. Ставки заработной платы планировались наравне со школами первой ступени. По детской колонии и детскому приемнику рост оплаты оказывался несколько выше: по первой – 75 руб. в 1928/29 г. и 95 руб. в 1932/33 г.; по второму – 62,5 и 82,5 руб. соответственно. Ассигнования на строительство по этим учреждениям выражались в следующих цифрах: 1929/30 г. – 100 тыс. руб.; 1930/31 – 50; 1931/32 г. – 48 тыс. руб.

По профессиональному образованию планировалось открытие новых учреждений: с 1928/29 г. – театральные курсы, с 1929/30 г. – фармацевтический техникум, промышленно-экономический техникум, Глазовская индустриальная профессионально-техническая школа. Также намечалось и частичное расширение уже имевшихся учреждений за счет увеличения учебных групп, педагогического штата и т. д. Ставки заработной платы по учреждениям профессионального образования проектировались в сопоставимых суммах со школами повышенного типа. На строительство новых учреждений намечались следующие суммы: в 1928/29 г. – 19,2 тыс. руб.; в 1929/30 – 20,1; в 1930/31 – 21,0; в 1931/32 г. – 21,0 тыс. руб.

Таким образом, за первую пятилетку на образование из местного бюджета выделялось более 25 млн руб. Из них более 11 % шло на строительство новых зданий. Основная же сумма средств направлялась на содержание, а именно на обеспечение имуществом образовательных учреждений различного уровня, выплату заработной платы.

Финансирование образования на уровне региона осуществлялось также из государственного бюджета. На его содержании находилось прежде всего профессиональное образование: два педагогических техникума, землеустроительный и медицинский техникумы. Вместе с тем запланированное в пятилетнем плане развитие профессионального технического образования, например открытие фармацевтического и про-

⁸ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 201. Л. 13–13 об.

мышленно-экономического техникумов, также всецело опиралось на государственные средства. Запроектированные суммы распределялись по шести направлениям: заработная плата персонала, стипендиальное обеспечение учащихся, хозяйственные и учебные расходы, строительство и прочие расходы. Основные средства направлялись на оплату труда и строительство. Если в 1927/28 г. на долю двух статей приходилось 56,6 %, то в 1931/32 г. – 70,0 %. Наибольшие же расходы пришлось на 1929/30 г. и составили 92,2 %. Расходные статьи подтверждают, что запланированные мероприятия исполнялись. Именно на 1928/29 и 1929/30 гг. приходится основной рост расходов, обусловленный строительными работами.

Кроме техникумов, на средства государственного бюджета с 1928/29 г. в Ижевске проектировалось открытие профессионально-технической школы для слепых с отделениями: слесарным, трикотажным, щеточным и пимокатным (производство валяной обуви). В каждом отделении должно

было обучаться до 20 чел. На содержание школы за пятилетку планировалось выделить 307,1 тыс. руб. Половина всей суммы шла на оплату труда, которая исчислялась по местным нормам профессионального образования. Второй статьей по объемам выделяемых средств являлась стипендия (66,6 тыс. руб.), по 15 руб. на одного учащегося. На строительные работы средства не планировались. В целом учебные расходы на одного учащегося составляли 15 руб., хозяйственные – 20 руб.⁹

Из табл. 2 видно, что на профессиональное образование из государственного бюджета выделялись внушительные суммы.

В табл. 3 отражено распределение средств по отдельным статьям.

Стоит отметить, что суммы денежных средств, распределенных по статьям, отличаются от общих расходов на профессиональное образование на 1–6 тыс. руб. Причины расхождений выявить не удалось.

По самой большой статье – новому строительству – предусматривались рас-

Таблица 2
Общий свод расходов по профессиональному образованию, тыс. руб.¹⁰
Table 2
General summary of professional education expenses, in thousands of rubles

Название учреждения / Name of institution	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Педтехникумы / Pedagogical Technical College	8,7	448,1	503,1	228	211,1
Сельскохозяйственный техни- кум / Agricultural College	29,3	238,1	101,8	118,4	70,3
Медицинский и фармацевти- ческий техникум / Medical and Pharmaceutical Colleges	25,3	221,0	392,9	227,0	89,0
Промышленно-экономиче- ский техникум / Industrial and Economic College	–	–	377,4	445,4	179,5
Профшкола слепых / Professional School for the Blind	–	40,4	67,3	83,7	115,7
Итого / Total	63,3	947,6	1 442,5	1 102,5	665,6

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 201. Л. 25–26 об.

¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 201. Л. 25–27.

Таблица 3

**Общий свод расходов по профессиональному образованию
по отдельным статьям, тыс. руб.¹¹**

Table 3

General summary of expenses for vocational education for individual items, thousand rubles

Расходы / Expenses	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Заработная плата / Wage	72,5	117,5	172,6	216,6	265,1
Учебные расходы / Educational expenses	9,2	13,9	20,3	26,6	30,9
Хозяйственные расходы / Economic expenses	7,1	10,8	16,3	22,3	27,1
Стипендия / Scholarship	34,6	48,1	69,6	87,9	108,8
Оборудование мастерских / Workshop equipment	—	3,5	3,5	2,0	2,0
Материалы / Materials	—	—	—	0,8	0,8
Строительство / Engineering	7,8	730,4	1 126,6	707,4	182,1
Прочие расходы / Other expenses	10,4	16,9	27,1	38,0	47,7
Итого / Total	141,6	941,1	1 436,0	1 101,6	664,5

ходы на возведение следующих зданий:

1) для Ижевского педагогического техникума – 3 основных здания и 3 подсобных (к сожалению, определить назначение данных зданий не удалось); 2) для землеустроительного техникума – 2 здания; 3) для промышленно-экономического техникума – то же, что и для педагогического; 4) для медицинского техникума – 2 здания; 5) для фармацевтического техникума – 2 здания. За основу при исчислении расходов на строительство были взяты сметы соответствующих учреждений, представленные ими в Наркомате просвещения. Стоимость 1 куб. м намеченных каменных зданий составляла 25 руб., а деревянных – 16 руб. Помимо строительства, расходы увеличивались на заработную плату и стипендии.

Отдельно стоит отметить, что на содержании государственного бюджета находились и учреждения по ликвидации неграмотности: 15 инструктивных пунктов и 3 школы малограмотных. Ежегодные расходы на содержание этих учреждений составляли около 20 тыс. руб.

Обсуждение

Образование в годы первой пятилетки стало значительной расходной статьей в бюджете региона и государства в целом. Нехватка образовательных учреждений на всех уровнях создавала сложности с ликвидацией неграмотности, повышением культурного уровня населения. Для решения проблемы подготовки кадров для развивающейся промышленности требовалось в первую очередь увеличить количество учебных заведений. В свою очередь разделение финансирования на местное и союзное способствовало преодолению дефицита финансов на уровне местных бюджетов и позволяло более эффективно решать вопросы строительства и содержания образовательных учреждений.

Заключение

Образование всегда является стратегической частью политики государства. Стабильная работа всех уровней образования начиная с дошкольного способствует эффективному развитию экономики. Вотская автономная область как регион с

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 201. Л. 27.

развивающейся промышленной базой испытывала потребность в развитии образовательной системы. Комплексный подход, принятый Советским государством в отно-

шении народного хозяйства, позволил снизить проблему неграмотности, подготовить кадры для новых предприятий и предприятий, подвергшихся реконструкции.

Список источников

1. История Удмуртии. XX век / под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 543 с.
2. Политика и экономика Удмуртии советского периода: сб. ст. / отв. ред.: С. Л. Бехтерев, О. И. Васильева. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. 150 с.
3. Рабочий класс Удмуртии, 1861–1986: науч.-популяр. ист. очерк / сост. А. И. Суханов. Ижевск: Удмуртия, 1987. 308 с.
4. Суханов А. И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970): формирование и развитие промышленных рабочих. Ижевск: Удмуртия, 1979. 179 с.

References

1. History of Udmurtia. XX century / Ed. by K. I. Kulikov. Izhevsk, 2005, 543 p. (In Russ.)
2. Politics and economics of Udmurtia of the Soviet period: coll. of art. / Ed. S. L. Bekhterev, O. I. Vasilyeva. Izhevsk, 1995. (In Russ.)
3. Working Class of Udmurtia: popular Science historical essay / Comp. A. I. Sukhanov. Izhevsk, 1987, 150 p. (In Russ.)
4. Sukhanov A. I. The working class of Udmurtia (1917–1970). Izhevsk, 1979, 179 p. (In Russ.)

Поступила 11.05.2023.

Сведения об авторах

Королев Максим Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко (Глазов, Россия). Сфера научных интересов – экономическая история, история региона первой половины XX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1426-0431>.

E-mail: maximilian49@rambler.ru

Рубанова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко (Глазов, Россия). Сфера научных интересов: история региона XIX – первой половины XX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9960-0043>.

E-mail: ivladu@mail.ru

Submitted 11.05.2023.

About the authors

Maxim A. Korolev – Candidate of History, Associate Professor, Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko (Glazov, Russia). Research interests: economic history, history of the region in the first half of the 20th century. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-1426-0431>.

E-mail: maximilian49@rambler.ru

Irina V. Rubanova – Candidate of History, Associate Professor, Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko (Glazov, Russia). Research interests: history of the region in the 19th – first half of the 20th centuries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9960-0043>.

E-mail: ivladu@mail.ru

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.062.019.202303.283-289

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Майдачевский Д. Я. «...Я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В. Н. Шерстобоев и «бои за историю» не местного значения, вторая половина 1940-х – 1950-е годы: историограф. очерки / Д. Я. Майдачевский; Байкальский гос. ун-т.

Иркутск: Изд. дом БГУ, 2022. 255 с.

ISBN 978-5-7253-3090-8

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

Maidachevsky D. Ya. “...I Consider You the Only Historian in Irkutsk”: V. N. Sherstoboev and “Battles for History” of non-local significance, the second half of the 1940s – 1950s: historiograph essays /

D. Ya. Maidachevsky; Baikal State University. Irkutsk, 2022, 255 p. ISBN 978-5-7253-3090-8

А. К. Кириллов

Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия),

e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Судьба экономического историка: В. Н. Шерстобоев и «Илимская пашня» в свете новой книги Д. Я. Майдачевского

Alexey K. Kirillov

Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

The Fate of an Economic Historian: V. N. Sherstoboev and “Ilm Arable Land” in the Light of the New Book by D. Ya. Maidachevsky

Шутка про введение в научный оборот исторических исследований, распространившаяся среди российских историков в XXI в., имела смысл не столько юмористический, сколько сатирический – по отношению к сборникам статей, которые стали слишком многочисленны, чтобы об их появлении можно было (или нужно

© Кириллов А. К., 2023

было) узнавать. Недавно вышедшая книга Д. Я. Майдачевского [4] «вводит в научный оборот» одну давно известную монографию – безо всякой сатиры заставляя посмотреть на классическое исследование новыми глазами. Более того, она открывает яркую и поразительную страницу истории российской науки.

Классик не нуждается в комплиментах (Дмитрий Ярославович Майдачевский – двигатель журнала «Историко-экономические исследования», пленарный докладчик многих научных конференций). Но книга вызывает воодушевление, и хочется, чтобы это издание Байкальского государственного университета не осталось на периферии сознания исторического сообщества в век всепобеждающего маркетинга и продакт-плейсмента.

Обзор впечатлений от книги можно начать с того, о чем говорит сам автор, во введении высказывая уверенность «в монографическом характере работы, несмотря на очерковую форму подачи материала» (с. 12). Действительно, все 14 очерков повторяют ранее опубликованные статьи. Это не всегда удобно. Несмотря на повторы некоторых цитат и непривычные для начала каждой главы (очерка) методологические рассуждения, это все-таки не сборник статей, а книга, создающая разностороннее представление о предмете исследования. Вероятно, при более системном изложении материала были бы заполнены некоторые пробелы, оставшиеся не закрытыми, но и нынешний «импрессионистский» метод создания книги достигает своих целей.

Прежде всего, работа Д. Я. Майдачевского позволяет уяснить научное значение книги «Илимская пашня», написанной и изданной в Иркутске Вадимом Николаевичем Шерстобоевым. Второй ее том вышел с большой задержкой после написания, в 1957 г., но даже отдельно взятый первый том (1949 г. издания) стал значительным научным событием (и был защищен в скором времени как докторская диссертация).

«Илимская пашня» хорошо известна среди специалистов по истории Сибири первых двух веков русского освоения. Она вызывает уважение историков обилием разнообразных сведений по всем сторонам жизни (не только по сельскому хозяйству), извлеченных из документов, хранившихся в местном архиве «в россыпи» (!). Благодаря Д. Я. Майдачевскому становится понятно, что «Илимская пашня» – не просто склад фактов, впервые вводимых в исторический оборот, но выражение определенного взгляда на сибирскую историю, который существенно отличается от взгляда некоторых классиков сибиреведения.

В первую очередь речь идет о подходе к оценке производительности сибирского сельского хозяйства XVII в. в целом. Вопреки В. И. Шункову В. Н. Шерстобоев твердо знал, что оно позволяло кормить Сибирь. «Что значит – “Своим хлебом Сибирь не обошлась” (в 1657 г.). Наоборот, обходилась! Лишь баланс государева хлеба мог быть дефицитным. А баланс Сибири был положителен. Вы все время подменяете одно другим» (с. 95). Каковы формулировки! Не такими словами высказывается альтернативный взгляд на научную проблему, такими словами делается выговор за непонимание очевидных вещей. Уверенность В. Н. Шерстобоева в своей правоте опиралась на доскональное – и по книгам, и из жизни – знание тысячи подробностей о том, как практически работает севооборот: то, чего не знали и не должны знать историки, чего не объясняют отписки и челобитные XVII в.

Наблюдая развитие илимской запашки, илимских севооборотов и урожаев на протяжении XVII–XVIII вв., В. Н. Шерстобоев рассуждал и о более общих явлениях, а именно о том, что вмешательство государства, усиление власти чиновников над крестьянами мешало развитию; помогали – свобода и самостоятельность. Самое яркое тому подтверждение дает самый неожиданный сюжет для книги с земледельческим названием – история Камчатской экспедиции. Критику В. Н. Шерстобоева вызывают крепост-

нические методы обращения экспедиции с восточносибирскими крестьянами. «Не придворные интриги, как это иногда изображается историками, а глубокий упадок крестьянского хозяйства Восточной Сибири и последовавшие голодовки, вызванные Камчатской экспедицией, прервали ее работу», – так формулирует мысль сам В. Н. Шерстобоев (с. 147). При этом итог работы Второй Камчатской экспедиции противопоставляется позднему успеху Г. И. Шелихова и других промышленников, которые привлекали ресурсы крестьян на добровольной основе. Очевидно, здесь В. Н. Шерстобоев выходит на один из важнейших вопросов, обсуждаемых сибиреведами разных веков, – вопрос о соотношении вольнонародной и государственной колонизации в успехе русского освоения Сибири.

В том, что «большой смысл» книги В. Н. Шерстобоева трудно увидеть без комментария Д. Я. Майдачевского, отчасти повинна советская традиция маскировки под «марксистско-ленинскую» идеологию. Пожалуй, язык советских историков (точнее, церемониал представления ими своих результатов) заслуживает отдельной книги или отдельного учебного курса, призванного научить будущих историков («и всех интересующихся») переводить мысли советских историков с «идеологически правильного» языка «на русский». Год за годом предложение студентам-историкам одного из известных российских университетов объяснить смысл монографии П. А. Зайончковского о крестьянской реформе [2] дает автору этих строк неизменно отрицательный результат. Трудность в том, что смысл книги отчасти замаскирован во введении и в заключении цитатами из классиков и «идеологически правильными» (но не опирающимися на факты из книги) декларациями, отчасти – размазан по основному тексту книги без того, чтобы быть четко сформулированным и подчеркнутым (что было бы полезно с точки зрения риторического искусства, но вредно с точки зрения прохождения цензуры).

Дело, впрочем, не только в непривычке к поиску замаскированного смысла. Академик Н. Н. Покровский, которого не упрекнешь в неумении читать советские книги, не увидел того значения работы, о котором пишет Д. Я. Майдачевский. В пространном очерке сибирской историографии в «Исторической энциклопедии Сибири» он упомянул В. Н. Шерстобоева лишь как продолжателя дела В. И. Шункова, подробным рассмотрением частного примера подкрепившего основные результаты последнего. Единственная цитата В. Н. Шерстобоева, которую приводит академик, относится к близкому для самого Н. Н. Покровского, но вспомогательному для «Илимской пашни» сюжету противостояния воеводской власти и мирского самоуправления [3, с. 674, 677].

Для того чтобы правильно понять смысл труда В. Н. Шерстобоева (и подать его не как субъективное мнение, но как убедительно обоснованный вывод!), требовалось не только оценить важность узкоспециальных наблюдений и суждений специалиста-аграрника, но – главное – перелопатить личный фонд В. Н. Шерстобоева в иркутском архиве, а равно и некоторые фонды столичных архивов (РГАЭ, АРАН). Изучить переписку В. Н. Шерстобоева с коллегами, дневники и записи для себя, взаимные рецензии, черновики и первые варианты статей и выступлений (впоследствии исправленные автором, исковерканные издателем или вообще не опубликованные). Опора на вводимые в научный оборот архивные источники – существенная черта книги Д. Я. Майдачевского.

Автор не скрывает симпатий к В. Н. Шерстобоеву, но все-таки позволяет себе высказывать критические суждения по части тех или иных названий, выражений, теоретических построений, используемых его героем. Тем не менее в связи с теми

положениями В. Н. Шерстобоева, которые очевидно разделяет его биограф, хочется вставить небольшую поправку фактографического свойства. Говоря о развитии хозяйства зажиточных крестьян в XVIII в. и подкрепляя этот тезис ценными наблюдениями за развитием севооборота, В. Н. Шерстобоев в число благоприятствующих факторов включает политику «подушного и подворного, т. е. уравнительного, обложения» (явно выгодную более богатым) (с. 172). Это, вообще говоря, необязательное суждение, без которого построения В. Н. Шерстобоева легко могут обойтись, игнорирует механизм внутриобщинного распределения податей. Крестьяне не просто отвечали друг за друга по круговой поруке (что хорошо известно); они сами определяли, кто сколько должен заплатить из общей суммы, спущенной на всю общину. Богатым сход назначал больше, бедным – меньше. Подушная подать отнюдь не была уравнительной (хотя, как и всякий расход, наверняка давила на бедняков тяжелее, чем на богатей).

На этом можно закончить с «введением “Илимской пашни” в научный оборот» и перейти к тому, что можно считать если не более важным, то уж точно более широко востребованным результатом разбираемой книги.

У человека XXI в., листающего «кирпичи» В. Н. Шерстобоева, и мысли не может возникнуть о том, какие баталии разворачивались вокруг их автора. В каждом очерке Д. Я. Майдачевского сквозит: работа его героя была написана и опубликована не благодаря, а вопреки окружающим обстоятельствам. Прохладное отношение «чистых историков» вроде В. И. Шункова – не самое страшное препятствие, встававшее на пути В. Н. Шерстобоева, оно с лихвой перекрывается восторженным отношением историко-географов и экономистов. Но ведь дело происходило в эпоху послевоенных сталинских идеологических кампаний, суть которых образно определил К. Симонов: «Это было нечто на тему о шестке и сверчке». Ретивые журналисты (конечно, воплощавшие линию, спущенную из Москвы через местный обком) требовали от В. Н. Шерстобоева перестать тратить время на никому не нужное ковыряние в исторических подробностях и заняться своими прямыми обязанностями – писать о том, как надо улучшать агротехнику иркутских колхозов и совхозов.

Удивительный факт. Кажется очевидным, что не может не быть профессиональным историком автор двух 600-страничных «кирпичей», притом написанных с опорой на скорописи, которые непосвященному кажутся скорее витиеватым узором, чем доступным для прочтения текстом. Тем не менее автор «Илимской пашни» по профессии экономист с сельскохозяйственным уклоном: окончил факультет права и местного хозяйства Иркутского государственного университета, затем (заочно) – сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева, стал кандидатом сельхознаук, руководил ответственными кафедрами в местных вузах.

Парадокс в том, что уход в исторические подробности был одной из форм борьбы В. Н. Шерстобоева за выживание в качестве специалиста-аграрника. Как показывает нам Д. Я. Майдачевский, В. Н. Шерстобоев начинал с попытки совершить подвиг «на своей делянке». В кандидатской диссертации «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области» (1943) он старался доказать неправильность универсальных инструкций для работы колхозов, необходимость ориентироваться на местные особенности. Изучение истории илимского землепользования было попыткой подкрепить эту же мысль материалом другой эпохи.

За ту диссертацию его пожурили (хотя и дали степень), и это не худшее, что случилось с исследователями, имеющими свое мнение в эпоху лысенковщины. Между прочим, самый яростный борец против лысенковщины на приснопамятной сессии

ВАСХНИЛ 1948 г. – академик В. С. Немчинов – будет в 1951 г. одним из оппонентов по докторской диссертации В. Н. Шерстобоева. Как бы то ни было: еще до 1948 г. на пути движения В. Н. Шерстобоева в его собственной отрасли был поставлен довольно явный заслон, и ему пришлось идти «в чужой монастырь». Но здесь были и свой «настоятель», и своя «братия». Главным противником В. Н. Шерстобоева из числа местных профессиональных историков стал «признанный лидер иркутских историков тех лет» (с. 85) Ф. А. Кудрявцев, по мере сил ставивший палки в колеса В. Н. Шерстобоеву.

Для более тонкого понимания острой борьбы, в которой участвовал В. Н. Шерстобоев, особое значение имеет очерк, где описывается встречная атака В. Н. Шерстобоева против Ф. А. Кудрявцева. В 1952 г. В. Н. Шерстобоев на одной из площадок Иркутского обкома инициировал обсуждение только что вышедшего первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР», где Ф. А. Кудрявцев был главным автором. Уничтожающая критика В. Н. Шерстобоева оказалась тогда настолько действенной, что Бурято-Монгольскому научно-исследовательскому институту культуры, под грифом которого издавалась книга, было предписано подключить к написанию 2-го тома более широкий круг иркутских историков. В. Н. Шерстобоев от приглашения из БМНИИК благоразумно отказался – но ясно, что он вышел в том сражении победителем. И двумя кафедрами в двух местных вузах он заведовал. И смерть его, уже сдавшего все местные посты, в далеком Ставрополе была отмечена в местной газете некрологом, автор которого не побоялся сильных комплиментов в адрес усопшего. Атакуемый и нередко находящийся в угрожаемом положении, В. Н. Шерстобоев не был «униженным и оскорбленным».

Помимо образа самого В. Н. Шерстобоева, книга создает мимолетные, но яркие образы еще некоторых деятелей науки, не боявшихся «свое суждение иметь». Это уже приближающийся к зениту славы В. К. Яцунский: он подбодрил В. Н. Шерстобоева не только высокой оценкой в историографическом обзоре, но и личным письмом, похвала в котором «буквально “окрылила” Шерстобоева» (с. 45). Это младший ровесник (на пять лет младше) В. В. Покшишевский, обнаруживший в авторе «Илимской пашни» родственную душу и напечатавший в «Восточно-Сибирской правде» первый отзыв на книгу незнакомого ему автора. И главное – академик С. Г. Струмилин, который, восхитившись книгой В. Н. Шерстобоева, предложил защитить первый том «Илимской пашни» как докторскую диссертацию и устроил защиту у себя в институте; который защищал В. Н. Шерстобоева от критики на защите и оборонял его от противников в Иркутске; про которого В. Н. Шерстобоев выразился так: «Спасибо Струмилину. Он меня спас от гнусных изветов» (с. 19). С. Г. Струмилин – один из тех редких «инженеров революции» (вспоминая название книги Т. О’Коннора о Л. Б. Красине), которые смогли и как профессионалы состояться, и в революционной власти занять видное место; а в 1930-е гг. и голову не потерять, и человеческое достоинство сохранить.

Параллельно с героями возникают и антигерои, один из которых – будущий членкор, столичный сибиревед В. И. Шунков. Как выясняется, В. И. Шунков был одним из тех, кто лично получил от В. Н. Шерстобоева экземпляр 1-го тома «Илимской пашни» (еще до издания книги, в машинописи) и напечатал ни много ни мало в «Вопросах истории» отзыв на нее, разочаровавший автора поверхностным подходом, и даже более того – создавший автору неприятности как минимум с ВАКом. В свою очередь В. Н. Шерстобоев неофициально отправил В. И. Шункову критический

разбор его книги 1946 г. [5], показывающий значительное превосходство рецензента в знании фактического исторического материала и понимании сельскохозяйственных технологий. Д. Я. Майдачевский приводит убедительные доводы в пользу того, что В. И. Шунков имел более высокий статус: и монография у него вышла на три года раньше, и по должности он был замдиректора Института истории, а не завкафедрой в Иркутске. Критические замечания «от провинциального ученого, идущего по пути, торимому первопроходцем из столичного академического института» (с. 94), действительно в таком свете выглядят крамолой и вместе с тем подвигом. Впрочем, три года – не такая уж большая разница для исторических исследований, притом сам же Д. Я. Майдачевский показывает, что сама по себе книга В. Н. Шерстобоева (1-й том) создавалась независимо от столичных историков, и уже в июне 1947 г. законченная рукопись книги удостоилась восторженного отзыва С. Г. Струмилина. В. Н. Шерстобоев не был последователем ни В. И. Шункова, ни даже С. В. Бахрушина – настоящего первопроходца темы освоения Сибири [1], к которому, как показывает Д. Я. Майдачевский, В. И. Шерстобоев приехал в Москву, и лишь за отсутствием академика обратился к его ученику (с. 92). Вероятно, существенную роль в отношениях В. Н. Шерстобоева и В. И. Шункова играло то, что они были ровесниками – оба родились в 1900 г. Д. Я. Майдачевский знает этот факт, но не подчеркивает его. Между тем автор «Илимской пашни» не мог не воспринимать столичного историка как по гроб жизни равного себе – в чем-то очень важном. Вероятно, В. Н. Шерстобоев испытывал некоторое чувство снисходительности по отношению к своему менее сведущему в сельском хозяйстве московскому коллеге. Любопытна в свете этого его дарственная надпись на форзаце 2-го тома «Илимской пашни»: «Многоуважаемому Виктору Ивановичу Шункову на добрую память. В. Шерстобоев. 26 мая 1957 г.»¹. Версия несколько менее официальная, чем на экземпляре 1-го тома, подписанного: «Многоуважаемому Александру Игнатьевичу Андрееву. В. Шерстобоев. 31 августа 1948 г. г. Иркутск»². Впрочем, делать далеко идущие выводы из этого небольшого различия в формулировках было бы неосторожно.

Очарование книги во многом зависит от образа подачи мыслей, который можно назвать независимым. Автор не только не боится критически оценивать работы отдельных предшественников (даже именитых), но во введении саркастически отзывается в целом о вносящих «методологическую сумятицу» «терминологических («концептуальных») новациях» последних десятилетий. Правда, в одном из последних очерков – с. 222 и далее – обнаруживаются выпады против «позитивизма», что может показаться довольно неожиданным для тех, кто привык встречать этот ярлык как раз у любителей «терминологических новаций». Впрочем, значение этого понятия в данном случае поясняется достаточно четко: недовольство автора вызывают историки, которые ограничивают исследовательские задачи «поиском и компиляцией источников».

¹ Книга хранится в библиотеке Института истории СО РАН, инвентарный номер 61745. Библиотека располагает двумя экземплярами «Илимской пашни». Тот из экземпляров 1-го тома, который наиболее близок к упомянутому 2-му тому по инвентарному номеру, помечен номером 58322 – значит, книги поступили не одновременно: вероятно, из разных источников. Экземпляр 58322 дарственной надписи не имеет.

² На титульном листе этого экземпляра надпись: «А. Андреев. 28.IX.49». Судя по расхождению дат двух надписей, между подписанием книги и ее получением прошло время; вряд ли она была передана из рук в руки. Том мог быть выслан А. И. Андрееву просто как лично незнакомому специалисту по теме (автору книги 1939 г. издания: «Очерки по источниковедению Сибири: XVII век»). Инвентарный номер этого тома в библиотеке ИИ СО РАН – 7671. Один из двух экземпляров 2-го тома в той же библиотеке имеет номер 7670 – значит, он поступил в библиотеку одновременно с 1-м томом А. И. Андреева (хотя, строго говоря, это и не гарантия того, что он принадлежал А. И. Андрееву); дарственной надписи этот экземпляр не имеет.

Лицо книги Д. Я. Майдачевского определяют не только мысли, но и слова: торжественно-барочная витиеватость языка придает всей книге привкус изысканного изящества. Вкусить его может каждый: полный текст книги доступен на личной странице автора на платформе «Академия»³.

Список источников

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. 198 с.
2. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1958. 470 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1. 716 с.
4. Майдачевский Д. Я. «...Я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В. Н. Шерстобоев и «бои за историю» не местного значения, вторая половина 1940-х – 1950-е годы: историогр. очерки. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2022. 255 с.
5. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 228 с.

References

1. Bakhrushin S. V. Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th and 17th centuries. Moscow, 1927, 198 p.
2. Zayonchkovsky P. A. Implementation of the peasant reform of 1861. Moscow, 1958, 470 p.
3. Historical Encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009. Vol. 1, 716 p.
4. Maidachevsky D. Ya. "...I consider you the only historian in Irkutsk": V. N. Sherstoboev and "Combats pour l'histoire" – non-local fightings of the second half of the 1940s and 1950s: historiographical essays. Irkutsk, 2022, 255 p.
5. Shunkov V. I. Essays on the history of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII centuries. Moscow; Leningrad, 1946, 228 p.

Поступила 14.06.2023.

Сведения об авторе

Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). Область научных интересов – история капиталистической России (вторая половина XIX – начало XX в.). Автор более 100 научных публикаций, в том числе 2 персональных монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-3795>.

E-mail: alkir.nsk@gmail.com

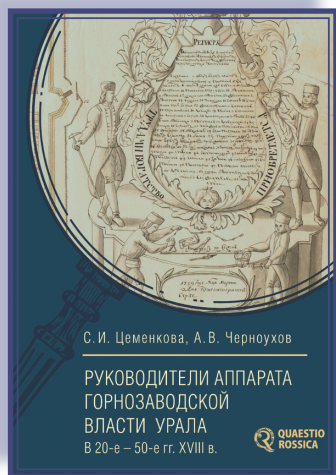
Submitted 14.06.2023.

About the author

Alexey K. Kirillov – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). Research interests: late imperial Russia. The author of more than 100 scientific works, including two personal monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-3795>.

E-mail: alkir.nsk@gmail.com

³ <https://isea.academia.edu/DmitryMaidachevsky/Books>.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Цеменкова С. И., Черноухов А. В.
Руководители аппарата горнозаводской власти Урала
в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник.
СПб.: Алетейя, 2022. 446 с.

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

The Heads of the Apparatus of the Mining Authorities
of the Urals in the 20s – 50s 18th Century: Biographic
Reference Book. Saint Petersburg, 2022, 446 p.

В. В. Запарий

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: vvzap@mail.ru

Vladimir V. Zapariy

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: vvzap@mail.ru

Когда в руки попадает какая-нибудь, а особенно научная книга, возникает вопрос: а собственно зачем она написана? Изучая данное издание, такого вопроса не возникает, потому что оно посвящено людям, как сейчас принято говорить, акторам, которые творили историю по крайней мере нашего, уральского края, закладывали основу его нынешнего процветания.

Дело в том, что на протяжении десятилетий историческая наука в нашей стране изучала процессы и рассматривала роль личности как таковой, т. е. людей абстрактных, а не конкретных. Были, правда, и исключения. Много лет назад профессор исторического факультета УрГУ А. Г. Козлов издал очень краткий справочник деятелей горнозаводского Урала, который содержал микростатьи о людях той эпохи [1]. Правда, за почти полвека со времени его издания он стал библиографической редкостью.

Несколько повезло крупным организаторам и заводчикам, о которых есть не только статьи, но и целые развернутые научные работы. Это Татищев и Генин, Демидовы и Строгановы, Черепановы и еще несколько имен [2–5]. А вот людям, которые работали под их началом, места в истории не осталось. Именно поэтому данное издание является несомненно серьезным явлением в национальной исторической науке.

В аннотации отмечается, что в данном биобиблиографическом справоч-

© Запарий В. В., 2023

нике в русле подходов биобиблиографической истории сделана попытка реконструировать события жизни и деятельности горных служителей и офицеров. И это на самом деле так. Читая текст, как бы проникаешь в ту эпоху и видишь живых людей, а не манекены, со всеми их положительными чертами и слабостями.

Книга написана известными уральскими историками: доцентом С. И. Цеменковой и профессором А. В. Черноуховым, много лет занимающимися этой проблематикой. Работа хорошо структурирована. Ее части и все содержание продуманы и вполне закономерны по структуре и оформлению.

Во введении содержится общая концепция работы. Представлена историография вопроса с краткой характеристикой проблемы. Приведены характеристики работ, посвященных деятелям горнозаводского управления и горных служителей. Причем из этого раздела становится понятным, что этот вопрос волновал историков начиная с XIX в., но никогда не был широко представлен в исторической науке. Занимались персоналиями и в последние годы. Здесь следует подчеркнуть, что авторы книги хорошо известны в исторической среде Урала и России как специалисты именно по данному периоду, и ими опубликовано по данной проблеме достаточное количество обобщающих работ, позволяющих сделать подобную книгу [6–9].

Первая часть биографического справочника посвящена ряду разделов. Первый содержит сведения о руководителях, присланных из числа служащих столичных центральных учреждений для работы на Урале. В нем приведены данные о 19 служащих – и очень известных, как Н. Г. Клеопин и О. А. Украинцев, и менее известных. Каждая статья сопровождается сносками на материалы опубликованных работ и архивные дела, откуда черпалась информация.

Второй рассказывает о служащих губернских и уездных администраций в системе горнозаводского управления. Здесь содержатся 32 справки о деятелях администрации; они, как правило, достаточно подробны и прекрасно освещают жизнь и деятельность этих людей.

Третий раздел показывает работу воспитанников столичных школ и академий на горнозаводской службе в указанный период. Он, как и все остальные, начинается с небольшого вводного раздела, а затем дает справки по каждому из указанных служащих данной категории. Всего их 58 чел. Как правило, информация достаточно подробная, но есть и совершенно краткие справки.

В четвертом дается характеристика отставным военным и их роли в горнозаводском Урале. Авторы указывают во вводном замечании, что военные, как действующие, так и отставные, сыграли существенную роль в организации и функционировании управления на Урале. Приводятся справки на 18 чел., содержащие их биографии.

Пятый раздел характеризует такое явление, как использование ссыльных в организации и осуществлении горнозаводского производства. Этой категории отведено свое место. Приведены данные на 5 чел., дана характеристика по их деятельности на Урале.

Шестой раздел показывает работу и ее значение для функционирования горнозаводской промышленности иностранных специалистов в первую очередь на руководящих должностях. Таких отмечено 6 чел.

Наконец, о той роли, которую сыграли воспитанники уральских горнозаводских школ, в деле становления и развития горнозаводского производства. 32 чел. являются предметом биографического описания. Таким образом, в этом разделе

содержатся сведения о более чем 150 служащих, чья биография стала доступна широкой научной общественности.

Часть вторая содержит семь биографических очерков, которые авторам удалось написать на основании имеющихся у них архивных документов. Именно о них я говорил как о материалах, по которым можно писать романы и детективы.

Третья часть работы дает характеристику истории формирования системы горнозаводского управления Урала в 1720–1750-е гг., т. е. тех событий, в контексте которых собственно и творили люди, о которых написана данная книга. В этой части дается в хронологическом разрезе изложение процесса складывания данной системы, с обильным цитированием документов. Приведены характеристика числа заводов и количество дворов и числа населяющих их людей, а также населенных пунктов, которые были с ними связаны. Обращено внимание на складывание разграничения власти гражданской (территориальной) и горнозаводской.

Книга заканчивается списком литературы по данной проблеме, насчитывающим около 60 наименований. Работа написана в основном по архивным материалам.

Информативно приложение. Оно содержит список и данные о годе прибытия на Урал, месте и дате рождения, а также учебное заведение, которое люди окончили. Хотя не все данные возможно сейчас заполнить, эта таблица дает большой объем информации по горнозаводским служащим, работавшим в то время, и насчитывает 71 чел.

Интересно отметить, что в структуре работы лежит следование особой иерархии, информация о которой включала информацию о происхождении человека, уровне образования, особенностях его карьерного пути, семейного положения и т. д. Из текста видно, что авторы стремились приводить данные об условиях службы, наличии должностных проступков и др., что позволяет хотя бы отчасти, как они пишут, восстановить неповторимую судьбу этих людей [10, с. 30].

В некоторые статьи включены выдержки из документов, что позволяет приблизить эпоху, «почувствовать ее аромат».

Наряду с краткими сведениями, подчас достаточно отрывочными, в справочнике мы можем встретить просто детективные истории, достойные пера Александра Дюма – отца или Валентина Пикуля. Эти люди как будто оживают в своих поступках. Но даже краткие и отрывочные сведения о них дают серьезное представление об эпохе, людях, в ней творивших, их делах и заботах того времени. Каждый очерк о человеке неповторим и по-своему интересен.

Очень хотелось бы согласиться с авторами в том, что эта работа – только первый шаг в направлении и восстановлении жизненного пути горнозаводских служащих Урала в XVIII в. и последующем периоде. Хотелось бы, чтобы авторы работы продолжили ее и порадовали бы всех историков и интересующихся историей новым выпуском справочника.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что перед нами интересное и крайне необходимое для исследователя издание, которое представляет собой качественное фундированное исследование, изданное на высоком полиграфическом уровне.

Хотелось бы пожелать авторам новых творческих успехов.

Список источников

1. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. 222 с.
2. Контеев А. В. 325 лет со дня рождения Георга Вильгельмовича де Геннина (1676–1750), руководителя Сибирского горного начальства, одного из организаторов российского горно-металлургического производства на Алтае // Страницы истории Алтая. 2001. Календарь памятных дат. Барнаул, 2001. С. 72–81.
3. Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург: БКИ, 2006. 280 с.
4. Курлаев Е. А. Берг-мейстер И. Ф. Блиер // Шестые Татищевские чтения: в 2 т. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 145–149.
5. Сафронова А. М. Вклад В. Н. Татищева в организацию обучения детей дворян и подготовку командных кадров для казенных заводов Урала и Сибири (1734–1739 годы) // Двенадцатые Татищевские чтения: материалы конф. Екатеринбург, 2020. С. 8–14.
6. Цеменкова С. И. Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Силыч Кутузов // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 359–372.
7. Цеменкова С. И. «Незаменимые были»: несколько сюжетов из биографии Евдокима Яковлева // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 338–345.
8. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. «Горное дело производилось сильную рукою...»: формирование состава «высших и низших управителей» горнозаводского Урала в 20–40-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2020. Вып. 20. С. 41–56.
9. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Екатеринбургский завод в первые годы: человеческий фактор в системе управления // Документ. Архив. История. Современность: материалы Седьмой Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ист. факультета УрФУ. Екатеринбург, 2018. С. 345–351.
10. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биогр. справ. СПб.: Алетейя, 2022. 446 с.

References

1. Kozlov A. G. Creators of science and technology in the Urals. Sverdlovsk, 1981, 222 p. (In Russ.)
2. Konteev A. V. 325 years since the birth of Georg Wilhelmovich de Gennin (1676–1750), head of the Siberian mining authorities, one of the organizers of the Russian mining and metallurgical production in Altai. *Stranicy istorii Altaya. 2001. Kalendar' pamyatnykh dat* = Pages of the history of Altai. 2001. Calendar of memorable dates. Barnaul, 2001, P. 72–81. (In Russ.)
3. Korepanov N. S. Gennin in the Urals. Ekaterinburg, 2006, 280 p. (In Russ.)
4. Kurlaev E. A. Berg-meister I. F. Blier. *Shestyte Tatishchevskie chteniya: v 2 t.* = Sixth Tatishchev readings. Ekaterinburg. April 20–21, 2006: in 2 vol. Ural University Publishing House, 2006, V. 2. P. 145–149. (In Russ.)
5. Safronova A. M. The contribution of V. N. Tatishchev to the organization of education for children of the nobility and the training of command personnel for state-owned factories in the Urals and Siberia (1734–1739). *Dvenadcatye Tatishchevskie chteniya* = Twelfth Tatishchev Readings. Ekaterinburg, November 19–20, 2019. Materials of the conf. Ekaterinburg, 2020: 8–14. (In Russ.)
6. Cemenkova S. I. The first cartographers of the mining Urals: Mikhail Silych Kutuzov. *Dialog so vremenem* = Dialogue with time. 2021; 75: 359–372. (In Russ.)
7. Cemenkova S. I. “Irreplaceable were”: several plots from the biography of Evdokim Yakovlev. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. tr.* = Document. Archive. Story. Modernity: a collection of scientific papers. Ekaterinburg, 2019; Iss. 19: 338–345. (In Russ.)
8. Cemenkova S. I., Chernoukhov A. V. “Mining was carried out with a strong hand...”: the formation of the composition of the “higher and lower managers” of the mining Urals in the 20–40s XVIII century. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. tr.* = Document. Archive. Story. Modernity: a collection of scientific papers. Ekaterinburg, 2020; Iss. 20: 41–56. (In Russ.)

9. *Cemenkova S. I., Chernoukhov A. V.* Ekaterinburg plant in the first years: the human factor in the management system. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': materialy Sed'moj Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu ist. fakul'teta UrFU* = Document. Archive. Story. Modernity: Proceedings of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of History of UrFU. Ekaterinburg. November 16–18, 2018. Ekaterinburg, 2018, P. 345–351. (In Russ.)
10. *Cemenkova S. I., Chernoukhov A. V.* The heads of the apparatus of the mining authorities of the Urals in the 20s – 50s 18th century. Biographic reference book. Saint Petersburg, 2022, 446 p. (In Russ.)

Поступила 24.04.2023.

Сведения об авторе

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и социальных технологий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: металлургия, техника. Автор более 1 000 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

Submitted 24.04.2023.

About the author

Vladimir V. Zapariy – Doctor of History, Professor, Department of History and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). Research interests: metallurgy, engineering. The author of 1 000 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2409630X) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

- Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
- Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
- Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
- Индустриальное наследие России.
- «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
- Аграрная история.

1. Публикация статей бесплатная. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые, исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, отражающих специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования;

Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора);

Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки);

Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии;

Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них;

- текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

- благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

- приставный список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5.2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

- аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

Dear colleagues!

The editorial office of the scholarly journal «Russian Journal of Economic History» (ISSN 2409630X) takes into consideration the scientific articles, analytical and bibliographic overviews, reviews.

The planned rubrics:

- The methodological choice in contemporary historical and economic researches.
- The modernization paradigms in the economic history of Russia.
- State economic policy: history, the current practice and prospects.
- Russian industrial heritage.
- «Life Story» of the provincial entrepreneurship.
- The Agrarian History.

1. Publication of articles is free. Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article, it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and findings;
- Keywords (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study;

Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection);

Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings);

Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments;

Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them;

– Text of an article is of 10–15 pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– Acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.;

– The bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5.2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets;

– Affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.